
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 12, № 3. 2021

Сквозной номер – 45

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 12, No. 3. 2021

Continuous issue – 45

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:

Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Индекс в объединенном каталоге
"Пресса России" – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук
(12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-
исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность)

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-LIBRARY)

Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory

Журнал включен в электронный периодический справочник
«Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

Scientific and Theoretical Journal

Founder and publisher:

the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

The Journal is registered in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications
June, 29, 2012.
Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the leading peer-
reviewed journals, in which should be published basic scientific
results of degree dissertations
(12.00.01 Theory and history of law and state; history of theory
of law and state,
12.00.02 Constitutional law; constitutional trial; municipal law,
12.00.08 Criminal law and criminology; criminal and penal law,
12.00.09 Criminal proceedings,
12.00.11 Judicial work, prosecutorial activity, human rights
and law enforcement activity,
12.00.12 Criminalistics; forensics; investigation activity)

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-LIBRARY)

The Journal is included in the Ulrich's Periodicals Directory

The Journal is included in the electronic periodical "Sistema
GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

Андреев Максим Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, Казанский юридический институт МВД России).
ORCID: 0000-0002-3749-7669

Балахонский Виталий Витальевич – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Безверхов Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

Варыгин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия)

Воронин Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)

Гишинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

Готчина Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Демидов Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный федеральный инспектор по Республике Татарстан

Дубровин Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор (Уфа, Восточная экономика-юридическая гуманитарная академия). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Мезяев Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Уфа, Башкирский государственный университет). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Степаненко Равия Фаритовна – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (При-волжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, профессор **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе).
ORCID: 0000-0003-1532-9258

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

Бабичев Арсений Георгиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

Гарафутдинов Марат Рафикович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе)

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Зотина Елена Владимировна – старший редактор редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России

Казанцев Сергей Яковлевич – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Шайдулина Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief Federal Inspector of the Republic of Tatarstan

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egorychev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Bashkir State University). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Full Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Arseny Georgievich Babichev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna, Doctor in Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminology and Criminal Executive Law, the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elena Vladimirovna Zofina, Editor - in - Chief (ad interim) of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy, Candidate in Laws (Doctor habilitatus), Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Laws (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>CONTENTS</i>	292
<u>ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА</u>	
Ахунов Д.Р. Проект Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации».....	294
<u>ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА</u>	
Амануллина А.Ф. Конвенционно-конституционные коллизии в свете поправок в Конституцию Российской Федерации.....	301
Камаров М.Р. Цели в праве: методологические аспекты уровневого подхода	306
Карнаушенко Л.В. Теоретический и практический аспекты осмысления природы естественного и позитивного права.....	312
Ливенцев Д.В. Альтернативная юридическая ответственность: понятие и критерии институционализации.....	317
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Гаврилов М.А. Реституция и гражданский иск по уголовным делам в случае смерти потерпевшего.....	322
Каримов А.М. К вопросу о денежном возмещении в федеральный бюджет как элементе основания освобождения от уголовной ответственности в рамках статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	329
Курсаев А.В., Ханахмедова Л.В. Парадоксы уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе.....	336
Ларичев В.Д., Панкратьев А.Н. Проблемы развития уголовного законодательства в сфере использования ключей усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи.....	344
Рамазанов А.В. К вопросу об оценке косвенного ущерба от коррупционных преступлений.....	351
Шавалеев Б.Э. О перспективах введения института уголовного проступка в отношении мошенничества с использованием электронных средств платежа.....	359
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Абдраязпов Р.Р. О проблемных аспектах организации работы органов внутренних дел по разрешению материалов доследственных проверок.....	364
Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы.....	370
Гарипов Т.И. Законодательные и правоприменительные проблемы экстрадиции в уголовном процессе.....	375

Гильманов И.М., Юнусов А.А.	
Подсудность судов первой инстанции по уголовным делам Гонконга, Индонезии, Малайзии, Сингапура и Филиппин.....	383
Гумаров И.А., Тырышкин В.В.	
Некоторые проблемы документирования преступных действий в сфере потребительского рынка сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел.....	391
Киселёва М.А.	
Особенности первоначального этапа расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания.....	397
Маликова Н.В.	
Отличительные особенности уголовно-процессуальных кодексов России и Белоруссии.....	403
Хвостова А.В.	
Проблема соотношения законности с категориями справедливости, целесообразности и правомерности в правоприменительной деятельности.....	408
Шайдуллина Э.Д., Семёнов Е.А.	
Вопросы правоприменения гражданского иска в уголовном судопроизводстве России.....	415
 <u>ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ</u>	
Кушнарёва Е.В.	
О совершенствовании правовой регламентации института оперативных совещаний в системе МВД России.....	422
Кузнецов Д.В., Айгозина А.М.	
Способы технического контроля коррупционных проявлений в деятельности сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России.....	429
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	436

CONTENTS

DISCUSSION PLATFORM

Ahunov D.R.

Draft Federal Law Agglomerations in the Russian Federation..... 294

STATE LAW

Amanullina A.F.

Conventional and Constitutional Conflicts In The Light Of Amendments to the Constitution of the Russian Federation 301

Kamarov M.R.

Goals in Law: Methodological Aspects of Level-Based Approach..... 306

Karnaushenko L.V.

Theoretical and Practical Aspects of Understanding Natural and Positive Law..... 312

Liventsev D.V.

Alternative Legal Liability: the Concept and Criteria of Institutionalization..... 317

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Gavrilov M.A.

Restitution and Civil Action in Criminal Cases in Case of Death of the Victim..... 322

Karimov A.M.

Monetary Compensation to the Federal Budget as an Element of the Grounds for Exemption from Criminal Liability under Article 76.1. Criminal Code of Russian Federation 329

Kursaev A.V., Hanahmedova L.V.

Paradoxes in Criminal Liability for Mediation in Commercial Bribery..... 336

Larichev V.D., Pankratjev A.N.

Keys of Enhanced Qualified Electronic Digital Signature: Development Issue of Criminal Legislation..... 344

Ramazanov A.V.

Assessment of Indirect Damage from Corruption Crimes..... 351

Shavaleyev B.E.

The Prospects for the Introduction of the Institution of Criminal Misconduct in Relation to Fraud Using Electronic Means of Payment..... 359

CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS

Abdrazyapov R.R.

Areas of Concern in Organization of Work of the Internal Affairs Bodies to Resolve the Materials of Pre-Investigation Checks..... 364

Afanasjeva A.A.

Remote Interrogation: Status and Prospects..... 370

Garipov T.I.

Legislative and Law Enforcement Challenges of Extradition in the Criminal Process..... 375

Gilmanov I.M., Yunusov A.A.

Jurisdiction of courts of first instance in criminal cases in Hong Kong, Indonesia, Malaysia, Singapore and the Philippines..... 383

Gumarov I.A., Tyryshkin V.V.

Certain Issues in Documenting Criminal Acts in Consumer Market by Investigation Unit of the Internal Affairs..... 391

Kiseleva M.A. Features of the Initial Stage of the Investigation of Illegal Search and (or) Removal of Archaeological Objects from the Places of Occurrence.....	397
Malikova N.V. Distinctive Features of Criminal Procedure Codes of Russia and Belarus.....	403
Hvostova A.V. The Problem of the Relationship of Legality, Justice, Expediency And Legitimacy in Law Enforcement.....	408
Shaydullina E.D., Semyonov E.A. Law Enforcement of a Civil Claim in Criminal Proceedings of Russia.....	415
<i><u>HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT</u></i>	
Kushnarjova E.V. Improving the Legal Framework Regulation of Brief Meetings in MIA of Russia.....	422
Kuznetsov D.V., Aygozina A.M. Methods of Technical Control of Corruption in State Road Safety Inspectorate of MIA of Russia.....	429
<i><u>NOTICE TO AUTHORS</u></i>	436

УДК343.973

DOI: 10.37973/KUI.2021.87.83.002

Д.Р. Ахунов

**ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«ОБ АГЛОМЕРАЦИЯХ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**DRAFT FEDERAL LAW
AGGLOMERATIONS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Введение: в статье предлагается проект Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации». Тенденции современного развития территории и экономики Российской Федерации свидетельствуют о всё большем влиянии высокоурбанизированных территорий и агломераций. Об этом же говорят особенности демографического и социально-экономического развития государства. В субъектах Российской Федерации происходит концентрация населения вокруг крупных городов, где сосредоточивается экономическая активность и формируется развитая сеть городов-спутников и пригородных населённых пунктов. Агломерации становятся ключевым явлением в развитии занимаемой ими территории. Существующая система административно-территориального устройства Российской Федерации в целом и территориальной организации местного самоуправления в частности всё больше расходится с новой социально-экономической, социально-культурной и демографической структурой общества, подвергающейся влиянию агломерационных процессов. Это обуславливает потребность и актуальность правовой легализации на федеральном уровне таких сложных территориальных образований (систем), как агломерации, сложившихся на территории Российской Федерации, а также правового регулирования их деятельности.

Материалы и методы: в ходе исследования, результатом которого явился предлагаемый законопроект, использовались нормативные правовые акты в сфере правового регулирования административно-территориального устройства различных территориальных субъектов Российской Федерации, а также работы отечественных ученых по экономической, социальной и политической географии, региональной экономике и криминологии, посвященные комплексным процессам агломерирования и особенностям агломераций. Применялись общенаучные и частнонаучные методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить собранные авторами материалы из различных источников, относящиеся к предмету исследования.

Результаты исследования: по результатам исследования предложен проект Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации».

Обсуждение и заключения: в законопроекте закрепляются понятие и правовой статус агломерации в Российской Федерации, определяются ее возможные виды, структура и органы управления, а также процедурные аспекты образования, ликвидации и взаимодействия таких систем расселения.

Ключевые слова: проект федерального закона, федеральный закон, агломерация, государственный реестр агломераций, совет агломерации, межмуниципальное сотрудничество, межрегиональное сотрудничество, субъекты Российской Федерации со специальным правовым режимом, экономические зоны.

Для цитирования: Ахунов Д.Р. Проект Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 294-300. DOI: 10.37973/KUI.2021.87.83.002

Introduction: trends in the modern development of the territory and economy of the Russian Federation indicate an increasing influence of highly urbanized territories and agglomerations. This also confirms the peculiarities of demographic and socio-economic development of the state. In the subjects of the Russian Federation, the population is concentrated around large cities, where economic activity is concentrated and a developed network of satellite cities and suburban settlements is formed. Agglomerations become a phenomenon in the development of the territory they occupy. The existing

system of the administrative-territorial structure of the Russian Federation as a whole and the territorial organization of local self-government, in particular, is increasingly at odds with the new socio-economic, socio-cultural and demographic structure of society, due to the influence of agglomeration processes. This determines the need and relevance of legal legalization at the federal level of such complex territorial entities (systems) as agglomerations that have developed in the territory of the Russian Federation in a significant number, as well as the legal regulation of their activities.

Materials and Methods: during the scientific research which resulted in the proposed draft law, we used legal acts in legal regulation of the administrative-territorial structure of various territorial subjects of the Russian Federation, as well as the work of Russian scientists on economic, social and political geography, regional economics and criminology, devoted to complex processes agglomeration and peculiarities of agglomerations. We used general scientific and special scientific research methods, which allowed us to analyze and generalize the materials collected by the authors from various sources related to the subject of the scientific research.

Results: based on the scientific research, a draft Federal Law "On Agglomerations in the Russian Federation".

Discussion and Conclusions: legislative proposal establishes the concept and legal status of agglomeration in the Russian Federation, defines its possible types, structure and governing bodies, as well as procedural aspects of the formation, liquidation and interaction of such settlement systems.

Keywords: draft federal law, federal law, agglomeration, state register of agglomerations, council of agglomeration, intermunicipal cooperation, interregional cooperation, constituent entities of the Russian Federation with a special legal regime, economic zones.

For citation: Ahunov D.R. Draft Federal Law Agglomerations in the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 294-300. DOI: 10.37973/KUI.2021.87.83.002

Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации»

Современные тенденции демографического и социально-экономического развития территорий в Российской Федерации характеризуются существенным изменением системы расселения. Происходит концентрация населения вокруг крупных городов, где сосредоточивается экономическая активность и формируется развитая сеть городов-спутников и пригородных населённых пунктов. Существующая система административно-территориального устройства Российской Федерации в целом и территориальной организации местного самоуправления в частности всё больше расходится с новой социально-экономической, социально-культурной и демографической структурой общества. Агломерации становятся ключевым явлением в развитии занимаемой ими территории, что требует формирования специальных механизмов управления такими территориями и определения их правового статуса.

В Российской Федерации преобладают территориально крупные регионы, в рамках которых агломерации составляют незначительную часть. В этих условиях региональная власть не может сосредоточиться на прямом управлении агломерацией. Напротив, налицо риск серьёзной конфликтности

по линии «центр – периферия региона», поскольку приоритеты агломерации по сосредоточению в ней основных трудовых, финансовых и административных ресурсов региона входят в противоречие с потребностями отдалённых территорий в более равномерном развитии, предоставлении равноправного доступа к государственным услугам и распределению благ. Создаются условия для развития коррупционных связей в агломерациях, на территории которых они расположены, для злоупотребления должностными полномочиями органов и лиц, занимающих легальное положение в структуре власти.

Ключевой закономерностью в этом контексте является все большее стягивание населения, хозяйственной и социальной активности в городские агломерации, расширение их границ и влияния на демографию и экономику территории. С другой стороны, необходимо учитывать динамику и растянутость (этапность) агломерационных процессов во времени, когда переход к следующему этапу будет обуславливаться как объективными факторами, так и используемыми мерами государственного управления, включая нормативное регулирование на территориях, на которых расположены агломерации в целом.

Изложенные обстоятельства определяют необходимость правового регулирования таких системных территориальных образований, как агломерации.

Проект Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации» позволяет определить правовой статус как уже фактически сложившихся, так и складывающихся в перспективе агломераций на основе межмуниципального и межрегионального сотрудничества. Кроме того, принятие данного Федерального закона позволяет определить, а в перспективе и регулировать предмет ведения агломераций, установить органы управления ими и влиять на целый перечень социально-экономических процессов внутри них.

**Проект
Федеральный закон
«Об агломерациях в Российской Федерации»**

Преамбула

Россия и российская общественность, будучи убежденными в необходимости:

правовой легализации на федеральном уровне сложных территориальных образований (систем) – агломераций, сложившихся на территории Российской Федерации в значительном количестве;

регулирования образования и деятельность агломераций как сложных систем расселения населения Российской Федерации;

установления органов управления сложившимися и складывающимися агломерациями для управления социально-экономическими процессами внутри них;

достижения большего единства между федеральной, региональной властью и местными самоуправляемыми территориями в борьбе против коррупции и организованной преступности, которые выживают и распространяются на неуправляемых или частично управляемых из одного центра территориях, в агломерациях, не имеющих общего плана противодействия преступности, включая наиболее опасные её виды – организованную и коррупционную преступность;

проведения общей уголовной политики, направленной на защиту общества от коррупции и организованной преступности, включая принятия соответствующих мер профилактического характера;

признавая, что организованная и коррупционная преступность имеют негативные этико-правовые, политические и финансово-экономические последствия, угрожают надлежащему и справедливому функционированию систем демократии и социально-экономического развития страны;

принимая во внимание важность разработки Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации»;

с целью повышения эффективности работы правоохранительных и других государственных органов власти и общественности в борьбе с организованной и коррупционной преступностью и другими, связанными с ними опасными видами преступности считают целесообразным принять настоящий закон.

Глава I. Общие положения

Статусом агломерации в Российской Федерации наделяются территории в целях расширения единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности, и более успешного решения актуальных вопросов местного, регионального, межрегионального и федерального значения.

Агломерации в Российской Федерации не являются самостоятельными субъектами Российской Федерации или самостоятельными муниципальными образованиями, не имеют самостоятельных органов государственной власти, существуя в рамках единого правового режима Российской Федерации, её субъектов и входящих в их состав муниципальных образований.

Агломерации в Российской Федерации создаются на основе принципа межмуниципального и межрегионального сотрудничества.

Правовой статус агломераций в Российской Федерации определяется в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Под агломерацией понимается системное, динамическое, как правило, юридически не признанное, но фактически существующее административно-территориальное, социально-экономическое и социально-культурное образование, состоящее из центра (ядра) в виде одного или нескольких крупных городов, вокруг которых объединяются близлежащие населённые пункты, находящиеся в устойчивой территориальной, социально-экономической и иной функциональной взаимосвязи между собой, имеющие правовую самостоятельность и испытывающие на себе особое влияние центра (ядра), который(ое) они обеспечивают ресурсами для его существования и развития, в том числе рабочей силой, стимулирующими процессы урбанизации, находящимися на его территории сельскими территориями и производящими укрупнение входящих в него основных городских территорий, а также кооперацию ряда важных сфер деятельности местных самоуправляемых образований, фактически находящихся под влиянием данного структурного образования.

На территории Российской Федерации могут создаваться агломерации межрегионального значения, состоящие из нескольких функционально объединённых самостоятельных субъектов Российской Федерации или их частей, и агломерации межмуниципального значения, состоящие из нескольких функционально объединённых муниципальных образований или их частей.

В соответствии с Федеральным законом на территории Российской Федерации допускается создание отдельных агломераций федерального значения с превращением их в отдельные регионы и агломераций с отдельным правовым режимом, с превращением их в новые муниципальные образования и в специальные экономические зоны.

Вновь создаваемая агломерация должна иметь наименование, указывающее на её статус и центр (ядро) агломерации.

Вновь создаваемая агломерация подлежит включению в государственный реестр агломераций Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а агломерации, преобразованные в новые регионы и муниципальные образования, – включению в Конституцию Российской Федерации и в соответствующие Федеральные законы или в законы субъектов Российской Федерации.

Глава II. Организация агломерации

О создании агломерации федерального и межрегионального значения принимается Федеральный закон, межмуниципального значения – законы субъектов Российской Федерации.

Днём создания агломерации является день принятия Устава агломерации.

Вхождение субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в состав агломерации, а также изменение их границ осуществляется на основании федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации и правовых актов муниципальных образований, и формируемых либо изменяемых в соответствии с ними Уставами агломераций.

Состав территории агломерации включает в себя территории и земли входящих в её состав муниципальных образований или субъектов Российской Федерации в их границах вне зависимости от форм собственности и целевого назначения.

Границы агломерации могут претерпеть изменения с взаимного согласия входящих в её состав муниципальных образований или субъектов Российской Федерации.

Перечень субъектов Российской Федерации и входящих в их состав муниципальных образований, образующих агломерации, а также границы агломерации утверждаются Уставом агломерации.

Статус агломерации на территории может быть упразднён после достижения целей создания агломерации по взаимному согласию входящих в её состав муниципальных образований и субъектов Российской Федерации.

Глава III. Вопросы ведения агломерации В ведении агломераций находятся:

принятие и изменение устава агломерации, обеспечение его соответствия федеральному, региональному и муниципальному законодательству;

установление и изменение состава, структуры, границы территории агломерации;

установление состава органов управления агломерацией;

координация отдельных вопросов экономического, таможенного, налогового, территориального, строительного, экологического, миграционного, культурного регулирования, имеющие межрегиональное или межмуниципальное значение в рамках агломерации, определённых уставом агломерации, а также их консультативное обеспечение;

бюджет и специальные фонды агломерации; федеральные и внешнеэкономические отношения агломерации.

Перечень вопросов, которые могут быть отнесены к ведению агломераций не может быть изменён иначе как путём внесения изменений и дополнений в настоящий Федеральный закон.

Предмет ведения и полномочий органами управления агломераций устанавливается Уставом агломерации.

Разграничение предмета ведения между органами государственной власти Российской Федерации, органами управления агломерациями и входящими в их состав органами государственной власти субъектов Российской Федерации, и органами управления органов местного самоуправления может осуществляться на основании Федерального закона.

Совет агломерации формирует, утверждает и исполняет бюджет и специальные фонды агломерации.

Перечень показателей для оценки эффективности функционирования агломерации и достижения целей её создания определяется в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Глава IV. Наделение агломераций отдельными государственными и иными полномочиями

Полномочия федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, установленные законодательством Российской Федерации, по вопросам, не отнесенным в соответствии с настоящим Федеральным законом к вопросам ведения агломераций, являются отдельными государственными полномочиями, передаваемыми для осуществления органам управления агломераций в случаях, если это не противоречит законодательству Российской Федерации на определённый срок.

Финансовое обеспечение отдельных государственных полномочий, переданных органам управления агломераций, осуществляется за счёт предоставляемых соответствующими бюджетами субвенций либо за счёт собственных финансовых средств агломерации.

Органы управления агломерации федерального значения или имеющей специальный правовой режим могут наделяться отдельными государственными полномочиями Федеральным законом.

Органы управления агломерации межрегионального значения могут наделяться отдельными полномочиями, находящимися в исключительном ведении субъектов Российской Федерации, на основании Федерального закона.

Органы управления агломерации межмуниципального значения могут наделяться отдельными полномочиями, находящимися в исключительном ведении муниципальных образований, на основании правовых актов, входящих в состав такой агломерации муниципальных образований и законов субъектов Российской Федерации, в которые входят данные муниципальные образования.

Глава V. Органы управления и должностные лица агломерации

Органом управления агломерации является Совет агломерации.

Совет агломерации является совещательным, координационным органом, способствующем согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти, в целях соблюдения и защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, соответственно, федерального, межрегионального и межмуниципального значения по отношению к территориям и образованиям, входящим в состав агломерации.

Совет агломерации, имеющей межрегиональное значение, формируется из числа представителей исполнительной и законодательной (представительной) органов власти субъектов Российской Федерации – по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти – на срок полномочий соответствующего органа.

Совет агломерации, имеющей межмуниципальное значение, формируется из числа представителей исполнительной и законодательной (представительной) органов власти муниципальных образований – по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов власти – на срок полномочий соответствующего органа.

Полномочия Совета агломерации определяются предметом ведения и Уставом агломерации.

Состав Совета агломерации может быть изменён по представлению, соответственно, законодательного (представительного) и исполнительного органов власти субъектов федерации, законодательного (представительного) и исполнительного органов муниципальных образований, на территории которых образуется агломерация.

В случае отмены на территории статуса агломерации её Совет прекращает своё существование.

Должностное лицо агломерации – выборное лицо, наделённое исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов, определённых предметом ведения и Уставом агломерации.

Должностное лицо агломерации избирается Советом агломерации из своего состава на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при открытом голосовании её членов.

Должностное лицо агломерации считается избранным, если за его избрание проголосовало не менее трёх четвертей от общего числа членов Совета агломерации.

Должностное лицо агломерации прекращает свои полномочия в случае решения Совета агломерации либо отмены статуса агломерации на соответствующей территории.

Прекращение полномочий должностного лица агломерации по решению Совета осуществляется по представлению любого из его членов на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при открытом голосовании, если за данное решение проголосовало не менее трёх четвертей от общего числа членов Совета агломерации.

Советы агломераций и их должностные лица не вправе вмешиваться в деятельность входящих в их состав самостоятельных административно-территориальных единиц. Решение вопросов, имеющих

важное значение для жизнедеятельности агломерации, носящих спорный характер для административных единиц, на территории которых расположены агломерации, происходит путём достижения соглашений Совета агломерации с руководством этих административно-территориальных единиц или по указанию федеральных властей, властей субъектов Российской Федерации, на территории которых расположена агломерация.

Совет агломерации вправе определять номенклатуру должностных лиц в количестве, необходимом для реализации целей агломерации и исполнения, принятых Советом агломерации решений.

Финансирование органов управления и должностных лиц агломерации осуществляется за счёт средств, входящих в состав агломерации субъектов Российской Федерации, муниципальных образований либо бюджета агломерации.

Финансирование агломерации федерального значения может осуществляться за счёт средств федерального бюджета.

Глава VI. Решения органов управления агломераций

Совет агломерации в соответствии с настоящим Федеральным законом, Уставом агломерации, исходя из целей создания и функционирования агломерации вправе принимать решения по вопросам деятельности агломерации.

Решение считается принятым, если оно одобрено большинством не менее трёх четвертей голосов от общего числа членов Совета агломерации.

Решение Совета агломерации не может противоречить законодательству Российской Федерации, его субъектов и органов местного самоуправления.

Все решения Совета агломерации подлежат опубликованию в средствах массовой информации.

Глава VII. Экономическая основа агломераций

Экономическую основу деятельности агломераций составляют находящиеся в муниципальной, региональной и федеральной собственности имущество, их имущественные права, бюджетные средства, использование которых возможно лишь по согласованию с руководством соответствующих административно-территориальных единиц, на территории которых расположены агломерации, а также бюджеты агломераций и специальные фонды.

В собственности органов управления агломераций могут находиться:

имущество, предназначенное для достижения целей агломерации и необходимое для реализации

вопросов, находящихся в предмете ведения органов управления агломераций;

имущество, предназначенное для осуществления отдельных государственных полномочий и полномочий органов местного самоуправления, переданных органам управления агломераций.

Органы управления агломераций самостоятельно владеют, пользуются и распоряжаются указанным имуществом в соответствии с федеральными законами, законодательством субъектов федерации и органов местного самоуправления, на территории которых расположены агломерации, и Уставами агломераций.

Глава VIII. Межмуниципальное и межрегиональное сотрудничество агломераций

Агломерации могут участвовать в межрегиональных, межмуниципальных и межагломерационных объединениях.

Глава IX. Ответственность органов управления и должностных лиц агломераций, контроль и надзор за их деятельностью

Органы управления агломераций и их должностные лица несут ответственность перед государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ответственность за исполнение и реализацию отдельных государственных полномочий, переданных органам управления агломераций, несут Советы агломераций в пределах выделенных на эти цели финансовых средств.

Органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют надзор за исполнением органами управления агломераций и их должностными лицами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций (уставов), законов субъектов Российской Федерации, законодательства органов местного самоуправления, на территории которых расположены агломерации, и уставов агломераций.

Государственные органы, уполномоченные на осуществление государственного контроля (надзора) за деятельностью органов управления агломераций и их должностных лиц в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, включая территориальные органы федеральных органов исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляют в пределах своей компетенции контроль (надзор) за исполне-

нием органами агломераций и их должностными лицами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций (уставов), законов субъектов Российской Федерации, уставов агломераций.

При осуществлении государственного контроля (надзора) не допускается дублирование контрольно-надзорных полномочий органов государственного контроля (надзора) различных уровней.

Координацию деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления осуществляют органы прокуратуры.

Сведения об авторе:

Ахунов Денис Робертович, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

© Ахунов Д.Р., 2021

About the author:

Ahunov Denis R., Lecturer of the Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 27.08.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

А.Ф. Амануллина

КОНВЕНЦИОННО-КОНСТИТУЦИОННЫЕ КОЛЛИЗИИ
В СВЕТЕ ПОПРАВОК
В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONVENTIONAL AND CONSTITUTIONAL CONFLICTS
IN THE LIGHT OF AMENDMENTS
TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Введение: в статье рассматриваются проблемы исполнения решений Европейского суда по правам человека в связи с возникающими конвенционно-конституционными коллизиями.

Материалы и методы: в качестве нормативной основы исследования выступили действующие нормативные правовые акты. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных ученых – специалистов в области конституционного права. Методологическая основа представлена общедialeктическим методом научного познания, методами логической дедукции, индукции, а также познавательными методами.

Результаты исследования: подробное изучение сущности конвенционно-конституционных коллизий свидетельствует о неоднозначности причин их возникновения. Противоречия возникают в результате конфликта толкования из-за разных взглядов на правовые ценности, отсутствия единого определения различных правовых терминов. В статье приведены некоторые варианты разрешения проблем, возникающих при исполнении решений Европейского суда по правам человека.

Обсуждение и заключения: в работе обосновывается вывод о необходимости создания государством эффективного механизма согласительных процедур для исполнения решений Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: конвенционно-конституционные коллизии, Конституционный Суд Российской Федерации, конституционная идентичность, Европейский суд по правам человека

Для цитирования: Амануллина А.Ф. Конвенционно-конституционные коллизии в свете поправок в Конституцию Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 301-305. DOI: 10.37973/KUI.2021.23.56.003

Introduction: the article deals with the enforcement of decisions of the European Court of Human Rights under convention-constitutional conflicts.

Materials and Methods: regulatory acts became the normative basis of the study. Russian specialists in constitutional law became the theoretical basis of the study. General dialectical method of scientific cognition, methods of logical deduction, induction, and cognitive methods provided the methodological basis of the study.

Results: the detailed study of the essence of the conventional and constitutional conflicts showed the ambiguity of the causes of their occurrence. Contradictions arise as a result of a conflict of interpretation due to different views on legal values, the lack of a single definition of various legal terms. The article presented some options for solving problems that arise in the execution of the decision of the European Court of Justice.

Discussion and Conclusions: the article substantiates the conclusion that it is necessary for the state to create an effective mechanism of conciliation procedures for the execution of decisions of the European Court of Human Rights.

Keywords: convention-constitutional conflicts, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional identity, European Court of Human Rights

For citation: Amanullina A.F. Conventional and Constitutional Conflicts In The Light Of Amendments to the Constitution of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 301-305. DOI: 10.37973/KUI.2021.23.56.003

Введение

Европейская конвенция по правам человека является частью нашей правовой системы на протяжении более двух десятилетий. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) является важнейшим фактором обеспечения защищенности гражданина, который не получил сатисфакции на национальном уровне. Это один из самых результативных международных органов в области прав человека. Свидетельством обязательности решений ЕСПЧ является ряд важнейших документов. В их числе Конституция Российской Федерации (ст. 15)¹; закон о ратификации конвенции, где Российская Федерация признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда²; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации признает решения Европейского суда основанием для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу по вновь открывшимся или новым обстоятельствам³; в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации решения ЕСПЧ названы основанием отмены вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда, возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств⁴. Тем не менее эксперты говорят о наличии системных проблем в вопросах исполнения решений ЕСПЧ.

В 2020 году была принята поправка в статью 79 Конституции Российской Федерации. Она была дополнена положением о том, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров, противоречащие Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению⁵. В контексте этой поправки чаще всего говорили о том, что теперь решения ЕСПЧ не будут исполняться. В связи с этим представляется, что проблема конвенционно-конституционных коллизий актуализируется.

¹ Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.05.2021).

² О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2021).

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: в ред. от 30.04.2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2021).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2021).

⁵ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2021).

⁶ Постановление ЕСПЧ по делу «Маркин против России» от 07.10.2010 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 20.05.2021).

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей: определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2021).

Обзор литературы

Вопросы, которые анализируются в статье, требуют обращения к различным источникам. Проблемами, связанными с исполнением решений ЕСПЧ, занимались В.В. Лазарев, Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин, А.И. Ковлер, Г.А. Гаджиев, Ю.В. Шелегов и др.

Материалы и методы

При написании статьи проанализировано действующее российское законодательство. В качестве эмпирической базы выступила судебная практика ЕСПЧ и Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционного Суда РФ) с 2009 по 2016 г. При написании статьи автором были использованы следующие методы: общедиалектический метод научного познания, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы.

Результаты исследования

Исследование рассматриваемой проблемы дает основания утверждать, что конституционному закреплению обязанности Конституционного Суда РФ определять возможности исполнения решений межгосударственных органов и ЕСПЧ предшествовал ряд событий, которые способствовали законодательному оформлению конституционного контроля в данной сфере.

Так, в 2010 году по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» заявитель жаловался на то, что ему было отказано в предоставлении отпуска по уходу за ребёнком в связи с тем, что он является лицом мужского пола⁶. ЕСПЧ жестко отреагировал на определение Конституционного Суда РФ о том, что равенство прав и свобод независимо от пола не нарушается вследствие непризнания за военнослужащими-мужчинами права на отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста⁷.

Критика ЕСПЧ решений Конституционного Суда РФ получила широкий резонанс в научном сообществе. Так, председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин парировал, что юридическая

сила Конвенции не превосходит юридическую силу Конституции РФ. Монополистом по толкованию положений Конституции, а также определению и конституционному смыслу закона является Конституционный Суд РФ, путем толкования же Конвенции нельзя преодолеть истолкование Конституции, так как ее юридическая сила юридическую силу Конституции не превосходит [1].

Далее в 2013 году ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России», где заявители обжаловали лишение избирательных прав, постановил, что необходимо внести изменения в Конституцию для того, чтобы соблюсти принцип соразмерности при лишении избирательных прав осужденных. Такое лишение не должно быть автоматическим¹. Тогда впервые в ответ на это Конституционный Суд РФ признал невозможным исполнение такого решения, но при этом был найден компромисс, устроивший стороны.

В 2014 году ЕСПЧ в рамках дела «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» присудил компенсацию за допущенные в отношении компании нарушения права на уважение имущества². Конституционный Суд РФ признал невозможным осуществление этих выплат.

Именно после этих событий Конституционный Суд РФ был вынужден четко обозначить свою правовую позицию в вопросах исполнения решений ЕСПЧ. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о необходимости введения специального правового механизма разрешения им вопроса о возможности исполнения решения Европейского суда с точки зрения юридического верховенства Конституции РФ³. В дальнейшем это нововведение получило последовательное закрепление в Федеральном конституционном законе⁴. В 2020 году была принята поправка в статью 79 Конституции РФ. Она была дополнена положением о том, что решения межгосударственных органов, противоречащие Конституции, не будут исполняться. Таким образом, поправка Конституции является объективной закономерностью и логическим завершением в поисках правовых конструкций в отношениях с ЕСПЧ.

В научном сообществе сложились различные мнения об этой поправке. Н.Н. Тарусина полагает, что это вынужденная, но необходимая мера [2, с. 69]. В целом дискуссии велись в контексте правового содержания государственного суверенитета и концепции конституционной идентичности. К примеру, Ю.В. Шелегов считает, что тем самым Конституционный Суд РФ выполняет свою функцию как сохранение суверенитета государства в области права [3, с. 66-67]. С.А. Грачева отмечает, что Конституция определяет национальную правовую идентичность и не может поддаваться такому же воздействию международных норм, как и другие национальные правовые нормы [4, с. 58]. Действительно, конституционная идентичность достаточно близка по своему значению к национальной идентичности, которая, в свою очередь, выражает особенность каждого государства. Свой особенный путь, неповторимый опыт, историю, традиции имеет любое государство. Этим они и отличаются одно от другого. Логично, что суверенные интересы государства являются приоритетными для Конституционного Суда, так как он является субъектом конституционного контроля.

Причинами различий в правовых позициях в отношениях с ЕСПЧ являются разные взгляды на правовые ценности, отсутствие единого определения различных правовых терминов [5, с. 106]. Мы можем констатировать, что проблемы неисполнения решений ЕСПЧ имеют свои корни в правовом поле, а не в простом нежелании подчиняться. К тому же поиски своих правовых конструкций в отношениях с ЕСПЧ ведут и другие европейские страны. Так, в Германии Конституционный суд еще в 2004 году сформулировал свое отношение к юридической силе решений ЕСПЧ, признав приоритет за Конституцией в случае противоречий. Таким образом, основными причинами возникновения конвенционно-конституционных коллизий являются противоречия между Конвенцией и Конституцией, которые возникают в результате именно конфликта толкования.

Некоторые ученые видят корень разрешения проблемы в том, что права человека должны

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» от 04.07.2013 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 20.05.2021).

² Постановление ЕСПЧ по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против Российской Федерации» от 30.11.2016 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 20.05.2021).

³ По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2021).

⁴ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2021).

рассматриваться «в региональном и национальном контексте». Г.А. Гаджиев совершенно четко определяет в качестве ложного универсализма утверждение одной нацией своих ценностей как универсальных и обязательных для всех и что они должны быть восприняты всеми другими нациями ради их собственного блага [6, с. 2]. По мнению Л. Гарлицкого, при принятии решений в наибольшей степени должны учитываться традиции и культура страны [7]. Ж.Д. Бусурманов четко разделяет ценности европейца и евразийца и допускает, что они могут не разделяться ими [8].

Есть и противники теорий автономности защиты прав и свобод человека и гражданина, так как современное право глобально по своей природе [9]. Проблема прав человека вышла далеко за пределы национального государства. В современном мире именно пристальный взгляд мирового сообщества, направленный на соблюдение государствами прав своих граждан, является важнейшим элементом их защищенности.

Обсуждение и заключения

Действительно, современное международное право усилило свое воздействие на внутринациональные правовые системы. Становлению такого порядка предшествовали мировые войны, в которых права человека жесточайшим образом нарушались. Однако в дискуссиях о пределах вмешательства международных организаций в суверенные интересы государства не должны теряться провозглашенные принципы о ценности человека, его прав и свобод. Смысл, который

закладывался при создании Европейского суда по правам человека его основоположниками, не должен размыться в наши дни на фоне правовых и зачастую политических разногласий. Поэтому пока Российская Федерация находится под юрисдикцией ЕСПЧ и признает ее, необходимо найти оптимальный вариант, который бы устроил все стороны. Представляется, что в современных политических реалиях одним из векторов решения проблемы является направление усилий нашим государством в сторону создания эффективного механизма согласительных процедур. В правовом поле звучали и конкретные предложения в механизме исполнения решений ЕСПЧ. Венецианская комиссия Совета Европы еще в 2016 году видела двусторонний «диалог» в ЕСПЧ через присутствие национального судьи в любой палате или Большой палате суда как средство предотвращения или минимизации проблем. М. Тхагалегова предлагает для достижения консенсуса в случае возникновения коллизий проведение согласительных процедур при Комитете министров Совета Европы [10, с. 53]. Полагаем, что необходим межведомственный орган, действующий на постоянной основе, который направлял бы процесс исполнения решений ЕСПЧ и координировал работу с Секретариатом Комитета Министров Совета Европы при возникновении сложностей. Очевидно, что исполнение решений ЕСПЧ только из принципа субординации невозможно. Конструктивный диалог – единственный способ достижения консенсуса между двумя правовыми порядками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010.
2. Тарусина Н.Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2021. С. 6475.
3. Шелегов Ю.В. Конституционный суд Российской Федерации в механизме конституционно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. С. 5969.
4. Грачева С.А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5264.
5. Черновол К.А. Конвенционно-конституционные коллизии в практике ЕСПЧ и КС РФ: проблема, некоторые методологические причины возникновения и пути предотвращения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 10. С. 104-110.
6. Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России. URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_Гаджиев%20_2016.pdf (дата обращения: 14.04.2021).
7. Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт: несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия. Статья на основе доклада на VIII Международном форуме по конституционному правосудию под эгидой Конституционного Суда Российской Федерации. 9–10 декабря 2005 г. Москва // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. URL: http://www.ilpp.ru/74400_61026 (дата обращения: 19.05.2021).

8. Бусурманов Ж.Д. Евразийская концепция прав человека: новый взгляд на проблему // Евразийский юридический журнал. 2009. № 11(18). С. 18-27.
9. Иванов И. Проблемы исполнения постановлений ЕСПЧ. URL: https://zakon.ru/blog/2016/05/17/problemu_ispolneniya_postanovlenij_espch (дата обращения 19.05.2021).
10. Тхагалегова М.М. Гармонизация взаимодействия институтов конвенционного и конституционного нормоконтроля – суверенитет правовых систем // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 39 (49). С. 42-54.

REFERENCES

1. Zor'kin V.D. Predel ustupchivosti // Rossijskaya gazeta. 2010.
2. Tarusina N.N. Konstitucionnoe pravosudie: o nekotoryh popravkah v zakonodatel'stvo // Vestnik YAroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya gumanitarnye nauki. 2021. S. 64 -75.
3. SHelegov YU.V. Konstitucionnyj sud Rossijskoj Federacii v mekhanizme konstitucionno-pravovogo regulirovaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2021. S. 59-69.
4. Gracheva S.A. Razvitie koncepta konstitucionnoj identichnosti v svyazi s poiskom podhodov k razresheniyu konvencionno-konstitucionnyh kollizij i konfliktov // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. № 9. S. 52-64.
5. CHernovol K.A. Konvencionno-konstitucionnye kollizii v praktike ESPCH i KS RF: problema, nekotorye metodologicheskie prichiny vzniknoveniya i puti predotvrashcheniya // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. 2018. № 10. S. 104-110.
6. Gadzhiev G.A. Konstitucionnaya identichnost' i prava cheloveka v Rossii. URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_Gadzhiev%20_2016.pdf (data obrashcheniya: 14.04.2021).
7. Garlickij L. Sotrudnichestvo i konflikt: neskol'ko nablyudenij iz praktiki vzaimodejstviya Evropejskogo Suda po pravam cheloveka i nacional'nyh organov konstitucionnogo pravosudiya. Stat'ya na osnove doklada na VIII Mezhdunarodnom forume po konstitucionnomu pravosudiyu pod egidoj Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 9-10 dekabrya 2005 g. g. Moskva // Implementaciya reshenij Evropejskogo reshenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka v praktike konstitucionnyh sudov stran Evropy. URL: http://www.ilpp.ru/74400_61026 (data obrashcheniya: 19.05.2021).
8. Busurmanov ZH.D. Evrazijskaya koncepciya prav cheloveka: novyj vzglyad na problemu // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2009. № 11(18). S. 18-27.
9. Ivanov I. Problemy ispolneniya postanovlenij ESPCH. URL: https://zakon.ru/blog/2016/05/17/problemu_ispolneniya_postanovlenij_espch (data obrashcheniya 19.05.2021).
10. Thagalegova M.M. Garmonizaciya vzaimodejstviya institutov konvencionnogo i konstitucionnogo normokontrolya – suverenitet pravovyh sistem // Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta. 2015. № 39 (49). S. 42-54.

Сведения об авторе:

Амануллина Аниса Фирдусовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
e-mail: amanullinaanisa@mail.ru

© Амануллина А.Ф., 2021

About the author:

Amanullina Anisa F., Candidate in Law (Research doctorate), Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: amanullinaanisa@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 08.06.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК 340.114

DOI: 10.37973/KUI.2021.96.91.004

М.Р. Камаров

**ЦЕЛИ В ПРАВЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УРОВНЕВОГО ПОДХОДА**

**GOALS IN LAW:
METHODOLOGICAL ASPECTS OF LEVEL-BASED APPROACH**

Введение: в статье рассматриваются вопросы уровневого подхода, посредством которого закрепляются цели в праве. Дается анализ каждого из уровней закрепления целей права. Сравнение данных целей производится по нескольким параметрам, среди которых конкретность норм, адресат, принявший орган, способ контроля, сроки действия норм.

Материалы и методы: исследование проводилось с помощью комплекса методов: общелогического (анализ, синтез, индукция, дедукция) и формально-юридического методов исследования. В качестве материалов исследования были использованы нормативные правовые акты и концепции (стратегии, программы) Российской Федерации, научные работы отечественных теоретиков права.

Результаты исследования: формирование целей в праве происходит за счет не только правовых, но иных (экономических, социологических, политических и др.) методов постановки проблемы. В правовом поле цели закрепляются на трех различных уровнях: концептуальных актов; законодательных актов; актов, регулирующих деятельность правоприменительных органов.

Обсуждение и заключения: автором предлагается рассмотреть, отражают ли цели, поставленные перед субъектами правоприменения, цели, которые закреплены законодателем и иными субъектами правотворчества перед правом в целом. Цели, которые ставятся на уровне актов, регулирующих деятельность правоприменительных органов, влияют на поведение правоприменительных субъектов намного больше, чем цели на двух других уровнях. При этом в их принятии принимает участие доминирующим образом профильный правоприменительный орган. Таким образом, имеется риск, что перед правоприменителем будут поставлены цели, которые повлияют на эффективность его работы и деятельности, что может отличаться от целей, предписанных на уровне концептуальных или законодательных актов.

Ключевые слова: право, телеология, цель в праве, концепция, правовая политика, законодательство, правоприменение, субъект правоприменительной деятельности, методология права.

Для цитирования: М.Р. Камаров. Цели в праве: методологические аспекты уровневого подхода // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 306-311. DOI: 10.37973/KUI.2021.96.91.004

Introduction: the article deals with the issues of a level approach, through which goals are fixed in law. The analysis of each of the levels of fixing the goals of law is presented. The comparison of these goals is made according to several parameters: the specificity of the norms, the addressee, the adopted body, the method of control, the validity period of the norms.

Materials and Methods: the study was conducted using a set of methods, primarily general logical (analysis, synthesis, induction, deduction) and formal legal research methods. Regulatory legal acts and concepts (strategies, programs) of the Russian Federation, scientific works of Russian legal theorists were used as research materials.

Results: the formation of goals in law occurs not only at the expense of legal, but other (economic, sociological, political, etc.) methods of problem formulation. In the legal field, the goals are fixed at three different levels: conceptual acts; legislative acts; acts regulating the activities of law enforcement authorities.

Discussion and Conclusions: the author suggests considering whether the goals set for the subjects of law enforcement reflect the goals set by the legislator and other law-making subjects for the law as a whole. The goals that are set at the level of acts regulating the activities of law enforcement agencies affect the behavior of law enforcement entities much more than the goals at the other two levels. At the same time, the relevant law enforcement body takes part in their adoption in a dominant way. Thus, there is a risk that the law enforcement officer will have goals that will affect the effectiveness of his work and activities, which may differ from those goals that are prescribed at the level of conceptual or legislative acts.

Keywords: law, teleology, goal in law, concept, legal policy, legislation, law-enforcement, subject of law-enforcement activity, methodology of law.

For citation: Kamarov M.R. Goals in Law: Methodological Aspects of Level-Based Approach // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 306-311. DOI: 10.37973/KUI.2021.96.91.004

Введение

Право, являясь регулятором общественных отношений, нацелено на упорядочение общественных отношений, и прежде всего человеческого поведения. Отдельные отрасли права, воздействуя на определенные сферы человеческой жизни, имеют особенности, отличающиеся от одной отрасли к другой. Данные особенности способствуют тому, что цели в отдельных отраслях права либо дифференцируются, либо специализируются, либо конкретизируются в зависимости от той или иной научной дисциплины.

При этом само право должно обладать способностью постановки общесоциальных и гуманитарных целей. Цели, ставящиеся перед правом, приходят к нему извне: «вряд ли можно себе представить постановку каким-либо действующим в сфере правовой реальности субъектом только и чисто «юридической» цели» [1]. Движущей силой при выработке целей в праве является правовая политика (политика права). В теории российского права правовую политику понимают как особую форму выражения государственной политики, средство юридической легитимации, закрепления и осуществления политического курса страны или как деятельность государства в сфере правового регулирования, специфика которой состоит в выработке и (или) претворении в жизнь правовых идей стратегического характера (то есть идей, определяющих направления функционирования и развития механизма правового регулирования) [2]. Также правовая политика понимается как научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности [3].

Как правило, цели в праве обеспечивают те ценности, которые декларируются в обществе. Среди универсальных ценностей можно назвать жизнь, здоровье, свободу мысли, вероисповедания и проч. В то же время иные цели (и стоящие за ними ценности) являются более вариативными и определяются законодателем. Между

тем, как отмечает Р.Ф. Степаненко, состояние и качество современных правовых отношений как в России, так и за рубежом выявляют множество проблем социогуманитарного характера. Их решение предполагает предметное изучение вопросов о целях права вообще и в России в частности посредством междисциплинарных исследований. Кумулятивный интерес правовой, экономической, политической, философской и других наук изменяет методологические основы ранее монистического видения целей права как инструмента установления в основном законопорядка. Методология междисциплинарности в научно-исследовательском правовом опыте становится ключевым вопросом обоснования и объяснения системы высших ценностей и целей права не только в сугубо прикладных, но и в общесоциальных, а также мировоззренческих аспектах [4].

Изучение целей в праве необходимо как для глубокого понимания права, так и для толкования правовых норм. В то же время необходимо отметить, что выбор и постановка целей, как правило, находятся за рамками изучения только юридической науки. Причины этого заключаются в том, что генезис целей в праве обусловлен экзогенными для правовой системы факторами философского и мировоззренческого характера, экономической ситуацией, политической или социальной повесткой дня. При этом правовые цели могут быть соотнесены, например, с экономической эффективностью правового регулирования [5].

Так, цели, обеспечивающие указанные выше универсальные ценности, были привнесены в юриспруденцию благодаря развитию идей гуманизма и равенства. Иные цели, которые регулируют отношения в конкретных отраслях права, как правило, берут свое происхождение из экономических потребностей общества и государства. Ценности, существующие в обществе, являются идейной основой для содержания правовых актов: «политические и гражданские, а затем или одновременно социально-экономические, социокультурные и иные ценности права вполне упорядоченного общества, закрепленные в справедливых конституциях, есть предпосылка и одновременно следствие того законопорядка, который фундируется основным

нормативным правовым актом государственных образований [6].

Обзор литературы

Первым крупным исследованием цели в праве является работа Рудольфа фон Иеринга [7], далее цель в праве исследовалась советскими и российскими учеными-правоведами Д. А. Керимовым [8], Л. Д. Чулюкиным [1], В. В. Лаптевым [9], М. Г. Макаровым [10] и др. На современном этапе рассмотрение цели в праве происходит, как правило, на уровне отраслевых исследований, например, уголовно-исполнительного права [11], права интеллектуальной собственности [12], права социального обеспечения [13] и т.д. В современной правовой науке также отдельно рассматриваются вопросы подзаконного регулирования и его целей на теоретико-правовом уровне [14], [15]. При этом анализу целеполагания в правовых актах на различных уровнях уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были использованы нормативные правовые акты и концепции (стратегии, программы) Российской Федерации. Для их анализа используется комплекс методов, в числе которых общелогический (анализ, синтез, индукция, дедукция) и формально-юридический методы исследования.

Результаты исследования

При этом постановка целей в праве может быть осуществлена на трех различных уровнях: на уровне концептуальных актов; на уровне законодательных актов; на уровне актов, регулирующих деятельность правоприменительных органов.

1. Концептуальные акты

Первой формой закрепления целей являются концептуальные акты. Среди них можно выделить концепции¹, стратегии², программы³ директивы, доктрины. Закрепляемые в данных актах цели являются наиболее абстрактными и общими. При этом правовое положение данных актов является промежуточным между юридической доктриной и нормативно-правовой сферой.

Следует отметить, что отсутствует один государственный орган, которым утверждаются (одобряются) данные акты. Это свидетельствует, что концептуальные акты принимаются *ad hoc* по тем

темам, выбор которых зависит от состояния общественных отношений. Концептуальные акты, как правило, не содержат в себе норм непосредственного действия или обязательных для применения норм. Цели на данном уровне являются ориентиром для законодателя при разработке соответствующих законов и для правоприменителя при регулировании соответствующей деятельности. Институт контроля за достижением данных целей формально не определен, отсутствуют как контролируемые, так и контролирующие органы. В отличие от законодательных актов указанные концептуальные акты в рамках российской правовой системы, во-первых, не используются судами при разрешении споров как источник права, а, во-вторых, другие нормативные правовые акты не проверяются на соответствие концептуальным актам, поэтому влияние концептуальных актов на правовое регулирование общественных отношений является ограниченным. Ещё одной особенностью концептуальных актов является их периодическое обновление либо принятие на заранее установленный срок – таким образом, цели в рамках концептуальных актов также подлежат периодической проверке.

Данные акты и содержащиеся в них цели, как правило, являются непосредственным отражением правовой политики – в них закрепляются не только юридические, но и общественно-политические, философские взгляды на регулируемую сферу. В зависимости от сферы регулирования общественное обсуждение может уделять много внимания данным актам, например, Концепции государственной миграционной политики. С другой стороны, концепция развития гражданского законодательства, являясь одним из основополагающих актов в сфере гражданско-правового регулирования, осталась предметом внимания преимущественно только профессионального юридического сообщества.

Отдельную дискуссию вызывает вопрос отнесения Основного закона России к числу концептуальных либо законодательных актов в рамках данной классификации. Будучи основным нормативным правовым актом государства, Конституция Российской Федерации содержит значительную долю философских концепций и мировоззренческих идей. Данные философские идеалы, сфор-

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2021); Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2021); Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2021).

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы (утв. указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2021).

³ Государственная программа «Юстиция» (утв. постановлением Правительства от 15.04.2014 № 312). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2021); государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» (утв. постановлением Правительства от 15.04.2014 № 316). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2021).

мулированные лаконично и абстрактно, являются правовым ориентиром для государства и могут быть рассмотрены как цели, закрепленные на концептуальном уровне. Специальным органом, который может проверять нормы иных актов на соответствие нормам Конституции Российской Федерации, является Конституционный Суд Российской Федерации. У иных концептуальных актов такого органа контроля нет. Кроме того, в отличие от других концептуальных актов, Конституция Российской Федерации принимается на неопределенный срок и случаи изменения её концептуальных частей довольно редки. Таким образом, цели, закрепленные в Конституции Российской Федерации, отличаются большей устойчивостью по сравнению с иными концептуальными актами. В то же время закрепление целей в Конституции Российской Федерации можно отнести и к законодательным процедурам, так как Конституция Российской Федерации является Основным законом Российской Федерации.

Отдельное внимание следует уделить международным актам в постановке вопроса о формулировании целей в праве. Общеизвестные положения Всеобщей декларации прав и свобод человек, многочисленных хартий, конвенций и т.д. носят национальный для российской правовой системы характер. И в рамках нашей классификации они являются концептуальной основой, а не уровнем формулирования целей в российском праве. С другой стороны, они могут быть рассмотрены как концептуальные акты в рамках данной классификации. Однако данный вопрос требует дальнейших концептуальных научных исследований.

2. Законодательные акты

Следующим уровнем закрепления целей в праве является уровень законодательных актов, который включает, по нашему мнению, как уровень конституции, так и уровни федеральных законов или законов субъектов федерации. Цели закона не всегда определяются в каждом законе (что приводит к необходимости производить телеологическое толкование норм). Цели в законодательных актах, как правило, касаются отрасли в целом, что не исключает необходимости поиска целей в более мелких частях правового акта – вплоть до поиска целей отдельных правовых норм. Несмотря на то, что цели в законодательных актах являются абстрактными, им присуща характеристика норм прямого действия.

Цели на этом уровне являются основополагающими для участников правоотношений - граждан, организаций, правоприменителя, а также для суда, который может рассматривать возможные споры. Обязанность и ответственность за выполнение

данных целей может быть возложена на широкий круг лиц - как на граждан и организации, так и на правоприменительные органы. Контролировать соблюдение обязанностей может множество субъектов, например, сами правоприменительные органы в виде вышестоящих инстанций, органы прокуратуры, судебные органы.

Аналогично концептуальным, законодательные акты становятся предметом общественного обсуждения в рамках законодательных органов и со стороны широкой общественности. Цели законодательных актов могут быть выделены в рамках отдельных статей законодательного акта, их изучению в рамках юридических дисциплин порой посвящены отдельные занятия. Таким образом, цели, закрепленные в законодательных актах, проходят тщательный общественный контроль, и на них обращается пристальное внимание граждан и экспертного сообщества.

3. Акты, регулирующие деятельность правоприменительных органов

Наиболее частыми в повседневном использовании являются акты, регулирующие деятельность правоприменительных органов, в которых установлены показатели их эффективности - что по праву можно назвать актами, содержащими в себе цели для правоприменителя (например, регламенты, уставы, положения и т.д.). Цели в данных актах прописаны детально, приведены в виде эффективных показателей (критериев) для возможности измерения их выполнения. Утверждаются цели, как правило, руководством правоприменительных органов, и они являются обязательными для исполнения нижестоящими субъектами правоприменительной деятельности. Контроль за достижением целей на нижестоящем уровне правоприменительных органов осуществляется на вышестоящем уровне. Данные акты принимаются, как правило, на неопределенный срок, хотя периодически могут меняться указанные показатели целей, которые могут быть поставлены на определенный период (например, на год).

В отличие от описанных ранее данная группа актов не отличается транспарентностью. В её разработке участвуют представители отдельного правоприменительного органа, как правило, без привлечения сторонних экспертов; общественные обсуждения ограничены, и публикация актов не доступна широкой публике, поскольку акты принимаются для внутреннего пользования в рамках отдельного правоприменительного органа. В данных «внутренних» актах публикуются не только цели и показатели эффективности для субъектов правоприменительной деятельности, но и меры ответственности и поощрения в зависимости от

выполнения поставленных целей. Таким образом, акты, принимаемые самим правоприменительным органом, устанавливая для субъектов правоприменительной деятельности такие цели, которые являются для них более приоритетными, чем те, что установлены законодателем либо Конституцией Российской Федерации. В данном случае имеет место не столько риск злоупотребления со стороны правоприменителя, сколько риск неверного выбора целей, что может привести к искажению деятельности правоприменителя по сравнению с тем, какой она бы была при следовании только законодательным актам.

Обсуждение и заключения

Постановка целей в праве может быть выражена на трех различных уровнях с разной степенью конкретизации, разными адресатами и степенью контроля за их достижением. При этом правовая политика, как правило, обращает внимание только на первые два уровня закрепления целей в праве. Третий уровень закрепления целей является не менее важным, так как именно целями этого уровня правоприменительные субъекты руководствуются

при их ежедневной работе. Из-за того, что цели третьего уровня, как правило, не вызывают значительного интереса в юридических исследованиях и правозащитной деятельности, может иметь место нежелательное изменение поведения правоприменительных субъектов.

Для обеспечения принципа законности необходимо, чтобы цели третьего уровня максимально отражали цели, поставленные на концептуальном и законодательном уровнях, и не имели в себе лагун, благодаря которым правоприменительные субъекты могут злоупотреблять своими полномочиями. Кроме того, для всестороннего анализа законодательства и практики его применения исследователям стоит обращать внимание на то, какими актами руководствуются правоприменительные органы в своей повседневной работе. Также можно сделать вывод, что для изменения правоотношений в конкретной отрасли порой нет необходимости менять законодательную базу - достаточно лишь усовершенствовать и конкретизировать те цели, которые ставятся перед субъектами правоприменения в современной правовой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984. 136 с.
2. Малько А.В. Правовая политика в современной России: актуальные проблемы теории и практики (обзор материалов «круглого стола») // Правоприменение. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, 2018. Т. 2. № 3. С. 142-152.
3. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
4. Степаненко Р.Ф. Кумулятивный интерес правовой и экономической наук в междисциплинарных исследованиях современных социальных проблем // Государство и право. 2021. № 4. С. 42-54.
5. Степаненко Р.Ф., Камаров М.Р. Трансакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 296-301. DOI: 10.24420/KUI.2019.69.88.006
6. Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79-89.
7. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. 346 с.
8. Керимов Д. А. Категория цели в советском праве // Правоведение. 1964. № 3. С. 31-38.
9. Лаптев В.В., Шахматов В.П. Цели правового регулирования в системе права // Правоведение. 1976. № 4. С. 26-35.
10. Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии: монография. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 187 с.
11. Белоносов В.О. О цели уголовно-исполнительного права // Вестник Самарского юридического института. 2017. С. 14-18.
12. Кучменко Е.А. Цели и задачи защиты интеллектуальных прав // Современная наука. 2010. № 1. С. 43-48.
13. Аракчеев В.С. Цели и задачи права социального обеспечения России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 88-96.
14. Злобин А.В. Подзаконные нормативные правовые акты как форма современного российского законодательства (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2013. 26 с.
15. Романова Г.В. Подзаконные правовые акты и их реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2006. 23 с.

REFERENCES:

1. CHulyukin L.D. Priroda i znachenie celi v sovetskom prave. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1984. 136 s.
2. Mal'ko A. V. Pravovaya politika v sovremennoj Rossii: aktual'nye problemy teorii i praktiki (obzor materialov «kruglogo stola») // Pravoprimerenie. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet imeni F. M. Dostoevskogo, 2018. T. 2. № 3. S. 142-152.
3. Mal'ko, A. V. Teoriya pravovoj politiki: monografiya. M.: YUrlitinform, 2012. 328 s.
4. Stepanenko R.F. Kumulyativnyj interes pravovoj i ekonomicheskoj nauk v mezhdisciplinarnyh issledovaniyah sovremennyh social'nyh problem // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 4. S. 42-54.
5. Stepanenko R.F., Kamarov M.R. Transakcionnye izderzhki: sovremennye metodologicheskie podhody k izucheniyu pravovoj real'nosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. T. 10, № 3. S. 296-301. DOI: 10.24420/KUI.2019.69.88.006
6. Stepanenko R.F. Spravedlivost' i zakonoporyadok: teoretiko-metodologicheskij aspekt // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 6. S. 79–89.
7. Iering R. Cel' v prave. SPb., 1881. 346 s.
8. Kerimov D.A. Kategoriya celi v sovetskom prave // Pravovedenie. 1964. № 3. S. 31–38.
9. Laptev V.V., SHahmatov V.P. Celi pravovogo regulirovaniya v sisteme prava // Pravovedenie. 1976. № 4. S. 26-35.
10. Makarov M. G. Kategoriya «cel'» v marksistskoj filosofii i kritika teleologii: monografiya. L. : Nauka, Leningr. otd-nie, 1977. 187 s.
11. Belonosov V.O. O celi ugolovno-ispolnitel'nogo prava // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2017. S. 14–18.
12. Kuchmenko E.A. Celi i zadachi zashchity intellektual'nyh prav // Sovremennaya nauka. 2010. № 1. S. 43-48.
13. Arakcheev V.S. Celi i zadachi prava social'nogo obespecheniya Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2016. № 2 (20). S. 88-96.
14. Zlobin A. V. Podzakonnnye normativnye pravovye akty kak forma sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva (voprosy teorii): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Saratov, 2013. 26 s.
15. Romanova G. V. Podzakonnnye pravovye akty i ih realizaciya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Kazan', 2006. 23 s.

Сведения об авторе:

Камаров Мурат Рашитович, аспирант Университета управления «ТИСБИ»
e-mail: murat.r.kamarov@gmail.com

© Камаров М.Р., 2021

About the author:

Kamarov Murat R., postgraduate student, TISBI, University of Management
e-mail: murat.r.kamarov@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 17.06.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК 340.12

DOI: 10.37973/KUI.2021.39.99.005

Л.В. Карнаушенко

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИРОДЫ ЕСТЕСТВЕННОГО
И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS
OF UNDERSTANDING NATURAL AND POSITIVE LAW

Введение: в статье рассматривается проблема практического значения естественно-правовой и позитивно-правовой теорий как содержательных элементов правосознания.

Обзор литературы: в ходе работы автор опирается на теоретико-правовые исследования, посвященные проблемам естественно и позитивного права, а также на исследования, в рамках которых раскрываются значение и специфика правосознания. Задействованы работы В.М. Шафиров, А.В. Новикова, В.П. Малахов, Е.В. Уваркиной, Ю.В. Грузова.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись методы анализа, сравнения, дедукции, а также структурно-функциональный и социально-феноменологический подходы.

Результаты: в ходе исследования анализируется противоречие между теориями естественно и позитивного права, а также дается общая характеристика их содержания. Рассматривается значение правосознания как основания социально-правовой активности действующего субъекта. Определяется влияние естественно-правовых и позитивно-правовых установок на способ отношения к действующим нормам права.

Ключевые слова: теория естественно права, теория позитивного права, правосознание, общество, отношение к праву.

Для цитирования: Карнаушенко Л.В. Теоретический и практический аспекты осмысления природы естественно и позитивного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 312-316. DOI: 10.37973/KUI.2021.39.99.005

Introduction: in modern legal studies, much attention is paid to the question of the relationship between theories of natural and positive law, but these studies are focused mainly on reflecting the theoretical aspect of the problem. At the same time, the importance of natural-legal and positive-legal attitudes as elements of legal consciousness is rarely subjected to theoretical development. The article sets forth the problem of the practical significance of natural-legal and positive-legal theory as meaningful elements of legal consciousness.

Literature Review: in the course of his work, the author relies on theoretical and legal studies on the problems of natural and positive law, as well as on studies that reveal the meaning and specifics of legal consciousness. The works of such authors as V.M. Shafirov, A. V. Novikov, V.P. Malakhov, E. V. Uvarkina, Yu. V. Gruzov are involved.

Materials and methods: the study uses methods of analysis, comparison, deduction, as well as structural-functional and socio-phenomenological approaches.

Results: the study analyses the contradiction between theories of natural and positive law, as well as gives a general description of their content. The importance of legal consciousness as the basis for the socio-legal activity of the active subject is considered. The influence of natural-legal and positive-legal attitudes on the way of attitude to the existing rules of law is determined.

Keywords: theory of natural law, theory of positive law, legal consciousness, society, relation to law.

For citation: Karnaushenko L.V. Theoretical and practical aspects of understanding natural and positive law // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 312-316. DOI: 10.37973/KUI.2021.39.99.005

Введение

В исследовательской практике проблема сущности права и связанный с ней вопрос о соотношении естественно-правовой и позитивно-правовой теорий имеет высокую степень востребованности, что связано как со значением самих по себе естественно-правовой и позитивно-правовой теорий, так и с прикладными

тивно-правовой теорий имеет высокую степень востребованности, что связано как со значением самих по себе естественно-правовой и позитивно-правовой теорий, так и с прикладными

вопросами, обусловленными поиском критерия оценки правовых норм в рамках процесса законотворчества. В этом отношении исследуется преимущественно теоретический аспект проблемы – соотношение теорий естественного и позитивного права, сущность противоречия между ними, а также критерии оценки правовых норм, основанные на данных парадигмах осмысления права. В свою очередь, процесс реализации правовых норм на уровне повседневной практики крайне редко подвергается осмыслению с точки зрения конфликта между естественно-правовой и позитивно-правовой парадигмами. Вместе с тем, если проанализировать вопрос о том, какие мотивирующие факторы составляют основу следования нормативным установлениям либо, напротив, нарушения закона, можно прийти к выводу, что здесь присутствует ряд факторов, в содержательном плане созвучных основным аспектам естественно-правовой и позитивно-правовой теорий. Иными словами, правосознание также может принимать форму позитивно-правового и естественно-правового подходов, что определяет конечный способ отношения к существующим нормам права и, соответственно, характер принятия решения о выборе стратегии социального поведения. В связи с этим мотивы следования правовым установлениям, равно как и мотивы их нарушения, могут в существенной степени различаться. Понимание данного аспекта позволяет более глубоко осмыслить проблематику правосознания и способствует углубленному пониманию причин и факторов конформного и преступного поведения в социальной среде.

Важность естественно-правовых и позитивно-правовых установок в правосознании определяет необходимость осуществления теоретического анализа, направленного на рассмотрение соотношения теоретического и прикладного аспекта соотношения теорий естественного и позитивного права, в том числе – в их взаимодействии друг с другом, поскольку дискуссия между сторонниками естественно-правового и позитивно-правового подходов включает многочисленные формы интерпретации основных правовых категорий, в том числе и способы оценки оснований права, критерии отношения к отдельным правовым установлениям и т.д. С этой целью в рамках настоящей статьи определен следующий круг задач:

- осуществить общий анализ соотношения теорий естественного и позитивного права;
- дать общую характеристику способов обоснования права и критериев оценки правовых норм,

существующих на уровне естественно-правовой и позитивно-правовой теорий;

- рассмотреть специфику правосознания как основания выбора стратегии социально-правового поведения;

- определить различия между формами правосознания, основанными на естественно-правовых и позитивно-правовых установках;

- детализировать прикладной аспект принятия естественно-правовых и позитивно-правовых установок действующими членами общества.

Обзор литературы

Специфика проводимого исследования определяет многообразие промежуточных проблем, которые необходимо разрешить для прояснения вопроса о прикладном аспекте соотношения естественно-правовой и позитивно-правовой теорий. Это определяет многообразие работ, к которым было осуществлено обращение в процессе исследования. Прежде всего, следует отметить исследования, посвященные общей специфике естественно-правовой проблематике. К числу таковых относятся работы В.М. Шафировой и А.В. Новикова, на уровне которых производится детализация теоретического аспекта соотношения естественно-правовой и позитивно-правовой теорий. Также большое значение имеет исследование общей специфики правосознания, чему посвящены и труды В.П. Малахова и Е.В. Уваркиной. Отдельного внимания заслуживает анализ морального аспекта правового поведения, осмысление которого производилось в опоре на исследование Ю.В. Грузова.

Материалы и методы

Что касается методологической базы исследования, следует отметить его общий аналитический характер (что непосредственно определяет необходимость применения метода анализа), а также целесообразность обращения к общенаучным методам сравнения, абстрагирования и дедукции. Кроме того, с учетом того, что в объективе исследования находится практический аспект влияния конкретных правовых установок на характер социального поведения, серьезное значение приобретает осмысление институционального аспекта права, а также социально-мировоззренческих детерминант правового поведения. Это определяет целесообразность обращения к структурно-функциональному подходу. Наконец, отдельного внимания заслуживает то, что речь идет о мировоззренческих факторах правовой деятельности, связанных с отношением к праву и отдельным его аспектам. Это определяет целесообразность применения социально-феноменологического подхода, в рамках которого, с одной стороны, раскрывается социальное значение мировоззрения (и, соответственно, его проекция на

уровень социальной активности), с другой – отражаются основные принципы формирования мировоззрения в ходе освоения действующим субъектом социальной действительности.

Результаты исследования

Проблема соотношения теорий естественного и позитивного права – это прежде всего спор о природе права. На первый взгляд, суждение о том, что категория «право» в данном случае имеет центральное значение, кажется очевидным и излишним. Между тем следует отметить, что сама по себе постановка вопроса о том, что есть право или даже что есть «подлинное право», содержит в себе определенные предпосылки, понимание которых имеет крайне важное значение для дальнейшего осмысления вопроса о соотношении естественно-правовой и позитивно-правовой теорий. Право отражает область должного применительно к сфере общественных отношений, и именно атрибут необходимости соответствия социальной практики правовым нормам, иными словами – обязательность последних к исполнению, определяет постановку вопроса о том, что именно должно обладать в практическом разрезе общественных отношений атрибутом необходимости. Ни сторонники естественно-правовой теории, ни сторонники теории позитивного права не отрицают его предписывающее значение и, по сути, статус необходимого регулятора общественных отношений. Расхождение начинается в рамках постановки вопроса о том, что именно можно считать правом. Именно с этого вопроса берет отсчет постановка проблем сущности права, его природы и оснований.

В практическом разрезе постановка данных вопросов влечет за собой актуализацию еще одной важной проблемы – критериев оценки правовых норм (как на стадии их формирования, так и на уровне их применения в социальной практике). Вопрос о том, что именно есть право – это вопрос о том, что в системе общественных отношений относится к сфере должного и, соответственно, не может быть поставлено под сомнение.

С точки зрения естественно-правовой теории право имеет идеальный и всеобщий характер и находится в тесной смысловой взаимосвязи с природой человека, что и определяет «естественный» характер правовых норм, отражающих фундаментальные потребности человеческого существа. При такой постановке вопроса история правовых систем представляет собой тернистый путь по воплощению правового идеала на институциональном уровне, причем данное воплощение может обладать большей или меньшей степенью соответствия правовому идеалу или, иными

словами, подлинному праву. В соответствии с этим в рамках естественно-правовой теории и производится сопоставление позитивного права как совокупности законов, введенных на уровне конкретного государства, и естественного права, каковое признается подлинным и, по сути, необходимым. Отсюда – практика оценки конкретных юридических норм и, в том числе, введение категории «неправового закона» как институционально определенной в законодательной системе нормы, которая в содержательном плане противоречит подлинному, идеальному естественному праву. Сама возможность постановки закона под вопрос определяет двойственный характер теории естественного права: с одной стороны, она закладывает основания для неприятия правовых норм (и, следовательно, подводит теоретические основания под осуществления преступной с точки зрения существующего юридического кодекса поведения), с другой – задает момент оценочного отношения к правовой сфере, что определяет возможность совершенствования правовой системы в сторону повышения ее соответствия базовым потребностям и устремлениям членов общества. При этом основным ориентиром в рамках естественно-правовой теории становится моральный аспект права, который обосновывает необходимость тех или иных норм на ценностном уровне.

Что касается теории позитивного права, следует отметить, что она признает в качестве права всякую законодательно определенную норму, сформированную на уровне конкретного государства; таким образом, всякая юридическая норма воспринимается как данность. Это исключает момент критической оценки существующих нормативных установлений и обращает внимание исследователей не столько на правовой статус конкретных норм (подлинное право или неправовой закон), сколько на их технический, формальный и, что немаловажно, – практический аспекты. Иными словами, если на уровне естественно-правовой теории рассматриваются идеальные основания права и их соотносимость с человеческой природой, то на уровне позитивно-правовой теории подвергается рассмотрению социальная природа права и практический аспект его реализации. Отсюда – интерес к логической составляющей правовой деятельности, языковому аспекту выражения правовых норм, проблематике правоприменения, соответствию правовых норм актуальным социальным запросам и т.д.

Выше была дана общая характеристика позитивно-правовой и естественно-правовой теорий как элемента правового знания в академической

среде. По сути, противоречие между ними пролегает прежде всего в характере расстановки приоритетов при осмыслении правовой тематики и критериев оценки права: для естественно-правовой теории характерна оценка содержания нормативных установлений и их соответствия определенным моральным ориентирам, то для позитивно-правовой теории важен формальный аспект обоснования права на уровне института государства, а также технические аспекты системности права, его структурированности, логичности, точности языкового выражения и т.д. Из этого проистекает, в частности, возможность совмещения отдельных элементов естественно-правовой и позитивно-правовой теорий, поскольку они противоречат друг другу не полностью, а в центральном своем аспекте, связанном с трактовкой природы права (и, соответственно, расстановкой приоритетов в его рассмотрении и оценке).

Одной из важных проблем в данном случае является то, что право – это не только объект научной рефлексии в академических кругах, но и самостоятельный социальный феномен. Вне осмысления права как социального явления проблематичным является следование нормативным установлениям. Иными словами, правосознание – это неотъемлемый элемент правовой практики. И в данном случае большое значение имеет то, что правосознание включает в себя не только знание законов, но и отношение к ним и, кроме того, стратегии выстраивания индивидуальной активности, основанные на знании юридических норм и их оценке. В этом контексте закономерным является вывод, согласно которому отдельные установки естественно-правовой и позитивно-правовой теорий могут присутствовать на уровне правосознания и оказывать влияние на характер социальной активности членов общества.

Рассмотрим, какова специфика форм правосознания, основанных на позитивно-правовой и естественно-правовой установках, и какие формы социальной активности они могут определять. Начнем с позитивно-правового подхода, ориентированного на признание в качестве права всякой нормы, утвержденной в рамках института права и подкрепленной властным ресурсом института государства. Прежде всего, следует отметить, что позитивно-правовой подход ориентирован на признание правового статуса всей совокупности действующих на уровне локального общества законов, что определяет момент их совокупного предписывающего характера вне зависимости от того, насколько они соответствуют интересам того или иного действующего субъекта. Одновременно с этим следует отметить, что данный подход ориентирован на следование «букве закона», что

определяет стремление к расширению области личных возможностей через знание формулировок конкретных юридических норм, их возможной трактовки, неточностей, противоречий, возможной неполноты определений и т.д. Именно в русле методологии позитивно-правового подхода реализуется расширение возможностей социального субъекта, связанное со знанием прав, а также углубленным пониманием системы правовых норм в целом. При этом с учетом специфики позитивного права, с одной стороны, модель правосознания, основанная на позитивно-правовых воззрениях, содержит в себе установку на следование правовым нормам, с другой – речь идет о свободе в тех рамках, которые определяет действующее законодательство (включая своеобразные «лазейки», связанные с его несовершенством и рассматриваемые в качестве источника возможностей).

Рассмотрим специфику формы правосознания, реализующей установки естественно-правового подхода. Прежде всего, следует отметить, что в рамках естественно-правового подхода оценочное отношение реализуется не во всей системе права, а к каждой норме, взятой по отдельности, в связи с этим может иметь место ситуация, когда социальный субъект принимает одну норму и склонен отвергать (считать неправовой) другую. При этом немаловажное значение имеет то, что такой подход задает крайне широкий спектр вариаций отношения к действующему праву, в зависимости от характера мировоззрения субъекта оценочной деятельности, преобладающих в его мировоззрении ценностных установок, области его личных интересов и т.д. В целом содержательный аспект «естественных прав» является одним из дискуссионных вопросов, а привязка права к морали, с учетом вариативности моральных систем, влечет за собой и вариативность воззрений на право. Таким образом, правосознание, основанное на естественно-правовой установке, не является стабильным основанием для следования праву, поскольку действующий субъект может относить к праву далеко не все юридические нормы и, кроме того, естественно-правовая парадигма содержит в себе фактическое обоснование отказа от конформного поведения в случаях, когда закон воспринимается в качестве ошибочного, неправового. При этом речь идет о соотношении личного кодекса человека и системы права.

Одним из возможных примеров подобного рода ситуации являются так называемые понятия, которые представляют собой альтернативный системе права свод правил, принятый в криминальной среде. Следует отметить, что выборочный характер принятия юридических норм определяет существенные риски, связанные с развитием пра-

восознания, основанного на естественно-правовых установках. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что правосознание, основанное на естественно-правовых установках, в существенной степени ориентировано на соблюдение «духа закона» и противоречит практикам его обхода в ситуации, когда на уровне действующей системы права присутствует такая возможность.

Обсуждение и заключения
Представленные выше различия между формами правосознания, основанными на естественно-правовой и позитивно-правовой установках, задают перспективу осмысления многообразия форм правосознания и способов практической реализации правовых норм в гражданской среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грузов Ю.В. Взаимодействие права и морали в социальном регулировании: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Иваново, 2005. 204 с.
2. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01: М., 2001. 502 с.
3. Новиков А.В. Естественно-социальное и позитивное право: генезис и соотношение: 09.00.11: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ярославль, 2002. 140 с.
4. Уваркина Е.В. Правосознание как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2004. 119 с.
5. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Красноярск, 2005. 479 с.

REFERENCES:

1. Gruzov YU.V. Vzaimodejstvie prava i morali v social'nom regulirovanii: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Ivanovo, 2005. 204 s.
2. Malahov V.P. Priroda, sodержanie i logika pravosoznaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01: M., 2001. 502 s.
3. Novikov A.V. Estestvenno-social'noe i pozitivnoe pravo: genezis i sootnoshenie: 09.00.11: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. YAroslavl', 2002. 140 s.
4. Uvarkina E.V. Pravosoznanie kak ob"ekt social'no-filosofskogo analiza: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. M., 2004. 119 s.
5. SHafirov V.M. Estestvenno-pozitivnoe pravo: Problemy teorii i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. Krasnoyarsk, 2005. 479 s.

Об авторе:

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
e-mail: karnl@mail.ru

© Карнаушенко Л.В., 2021

About the author:

Karnaushenko Leonid V., Doctor of History (Doctor habilitatus), professor Head of Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of MIA of Russia
e-mail: karnl@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 05.04.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

Д.В. Ливенцев

**АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

**ALTERNATIVE LEGAL LIABILITY:
THE CONCEPT AND CRITERIA OF INSTITUTIONALIZATION**

Введение: статья посвящена общетеоретическому системному анализу юридической ответственности как межотраслевой (общеправовой) категории с последующим определением места субинститута альтернативной юридической ответственности в ее структуре.

Материалы и методы: теоретическую основу работы составили труды отечественных ученых в области истории и теории права. В ходе написания статьи применялись общенаучные, всеобщие и специальные методы научного познания, которые помогли систематизировать материалы, привлеченные автором из различных источников.

Результаты исследования: изучена сущность понятия «альтернативная юридическая ответственность» и его неоднозначная трактовка в научной литературе. В статье проанализированы критерии институционализации альтернативной юридической ответственности. Выявлены различные подходы российских ученых к рассматриваемому понятию.

Обсуждения и заключения: автор приходит к выводу о необходимости государственного закрепления механизма альтернативной юридической ответственности. В то же время инициация самого процесса альтернативной юридической ответственности может, помимо государства, исходить от субъектов в рамках защиты их нарушенных или оспоримых прав. Подобное положение складывается в силу выделения на различных этапах исторического развития человеческого общества социальных групп с особым юридическим статусом, обеспечивающим их обладателям фактическое и юридическое неравенство.

Ключевые слова: альтернативная юридическая ответственность, критерии, институционализация, понятие, юридический статус

Для цитирования: Ливенцев Д.В. Альтернативная юридическая ответственность: понятие и критерии институционализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 317-321. DOI: 10.37973/KUI.2021.30.72.006

Introduction: the article is devoted to the general theoretical system analysis of legal liability as an intersectoral (general legal) category, with the subsequent determination of the place of the alternative legal liability substitute in its structure.

Materials and Methods: the theoretical basis of the article was the works of Russian scientists in history and theory of law. In the course of working on the article, general scientific, universal and special methods of scientific knowledge were used which helped to systematize the materials attracted by the author from various sources.

Results: the author studied the essence of the concept of "alternative legal liability" and its ambiguous interpretation in the scientific literature. The article analyzed the criteria for the institutionalization of "alternative legal responsibility". Various approaches of Russian scientists to the concept under consideration were revealed.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion about the state consolidation of the mechanism of alternative legal responsibility. At the same time, the initiation of the process of alternative legal liability may, in addition to the state, come from subjects within the framework of protecting their violated or disputed rights. Such a situation is formed due to the allocation of social groups with a special legal status at various stages of the historical development of human society, providing their owners with actual and legal inequality.

Keywords: alternative legal responsibility, criteria, institutionalization, concept, legal status

For citation: Liventsev D.V. Alternative Legal Liability: the Concept and Criteria of Institutionalization // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 317-321. DOI: 10.37973/KUI.2021.30.72.006

Введение

Традиционно юридическая ответственность понимается как обязанность субъекта понести обязательства негативного (правоограничивающего либо правоисключающего) характера, определяемые и реализуемые в установленной законом процессуальной форме, предусмотренные за совершение противоправных деяний (действий и бездействий), осуществляемые при помощи легального государственного принуждения и закрепляемые в негативных санкциях правовых норм.

Представляя собой особый вид правового обязательства, юридическая ответственность предусмотрена как за нарушение установленных правил использования возможностей и исполнения должностований, так и за несоблюдение запретов.

Признаками, характеризующими юридическую ответственность как межотраслевой институт права, являются формальность, санкционированность, завершенность, детерминированность противоправным деянием, негативность, правосубъектность, опора на государственное принуждение, обеспеченность системой государственных гарантий и санкций, недопустимость применения «негативной» обратной силы закона.

Обзор литературы

Исследуемая тема затрагивает такие вопросы, как понятие и критерии институционализации альтернативной юридической ответственности. К проблемам, связанным с альтернативной юридической ответственностью, обращались А.С. Белоусов, Е.Н. Воронов, А.А. Замалетдинов, Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина. Значительный вклад в исследуемую проблему внесли С.В. Лонская и В.Г. Тимофеев. Ряд важных аспектов в понимании альтернативной юридической ответственности содержится в трудах Р.А. Ромашова и Р.Ф. Степаненко. В статье производится сравнительный анализ различных точек зрения с целью выявления понятия и критериев институционализации альтернативной юридической ответственности.

Материалы и методы

К материалам исследования относятся нормативные правовые акты, устанавливающие понятие и критерии институционализации альтернативной юридической ответственности. Большое внимание уделяется трудам отечественных ученых, среди которых выделяются работы Д.А. Липинского Р.А. Ромашова, Р.Ф. Степаненко и др. При написании научной статьи были использованы следующие методы: сравнительно-правовой, логический, исторический, системно-структурный и формально-юридический.

Результаты исследования

Рассмотрим более подробно признаки, характеризующие юридическую ответственность.

Формальность – представляя собой межотраслевой институт права, юридическая ответственность получает внешнее выражение в санкциях правовых норм, закрепляющих как вид, так и меру негативного воздействия на субъекта, виновного в совершении правонарушения.

Санкционированность – наказанием как системным элементом юридической ответственности является не любое правоограничивающее либо правоисключающее воздействие на статус (положение) субъекта, а лишь то, которое закреплено санкцией правовой нормы и подлежит осуществлению в отношении конкретного субъекта.

Завершенность – юридическая ответственность представляет собой законченное правоотношение, в качестве итоговых результатов которого равновероятны два финальных акта: освобождение лица от юридической ответственности либо вынесение решения о применении к лицу вида и меры юридической ответственности.

Детерминированность противоправным деянием – юридическая ответственность в любом случае обусловлена правонарушением.

Негативность – содержанием юридической ответственности являются негативные последствия совершения субъектом правонарушения.

Правосубъектность – юридическая ответственность получает свое воплощение в форме процессуальных правоотношений охранительного характера, основанных на фактической либо презюмируемой противоправности поведения привлекаемых к ответственности субъектов.

Опора на государственное принуждение – представляя собой вид негативного обязательства, юридическая ответственность воспринимается большинством субъектов, выступающих в качестве ее адресатов, в качестве угрозы, соответственно, вполне понятным является стремление ответственности избежать.

Обеспеченность системой государственных гарантий и санкций – государство законодательно закрепляет основания и порядок определения и реализации видов и мер юридической ответственности, учреждает и обеспечивает функционирование государственных структур, наделенных компетенциями в сфере юридической ответственности.

Недопустимость применения «негативной» обратной силы закона – применительно к юридической ответственности не допускается распространения юридической силы закона на период, предшествовавший его принятию, в случаях, когда это влечет установление новых видов ответственности

либо отягчает правовое положение субъекта права, в отношении которого ответственность уже была применена.

В качестве институциональных элементов системы юридической ответственности следует рассматривать фактические и нормативные основания, организационную составляющую, субъектный и инструментальный (компетентностный) составы, институт целеполагания, методологию. Особенностью содержания отношений в сфере юридической ответственности является возможность сочетания в них как правомерной, так и противоправной составляющих. В данном случае следует иметь в виду, что правонарушения – это не правоотношения, а их социально-правовые антиподы [1, с. 269-270]. Право, закрепляя в диспозициях правовых норм виды и составы правонарушений [2, с. 23], тем самым формулирует правовые запреты, нарушение которых путем совершения правонарушения и «запускает» механизм ретроспективной юридической ответственности, внешне выраженный в процессуальных правоотношениях, субъектами которых выступает государство в лице компетентных правоохранительных и судебных органов, с одной стороны, и лица, подозреваемые (обвиняемые) в совершении правонарушений, – с другой [3, с. 79].

Системно-структурный анализ института юридической ответственности актуализирует проблему соотношения категорий ответственность и наказание [4, с. 52]. Судебный этап юридической ответственности предполагает рассмотрение дела судом в порядке установленной подсудности. Именно суд принимает окончательное решение о виновности/невиновности субъекта в совершении правонарушения и своим решением (приговором) определяет вид и размер наказания либо, вынося оправдательный вердикт, освобождает субъекта от него [5, с. 15]. Юридическая ответственность как общеправовая категория основывается на принципе равенства субъектов права и вытекающем из него принципе равенства всех перед законом и судом. *Альтернативная юридическая ответственность* – правовая конструкция, исходящая из дифференциации правосубъектности лиц, привлекаемых к ответственности, на общую и специальную. Как уже было ранее отмечено, возникновение института альтернативной ответственности обусловлено социальной стратификацией, делением общества на «замкнутые» социальные группы (сообщества, корпорации, классы и др.). Альтернативная юридическая ответственность выступает в качестве производной от общеправовой и не рассматривается в качестве конкурентной по отношению к ней. От понятия альтернативной юридической ответствен-

ности следует отграничивать понятие альтернативных санкций правовых норм [6, с. 72]. Именно государство на официальном уровне может признавать либо не признавать социальную дифференциацию и стратификацию. Соответственно, от государства зависит как юридическое оформление альтернативной юридической ответственности, так и отношение к принимаемым соответствующими структурами актам применения права.

В целях подтверждения высказанных теоретических гипотез приведем несколько примеров институционального оформления альтернативной юридической ответственности в новой и новейшей истории отечественного государства и права. Так, в результате судебной реформы 1864 г. в Российской империи появились мировые суды, избираемые уездными земскими собраниями и городскими думами. Данные органы, являя собой структурные элементы механизма юридической ответственности, качественным образом отличались от имперских судов, выступая в качестве альтернативного инструмента судопроизводства, а стало быть, альтернативного механизма юридической ответственности [7, с. 9].

Если рассматривать современную ситуацию, сложившуюся в сфере реализации юридической ответственности, то следует констатировать, что включение в судебную систему Российской Федерации, наряду с федеральными судами, института мировых судей не означает создания альтернативного механизма судебной деятельности, поскольку по сути своей мировые судьи представляют «нижнее звено» системы федерального судопроизводства и в своей деятельности замыкаются не на вышестоящий системный орган, как это было в Российской империи [8, с. 83].

В современной России в качестве органов альтернативного судопроизводства выступают третейские суды, которые в формально-юридическом понимании не являются государственными органами судопроизводства, но вместе с тем являются особыми юрисдикционными органами защиты нарушенных или оспариваемых имущественных прав предпринимателей, компетенция которых основывается на воле создавших их сторон [9, с. 43]. В качестве механизма альтернативной юридической ответственности может также рассматриваться система международных правозащитных и судебных организаций, к компетенции которых, в соответствии с международным правом, относятся дела, связанные с рассмотрением в качестве субъекта юридической ответственности самого государства. Предусмотренный в Конституции Российской Федерации порядок исполнения Российской Федерацией решений международных судов наглядно

доказывает справедливость ранее сделанного вывода, что альтернативная юридическая ответственность в любом случае является производной от общеправовой и вторичной по отношению к ней.

Обсуждение и заключения

Обобщая сказанное, целесообразно сформулировать следующие выводы:

1. Юридическая ответственность представляет собой системную правовую категорию (межотраслевой институт), реализация которой осуществляется в форме межсубъектных коммуникаций (взаимодействий), связанных с принудительным возложением на субъекта, совершившего противоправное деяние, обязанности претерпеть предусмотренные санкциями правовых норм негативные последствия.

2. Представляя собой динамическую систему, юридическая ответственность включает в качестве самостоятельных циклических этапов три взаимосвязанных стадии.

3. Юридическая ответственность, представляя собой негативное субъективное обязательство, на всех этапах реализации предполагает осуществле-

ние в отношении привлекаемого к ответственности субъекта правоограничивающего воздействия.

4. Институциональное обособление, наряду с общеправовой юридической ответственностью, основу юридического закрепления и реализации которой составляет принцип равенства *всех* перед законом и судом, альтернативной формы, предопределяется фактической неоднородностью социальной структуры общества.

5. Механизм альтернативной юридической ответственности в любом случае устанавливается государством и опирается в своем функционировании на действующее национальное законодательство. Вместе с тем инициация процесса альтернативной юридической ответственности может исходить как непосредственно от государства, своим волевым решением определяющего круг субъектов в отношении которых применяется соответствующий вид ответственности, так и от субъектов, обладающих правом выбора обращения за защитой своих нарушенных либо оспоримых прав как в государственный, так и в альтернативный орган применения права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ромашов Р.А. Теория государства и права М.: Юрайт, 2018 (Серия: Бакалавр. Академический курс). 443 с.
2. Степаненко Р.Ф. Социальная и юридическая ответственность в противодействии коррупции: проблемы общей теории права. // Право и государство: теория и практика. 2018. № 1(157). С. 23 – 30.
3. Степаненко Р.Ф. Справедливость и законпорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79 – 89.
4. Замалетдинов А.А. Наказание как инструмент юридической ответственности: теоретико-практические аспекты // Пробелы в Российском законодательстве. 2015. № 4. С. 51 – 55.
5. Воронов Е.Н. Принудительное исполнение судебных актов как публично-правовая функция государства // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3-2 (15). С. 14 – 19.
6. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Альтернативные санкции и иные юридические средства индивидуализации юридической ответственности // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 3 (43). С. 71 – 79.
7. Лонская С.В. Мировые и волостные суды Российской Империи на пути к единству // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. Вып. 9. С. 7 – 14.
8. Тимофеев В.Г. Мировые суды дореволюционной России: становление и развитие // Марийский юридический вестник. 2004. Вып. 3. С. 81 – 86.
9. Белоусова А.С. Правовой статус третейского суда в Российской Федерации // Science Time. 2015. № 4 (16). С. 40 – 46.

REFERENCES

1. Romashov R.A. Teoriya gosudarstva i prava M.: YUrait, 2018. (Seriya: Bakalavr. Akademicheskii kurs). 443 s.
2. Stepanenko R.F. Social'naya i yuridicheskaya otvetstvennost' v protivodejstvii korrupcii: problemy obshchej teorii prava. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 1(157). S.23-30.
3. Stepanenko R.F. Spravedlivost' i zakonoporyadok: teoretiko-metodologicheskij aspekt. // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 6. S.79-89.

4. Zamaletdinov A.A. Nakazanie kak instrument yuridicheskoy otvetstvennosti: teoretiko-prakticheskie aspekty // Probely v Rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 4. S. 51-55.
5. Voronov E.N. Prinuditel'noe ispolnenie sudebnyh aktov kak publichno-pravovaya funkciya gosudarstva // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 3-2 (15). S. 14-19.
6. Lipinskij D.A., Musatkina A.A. Al'ternativnye sankcii i inye yuridicheskie sredstva individualizacii yuridicheskoy otvetstvennosti // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii, 2018. № 3 (43). S. 71-79.
7. Lonskaya S.V. Mirovye i volostnye sudy Rossijskoj Imperii na puti k edinstvu // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2013. Vyp. 9. S. 7-14.
8. Timofeev V.G. Mirovye sudy dorevolucionnoj Rossii: stanovlenie i razvitie // Marijskij yuridicheskij vestnik. 2004. Vypusk 3. S. 81-86.
9. Belousova A.S. Pravovoj status tretejskogo suda v Rossijskoj Federacii // Science Time. S. 43. 2015. № 4 (16). S. 40-46.

Об авторе:

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: liva2006@yandex.ru

© Ливенцев Д.В., 2021

About the author:

Liventsev Dmitry V., Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law of Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: liva2006@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 26.07.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК 343.1

DOI: 10.37973/KUI.2021.60.14.007

М.А. Гаврилов

**РЕСТИТУЦИЯ И ГРАЖДАНСКИЙ ИСК
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ПОТЕРПЕВШЕГО**

**RESTITUTION AND CIVIL ACTION
IN CRIMINAL CASES
IN CASE OF DEATH OF THE VICTIM**

Введение: в статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением имущественных прав скончавшегося потерпевшего; изучается тема перехода процессуальных прав потерпевшего и гражданского истца. Приведен анализ отдельных судебных решений, связанных с возвращением предметов, непосредственно утраченных в результате преступления, а также разрешением гражданского иска в случае смерти потерпевшего.

Материалы и методы: в ходе написания статьи использовались эмпирический и теоретический методы исследования, включающие отбор фактов, сравнение, абстрагирование, научно-аналитический подход.

Результаты исследования: при решении вопроса о применении реституции в уголовном судопроизводстве в случае смерти потерпевшего в обязательном порядке должны учитываться положения гражданского законодательства, регулирующего переход права собственности. Переход прав гражданского истца к другим лицам в уголовном судопроизводстве возможен. Однако не во всех ситуациях это право может перейти к правопреемникам.

Обсуждение и заключения: автор статьи приходит к выводу, что принятие реституции правопреемником потерпевшего и переход прав гражданского истца к правопреемнику в уголовном судопроизводстве допустимы только при наличии оснований, предусмотренных гражданским законодательством, для перехода имущественных прав от правопреемника к правопреемнику. Органам предварительного расследования и судам необходимо учитывать требования гражданского законодательства при применении положений о реституции и гражданском иске в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: потерпевший, гражданский истец, гражданский иск, смерть потерпевшего, реституция, смерть гражданского истца.

Для цитирования: Гаврилов М.А. Реституция и гражданский иск по уголовным делам в случае смерти потерпевшего // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 322-328. DOI: 10.37973/KUI.2021.60.14.007

Introduction: the article deals with ensuring the property rights of the deceased victim; studies transition of the procedural rights of the victim and the civil plaintiff; the author analyses the court decisions on the return of items lost as a result of the crime and the resolution of a civil claim in the event of the victim's death.

Materials and Methods: empirical and theoretical research methods were used, including selection of facts, comparison, abstraction, scientific and analytical approach.

Results: when deciding on the use of restitution in criminal proceedings in the event of the death of the victim, the provisions of civil law governing the transfer of ownership must be taken into account. The transfer of the rights of a civil plaintiff to other persons in criminal proceedings is possible. However this right may pass to the successors not in all situations.

Discussion and Conclusions: the acceptance of restitution by the legal successor of the victim and the transfer of the rights of the civil plaintiff to the legal successor in criminal proceedings is permissible only if there are grounds provided for by civil law for the transfer of property rights from the legal predecessor to the legal successor. Pre-trial investigators and courts need to take civil law into account when applying restitution and civil action provisions in criminal proceedings.

Key words: victim, civil claimant, civil claim, death of the victim, restitution, death of a civil claimant.

For citation: Gavrilov M.A. Restitution and Civil Action in Criminal Cases in Case of Death of the Victim // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 322-328. DOI: 10.37973/KUI.2021.60.14.007

Введение

В случае причинения имущественного вреда в результате совершенного преступления возникшие правоотношения подлежат регулированию не только нормами уголовно-процессуального законодательства, но и нормами гражданского права, закрепляющими ответственность за причинение вреда. Пострадавший от преступления заинтересован в быстром и полном возмещении причиненного ему имущественного вреда. Распространенными способами возмещения вреда являются реституция и предъявление гражданского иска.

Смерть лица, которому преступлением причинен имущественный вред, после совершенного преступления по причинам, не связанным с преступлением (например, в связи с болезнью или несчастным случаем), в следственно-судебной практике зачастую порождает вопрос о возможности применения реституции и о судьбе гражданского иска по таким уголовным делам.

Обзор литературы

Особенности применения реституции в уголовном судопроизводстве рассматривали С.А. Александров, А.М. Беляков, Б.Т. Безлепкин, Н.И. Газетдинов, А.С. Герасименко, З.З. Зинагуллин и другие ученые. А.Г. Мазалов, говоря о реституции, делает акцент на возврате потерпевшему вещественных доказательств – непосредственно похищенных в результате преступного посягательства материальных ценностей [1, с. 20]. Ж.В. Самойлова не выделяет реституцию как самостоятельную форму возмещения вреда, причиненного преступлением, и предлагает трактовать ее как одно из возможных последствий удовлетворения гражданского иска [2, с. 124 – 127]. Вопросам, связанным с гражданским иском в уголовном судопроизводстве, посвящены работы Ф.Н. Багаутдинова, В.И. Баловневой, И.Н. Кондрата, Е.М. Николаева, Д.Б. Соколова, Т.Е. Сушиной. Многие авторы поддерживают мнение, согласно которому разрешение гражданского иска в уголовном процессе не противоречит назначению отечественного уголовного судопроизводства [3, с. 29–30; 4, с. 86–92; 5, с. 4–5; 6, с. 37].

Материалы и методы

Использование эмпирического и теоретического методов исследования, включающих отбор фактов, сравнение, абстрагирование, научно-аналитический подход, позволило всесторонне рассмотреть проблему. Материалами исследования послужили статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также примеры из судебной практики.

Результаты исследования

Наиболее верное определение уголовно-процессуальной реституции, на наш взгляд, дано в трудах С.А. Александрова, который под ней понимает восстановление материального положения потерпевшего путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления [7, с. 28–29].

Уголовно-процессуальная реституция применяется по уголовным делам о преступлениях, предметом которых выступают вещи, признанные при расследовании уголовного дела вещественными доказательствами, и регламентирована ст. 85, 86, 317 и другими статьями УПК РФ.

По данным некоторых исследователей, реституция по распространенности применения занимает второе место после гражданского иска [8, с. 279 – 283]. Довольно часто на практике при расследовании преступлений похищенное имущество изымается у преступника, приобщается к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства и потом возвращается потерпевшему на стадии предварительного расследования либо при постановлении приговора или иного судебного решения по такому уголовному делу.

Если имущественный вред в результате преступления причинен лицу, которое после совершенного преступления скончалось, то кому же надлежит вернуть похищенное имущество, которое изъято и приобщено к уголовному делу в качестве вещественного доказательства?

Практическое разрешение таких ситуаций характеризуется разнообразием подходов. Например, приговором суда О. признан виновным в тайном хищении куртки, принадлежащей П. Похищенная куртка в ходе предварительного расследования обнаружена, изъята и приобщена к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. К моменту рассмотрения уголовного дела судом П. скончался. При вынесении приговора суд, разрешая судьбу вещественного доказательства, постановил вернуть куртку потерпевшему, несмотря на то, что последний скончался¹.

В другом случае суд при вынесении приговора в отношении Ш. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, разрешая судьбу вещественного доказательства – похищенного у Ш.С. смартфона, постановил вернуть его по принадлежности, несмотря на то, что Ш.С. к моменту вынесения приговора скончался. По апелляции представлению государственного

¹ Приговор Ординского районного суда Пермского края от 02.06.2020 по уголовному делу № 1-38/2020//https://orda-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66310746&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2021).

обвинителя суд апелляционной инстанции приговор суда изменил, постановил передать смартфон правопреемнику потерпевшего – супруге Ш., участвовавшей в процессе¹.

Еще в одном случае суд при вынесении приговора постановил вещественные доказательства – похищенные у Ф. вещи, находящиеся в камере хранения вещественных доказательств органа внутренних дел, продолжать хранить до определения правопреемников скончавшегося Ф².

Различные подходы судов к применению реституции в случае смерти потерпевшего не в связи с совершенным преступлением, по нашему мнению, объясняются несколькими причинами. Во-первых, в случае смерти потерпевшего встает вопрос о его правопреемстве. Действующее законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих переход прав потерпевшего к другим лицам в случаях его смерти не в связи с совершенным преступлением. На практике этот вопрос разрешается по-разному: правами потерпевшего наделяются лица, указанные в ч. 8 ст. 42 УПК РФ; либо уголовное дело расследуется и рассматривается судом в отсутствие лица, к которому перешли права потерпевшего [9, с. 234–239].

Пробел в законодательном регулировании правопреемства потерпевшего при его смерти не в связи с совершенным преступлением является причиной противоречивой судебной практики рассмотрения таких дел. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации нуждается в дополнении его нормами, регламентирующими основания, условия, порядок перехода прав потерпевшего, умершего не в связи с совершенным преступлением, к другим лицам.

Во-вторых, даже в случае привлечения в процесс правопреемника скончавшегося потерпевшего возникает вопрос о его полномочиях в принятии реституции. Ведь условием для применения реституции является наличие права собственности (владения) конкретного лица в отношении вещей, на которые были направлены преступные действия. Право собственности лица прекращается с его смертью.

По нашему мнению, в основе процессуального правопреемства потерпевшего – физического лица, лежит, в первую очередь, наличие у правопреемника интереса, желания в привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Правопреемство потерпевшего не обязательно сопровождается переходом имущественных прав от скончавшегося потер-

певшего к его правопреемнику. Если правопреемник потерпевшего не является его наследником и не приобрел имущественные права скончавшегося в порядке наследования, возмещение ему имущественного вреда от преступления будет являться неосновательным обогащением, т.е. приобретением имущества за счет другого лица без каких-либо правовых оснований в гражданско-правовом смысле (ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

Институт возмещения вреда потерпевшему находится на стыке уголовно-процессуального и гражданского права. По своей юридической природе обязательства из причинения вреда – это правоотношения, возникающие вследствие какого-либо действия либо бездействия между причинителем вреда и потерпевшим. Профессором М.Ю. Чельшевым верно отмечено, что уголовно-процессуальное законодательство не разрешает всех вопросов, связанных с возмещением вреда, причиненного в уголовно-процессуальной сфере. В этой части гражданское право дополняет специальные положения уголовно-процессуального права [10, с. 394]. Поэтому при решении вопроса о применении реституции в обязательном порядке должны учитываться положения гражданского законодательства, регулирующего переход права собственности.

Другим способом защиты имущественных прав потерпевших является предъявление гражданского иска к лицу, совершившему преступление, в рамках уголовного судопроизводства.

В теории уголовного процесса, как и по большинству уголовных дел, гражданским истцом признается потерпевший, заявивший гражданское требование о возмещении ущерба, причиненного преступлением, т.е. одно и то же лицо признается и потерпевшим, и гражданским истцом по уголовному делу.

В случае смерти такого лица его процессуальные права как потерпевшего переходят к правопреемникам. А могут ли к нему перейти права гражданского истца?

Анализ судебной практики свидетельствует, что суды в таких случаях поступают по-разному. Например, приговором районного суда, оставленным без изменений апелляционной инстанцией, К. осуждена за кражу имущества Б., с причинением ему значительного ущерба. Потерпевший Б., признанный гражданским истцом, умер. В связи с этим суд пришел к выводу о необходимости прекращения

¹ Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 09.06.2016 по головному делу № 22-3264/2016//https://oblsud--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2727199&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2021).

² Приговор Троицкого городского суда Челябинской области от 13.04.2016 по уголовному делу № 1-35/2016//<https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

производства по гражданскому иску. При этом суд мотивировал свое решение тем, что, согласно п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), правоспособность и гражданская процессуальная дееспособность гражданина прекращаются с его смертью, а в соответствии с абз. 7 ст. 220 ГПК РФ суд прекращает производство по делу в случае, если после смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемство¹.

В другом аналогичном случае апелляционная инстанция приговор в части решения по гражданскому иску потерпевшего отменила с передачей на новое судебное рассмотрение в тот же суд в порядке гражданского судопроизводства².

Суды при рассмотрении заявленных в уголовном судопроизводстве гражданских исков, как правило, не рассматривают вопросы правопреемства гражданского истца, хотя право на возмещение имущественного вреда может переходить по наследству.

Так, приговором Гагаринского районного суда г. Севастополя Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а И. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ³. Указанные лица совершили грабеж в отношении С., который до постановления приговора скончался по причине, не связанной с совершенным в отношении него преступлением. Однако суд взыскал с осужденных солидарно в пользу скончавшегося С. денежные средства в счет возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Судебная коллегия по уголовным делам Севастопольского городского суда, отменяя названный приговор в части разрешения гражданского иска, указала, что в соответствии со ст. 44 ГПК РФ в случае выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Вышеуказанное обстоятельство препятствовало суду первой инстанции в разрешении гражданского иска

потерпевшего о взыскании материального ущерба, поскольку требует разрешения вопроса о процессуальном правопреемстве, который входит в компетенцию суда первой инстанции. Судебная коллегия пришла к выводу, что принятое по делу судебное решение в части разрешения гражданского иска потерпевшего о взыскании с осужденных материального ущерба нельзя признать законным и обоснованным, оно подлежит отмене, уголовное дело в этой части направлению в суд первой инстанции для разрешения вопроса о процессуальном правопреемстве истца⁴. В дальнейшем, рассматривая гражданский иск С., суд первой инстанции установил, что после смерти истца заведено наследственное дело, с заявлением о принятии наследства обратилась супруга скончавшегося. Она признана правопреемником гражданского истца и в ее пользу с осужденных взыскана заявленная сумма⁵.

Казакова А.В. обоснованно полагает, что подача требований наследниками умершего потерпевшего в рамках уголовного дела позволит сэкономить время и силы и удовлетворит иски о возмещении ущерба, которые, согласно ст. 1112 ГК РФ, тоже входят в наследственную массу [11, с. 38-40].

По нашему мнению, переход прав гражданского истца к другим лицам возможен. Однако не во всех ситуациях это право может перейти к правопреемникам. Если правопреемник потерпевшего не является его наследником и не приобрел имущественные права скончавшегося в порядке наследования, возмещение ему имущественного вреда от преступления будет являться неосновательным обогащением, т.е. приобретением имущества за счет другого лица без каких-либо правовых оснований в гражданско-правовом смысле (ст. 1102 ГК РФ).

Обсуждение и заключения

Принятие реституции правопреемником потерпевшего допустимо, но только при наличии оснований, предусмотренных гражданским законодательством, для перехода имущественных прав от правопреемника к правопреемнику. Представляется, что органам предварительного

¹ Приговор Дальнереченского районного суда Приморского края от 12.12.2019 по уголовному делу №1-167/2019// https://dalnerechensky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20873113&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 08.01.2021).

² Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 02.03.2017 по уголовному делу № 22-18/2017. https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7949649&delo_id=4&new=0&text_number=1 (дата обращения: 08.01.2021).

³ Приговор Гагаринского районного суда г. Севастополя от 18.04.2018 по уголовному делу № 1-91/2018//https://gagarinskiy-sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19330051&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2021).

⁴ Апелляционное определение Севастопольского городского суда от 02.08.2018 по уголовному делу № 22489/18//https://gs--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4015304&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2021).

⁵ Решение Гагаринского районного суда г. Севастополя от 29.11.2018 по гражданскому делу №2-3084/2018//https://gagarinskiy-sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19331933&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2021).

расследования и судам необходимо учитывать положения гражданского законодательства при применении положений о реституции в рамках уголовного судопроизводства.

Правопреемство гражданского истца в уголовном судопроизводстве допустимо, но только при наличии оснований, предусмотренных гражданским законодательством, для перехода имущественных прав от правопреемника к правопреемнику.

По нашему мнению, внесение в УПК РФ норм, регламентирующих переход прав потерпевшего и гражданского истца к другим лицам в порядке правопреемства, способствовало бы разрешению рассматриваемых в статье проблемных вопросов. Предлагается внести в УПК РФ следующие изменения:

часть 8 статьи 42 изложить в следующей редакции:

«8. В случае смерти физического лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, права потерпевшего переходят к правопреемнику потерпевшего. Решение о признании правопреемником потерпевшего оформляется по правилам, установленным частью первой настоящей статьи. Количество правопреемников не ограничивается.»;

Дополнить УПК РФ статьей 42.1 следующего содержания:

«Статья 42.1. Правопреемник потерпевшего.

Правопреемником потерпевшего является лицо, к которому перешли права и обязанности скончавшегося физического лица либо ликвидированного (реорганизованного) юридического лица, которым преступлением причинен вред и заинтересованное в разрешении уголовного дела и восстановлении социальной справедливости путем привлечения к уголовной ответственности виновного в совершении преступления.

Правопреемником потерпевшего физического лица могут быть его близкие родственники, родственники, близкие лица и иные заинтересованные в разрешении дела лица.

К правопреемнику переходят все права и обязанности потерпевшего за исключением прав тесно связанных с личностью потерпевшего. К правопреемнику потерпевшего не переходит право на примирение с лицом, совершившим преступление.

Решение о признании лица правопреемником потерпевшего принимается незамедлительно

после установления обстоятельств, установленных частью 1 настоящей статьи, и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда незамедлительно после получения данных об этом лице. Лицо может быть признано правопреемником потерпевшего по его заявлению. Отказ в признании лица правопреемником потерпевшего, а также бездействие дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, выразившееся в непризнании лица правопреемником потерпевшим, могут быть обжалованы этим лицом в порядке, предусмотренном ст. 124 и 125 УПК РФ.

Правила настоящей статьи распространяются на случаи смерти физического лица или ликвидации (реорганизации) юридического по причинам, не связанным с совершенным в отношении него преступлением.».

Незаконное и необоснованное постановление следователя (дознавателя) о признании лица правопреемником потерпевшего отменяется прокурором с указанием мотивов отмены. В случае отмены такого постановления дознавателя прокурор в своем постановлении указывает органу дознания на лицо, подлежащее привлечению в качестве правопреемника.».

Важно учитывать, что правопреемство гражданского истца допустимо только при наличии оснований, предусмотренных гражданским законодательством, для перехода имущественных прав от правопреемника к правопреемнику, в связи с этим внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство не требуется.

В условиях действующего законодательства разрешение проблемных вопросов судебной практики может разрешить высшая судебная инстанция страны. Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» рассмотрел многие вопросы, связанные с гражданским иском в уголовном судопроизводстве. Однако вопрос правопреемства гражданского истца остался неразрешенным. Полагаем, что мнение высшей судебной инстанции по этому вопросу исключило бы разные подходы судов при рассмотрении вопросов правопреемства гражданского истца, что в конечном счете способствовало бы обеспечению имущественных прав потерпевшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1977. С. 20.
2. Самойлова Ж.В. Возмещение имущественного вреда потерпевшему от преступления в Российском уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2011. № 3. С. 124-127.
3. Бозров В. Гражданский иск в уголовном деле неуместен // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 29-30.
4. Владыкина Т. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2013. № 1. С. 86-92.
5. Оськина И., Лупу А. Гражданский иск в уголовном процессе // Юрист. 2014. № 11. С. 4-5.
6. Пиксин Н.Н. Гражданский иск в уголовном процессе: реализация прав истца и ответчика // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 37.
7. Александров С.А. Уголовно-процессуальная реституция // Советская юстиция. 1990. № 5. С. 28-29.
8. Давыдова М.Г. Реституция в уголовном процессе как форма реализации конституционного права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением // Поколение будущего: взгляд молодых ученых-2017: сборник научных статей 6-й Международной молодежной научной конференции (09-10 ноября 2017 года), в 4-х томах, Том 2. Юго-Зап. гос. ун-т., А.А. Горохов, Курск: ЗАО Университетская книга, 2017. С. 279-283.
9. Патрушева А.А. Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего // Вестник Омской юридической академии. 2018. Том 15, № 2. С. 234-239.
10. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2009. 501 с.
11. Казакова А.В. Основания участия «чистого» гражданского истца в уголовном процессе Российской Федерации // Администратор суда. 2019. № 2. С. 38-40.

REFERENCES

1. Mazalov A.G. Grazhdanskij isk v ugovolnom processe / A.G. Mazalov.– M.: YUrid. lit., 1977 S. 20.
2. Samojlova ZH.V. Vozmeshchenie imushchestvennogo vreda poterpevshemu ot prestupleniya v Rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve//Vestnik OGU. 2011. №3 S. 124-127.
3. Bozrov V. Grazhdanskij isk v ugovolnom dele neumesten // Rossijskaya yusticiya. 2001. № 5. S. 29-30.
4. Vladykina T. Grazhdanskij isk v ugovolnom sudoproizvodstve // Ugovolnoe pravo. 2013. № 1. S. 86-92.
5. Os'kina I., Lupu A. Grazhdanskij isk v ugovolnom processe // YUrist. 2014. № 11. S. 4-5.
6. Piksin N. N. Grazhdanskij isk v ugovolnom processe: realizaciya prav istca i otvetchika // Ugovolnyj process. 2005. № 3. S. 37.
7. Aleksandrov S.A. Ugovolno-processual'naya restituciya // Sovetskaya yusticiya. 1990. № 5. S. 28-29.
8. Davydova M.G. Restituciya v ugovolnom processe kak forma realizacii konstitucionnogo prava grazhdan na vozmeshchenie imushchestvennogo vreda, prichinennogo prestupleniem// Pokolenie budushchego: Vzglyad molodyh uchenyh-2017: sbornik nauchnyh statej 6- j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii (09-10 noyabrya 2017 goda), v 4- h tomah, Tom 2. YUgo-Zap. gos. un-t., A.A. Gorohov, Kursk: ZAO Universitetskaya kniga, 2017, - 434 s. S. 279-283.
9. Patrusheva A.A. Pravovoe polozhenie lic, kotorym perekhodyat prava umershego poterpevshego // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. 2018. Tom 15, № 2. S. 234-239.
10. CHelyshev M.YU. Sistema mezhotraslevykh svyazej grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03. Kazan', 2009. 501 s.
11. Kazakova A.V. Osnovaniya uchastiya «chistogo» grazhdanskogo istca v ugovolnom processe Rossijskoj Federacii // Administrator suda. 2019. № 2. S. 38-40.

Сведения об авторе:

Гаврилов Максим Александрович, старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
e-mail: gma2004@rambler.ru

© Гаврилов М.А., 2021

About the author:

Gavrilov Maxim A., Senior Lecturer of the Department of Organization and Management in the Bodies of the Prosecutor's office of the Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

e-mail: gma2004@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 02.06.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

А.М. Каримов

**К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ ВОЗМЕЩЕНИИ
В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ КАК ЭЛЕМЕНТЕ ОСНОВАНИЯ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В РАМКАХ СТАТЬИ 76.1
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**MONETARY COMPENSATION TO THE FEDERAL BUDGET
AS AN ELEMENT OF THE GROUNDS FOR EXEMPTION
FROM CRIMINAL LIABILITY UNDER ARTICLE 76.1
CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION**

Введение: в статье на основе анализа современного уголовного, законодательства, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19), практики применения норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, юридической литературы рассмотрены модели поощряемого поведения виновного, направленного на смягчение последствий совершенного деяния в рамках норм статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Выявлены обстоятельства, обуславливающие неэффективность модели позитивного посткриминального поведения виновного лица, сконструированной законодателем в части 2 статьи 76.1 УК РФ. Внесены предложения по исключению из текста названного положения уголовного законодательства требования о выплате в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба дохода, полученного в результате совершения преступления, или убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания: диалектический, догматический, семантический, формально-логический, методы анализа и синтеза. Материалами исследования послужили нормы УК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, статистические данные судебного департамента Верховного Суда РФ, научная литература.

Результаты исследования: внесены предложения по изменению редакции части 2 статьи 76.1 УК РФ путем исключения требования о выплате в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба дохода, полученного в результате совершения преступления, или убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления

Обсуждение и заключения: выявлен ряд проблем, возникающих в процессе реализации поощрительных норм, предусмотренных статьей 76.1 УК РФ. Обоснована необходимость исключения из текста части 2 названной нормы элемента освобождения от уголовной ответственности, юридическая природа которого в уголовном законодательстве не определена.

Ключевые слова: возмещение ущерба, требования, поощрение, модель поведения, призыв.

Для цитирования: Каримов А.М. К вопросу о денежном возмещении в федеральный бюджет как элементе основания освобождения от уголовной ответственности в рамках статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 329-335. DOI: 10.37973/KUI.2021.24.33.008

Introduction: the author based on the analysis of modern criminal legislation, the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2013 No. 19 "On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability" (hereinafter - the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19), the practice of applying the norms on exemption from criminal liability in connection with compensation for damage, legal literature considers models of encouraged behavior of the perpetrator aimed at mitigating the consequences of the committed act within the framework of Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author identifies reasons for the low efficiency of compensation for damage caused by the crimes listed in part 2 of Article 76.1 of the Criminal

Code of the Russian Federation, suggests exclude the provision on the requirement to pay to the federal budget monetary compensation in the amount of twice the amount of damage caused, income received as a result of a crime or losses that were avoided as a result of a crime.

Materials and Methods: the methodological basis of the study is a set of general scientific and specific scientific methods of cognition: dialectical, dogmatic, semantic, formal-logical, methods of analysis and synthesis. The materials of the study were the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, statistical data of the judicial department of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific literature.

Results: the author made proposals to amend the wording of Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by excluding the requirement to pay to the federal budget monetary compensation in the amount of twice the amount of damage caused, income obtained as a result of a crime or losses that were avoided as a result of a crime.

Keywords: compensation for damage, demands, encouragement, behavior model, appeal.

For citations: Karimov A.M. Monetary Compensation to the Federal Budget as an Element of the Grounds for Exemption from Criminal Liability under Article 76.1 Criminal Code of Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 329-335. DOI: 10.37973/KUI.2021.24.33.008

Введение

На территории Российской Федерации за 6 месяцев 2020 г. судами общей юрисдикции были вынесены судебные решения по уголовным делам в отношении более 322 тыс. человек. Значительная часть этих лиц (около 20%) была освобождена от уголовной ответственности по различным основаниям, предусмотренным уголовным законом, которые в литературе иногда именуется «нерезабилитирующими». Так, за обозначенный выше период по ч. 1 статьи 75 УК РФ от уголовной ответственности было освобождено 3 335 человек, по части 2 статьи 75 УК РФ (на основании примечаний к статьям Особенной части УК РФ) – 3 281, в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) – 45 626, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа – 26 675, в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) – 3 человека (аналогично низкий показатель в 2018, 2019 гг.)¹.

Анализ статистических показателей в динамике свидетельствует о ежегодном увеличении количества лиц, освобождаемых от уголовной ответственности, на что, помимо официальных данных судебного департамента Верховного Суда РФ, обращают внимание и некоторые исследователи, обуславливающие такую следственно-судебную практику тенденцией гуманизации уголовно-правовой политики [1, с. 15]. Исключением из общего правила является практика применения положения статьи 76.1 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба). Данный показатель ежегодно снижается и фактиче-

ски стремится к нулю, что, на наш взгляд, не может не указывать на несовершенство уголовного законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба.

Обзор литературы

Правовую базу исследования составляют УК РФ², постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»³.

Выявить особенности норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба как правовой категории уголовно-правового поощрения, определить специфику возмещения ущерба в рамках статьи 76.1 УК РФ как модели поощряемого уголовным правом позитивного посткриминального поведения позволили работы Е.В. Благова [2], Н.Ф. Кузнецовой [3], Р.А. Сабитова [4], Я.М. Матвеевой [5], В.В. Власенко [6].

Необходимо отметить, что тема актуальная, но в юридической литературе ей уделяется мало внимания. На наш взгляд, причина кроется в низком уровне применения компетентными органами положений статьи 76.1 УК РФ в правоприменительной практике, что детерминирует отсутствие научного интереса.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составил диалектический подход к познанию юридической природы поощрения в уголовном праве, содержа-

¹ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 6 месяцев 2020 года. Сайт Судебного департамента. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения: 01.11.2020).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

ния его моделей, а также общенаучные и частные методы исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция, статистический метод), которые применялись при изучении различных правовых явлений, их сравнении и формулировании предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Материалами исследования послужили статистические данные судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2018 по 2020 год, положения действующего российского уголовного законодательства, правоприменительная практика, научная юридическая литература.

Результаты исследования

Согласно части 1 статьи 76.1 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное статьями 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если ущерб, причиненный в результате преступления бюджетной системе РФ, возмещен в полном объеме.

Согласно части 2 рассматриваемой нормы лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой статьи 146, частью первой статьи 147, частями пятой–седьмой статьи 159 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы.

Примечательно, что само наименование статьи 76.1 УК РФ было пересмотрено законодателем в конце 2018 года. Так, норма об освобождении от уголовной ответственности *по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности*, в оглавлении которой законодателем подчеркивалась категория преступлений, по которым допускалось освобождение

от уголовной ответственности, после принятия федерального закона от 27.12.2018 № 533-ФЗ¹ стала именоваться иначе. Представляется, что тем самым нормотворец стремился унифицировать названия норм Главы 11 уголовного законодательства. В большинстве из них в оглавлении норм содержится указание на меру уголовно-правового поощрения (освобождение от уголовной ответственности) и модель поощряемого поведения виновного лица («в связи с деятельным раскаянием», «в связи с примирением с потерпевшим»). В новой редакции наименование нормы 76.1 УК РФ, подобно оглавлению норм 75, 76 уголовного законодательства, приобрело отсылку к основанию применения уголовно-правового поощрения – возмещению ущерба.

Однако необходимо также подчеркнуть, что изменения, внесенные в редакцию статьи 76.1 УК РФ в 2018 году, коснулись не только ее наименования, но и перечня статей Особенной части уголовного законодательства, по которым, согласно части 2, предусмотрено освобождение от уголовной ответственности, в случае если виновное лицо возместит ущерб, причиненный преступлением, и перечислит в федеральный бюджет двукратное причиненному ущербу денежное возмещение. Этот перечень законодателем был существенно расширен. В относительно новой редакции положения части 2 статьи 76.1 УК РФ, помимо преступлений в сфере экономической деятельности, распространяются на некоторые нормы главы 19 (преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина) и главы 21 (преступления против собственности) уголовного законодательства. Представляется, что и это послужило причиной переименования статьи 76.1 УК РФ.

Освобождение от уголовной ответственности как мера уголовно-правового поощрения, по общему правилу, применяется к тем лицам, чья общественная опасность отпала или существенно снизилась. Отказ от уголовного преследования никак не означает отказ от порицания деяния и самого преступника, а представляет собой определенный «компромисс» между государством в лице уполномоченных органов и лицом, совершившим преступление. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования представляет собой вынужденную «сделку» между государством и преступником, направленную на достижение взаимовыгодных результатов на основе уступок (прекращения уголовного преследования со стороны государства и позитивного поведения со стороны виновного). Этот метод применяется в тех случаях, когда применение иных методов невоз-

¹ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.

можно, затруднено или неоправданно. Лицо, совершившее преступление, тем самым причинившее ущерб, может добровольно выбрать модель своего дальнейшего поведения. Задача уголовно-правовых норм мотивировать, стимулировать виновное лицо к совершению таких постпреступных позитивных действий путем обещания и фактического предоставления меры уголовно-правового поощрения.

Следует согласиться с мнением исследователей о том, что об утрате или снижении общественной опасности свидетельствует наличие фактического состава основания: стержневого элемента (поскриминального позитивного поведения) и обуславливающих факторов (принадлежность деяния к категории преступлений небольшой и средней тяжести) [7]. В статье 76.1 УК РФ таким стержневым элементом выступает такой вид позитивного поощряемого уголовным правом поведения, как возмещение ущерба.

Необходимо обратить внимание на то, что из всех уголовно-правовых поощрительных норм, размещенных в главе 11 уголовного законодательства, только в тексте статьи 76.1 УК РФ законодатель предусмотрел безальтернативный способ заглаживания вреда, причиненного преступлением, – возмещение ущерба. Так, положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» в качестве основания применения уголовно-правового поощрения в рамках статей 75, 76, 76.2. УК РФ, наряду с возмещением ущерба, предусматриваются различные иные способы заглаживания преступного вреда: имущественная, в том числе, денежная компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений и др.

Представляется, что такая безальтернативная регламентация модели поощряемого уголовным правом поведения связана с тем, что преступлениями, предусмотренными нормами Особенной части УК РФ, перечисленными в тексте статьи 76.1 Кодекса, не предполагается наступления иных преступных последствий помимо ущерба (последний чаще всего признается исследователями разновидностью преступного вреда [8, с. 11; 4, с. 76]). Так, например, гр. Т, являясь генеральным директором Общества «А», уклонился от уплаты налогов с организации путем включения в налоговые декларации заведомо ложных сведений о размерах произведенных обществом «А» расходов, учитываемых при исчислении единого сельскохозяйственного

налога, влияющих на размер налоговой базы, правильное исчисление и уплату указанного налога, уменьшающих сумму доходов за налоговый период в крупном размере, в г. «Н». Судом установлено, что обществом «А» ДД.ММ.ГГГГ уплачены дополнительно начисленные платежи за 2013, 2014 года в полном объеме: по ЕСХН в сумме 19957864 рублей, штраф в сумме 3 991 572 рублей 80 копеек, пени в сумме 4 550 595 рублей 46 копеек. В связи с этим суд постановили освободить «Т» от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в связи с полным возмещением причиненного ущерба¹.

Следует констатировать, что «вред» – более емкое социальное явление по отношению к «ущербу». Этот термин применяется для обозначения всех отрицательных, неблагоприятных последствий преступления, любого умаления блага как материального, так и нематериального порядка. В свою очередь, термин «ущерб» используется для указания на материальные (имущественные, денежные) последствия преступления [9, с. 374].

В научной литературе существует 7 базовых подходов к классификации преступного вреда по различным основаниям: 1) по содержанию: *материальный и нематериальный*; 2) в зависимости от специфики объекта преступления: *имущественный и неимущественный*; 3) по уровню реализации: *реальный и вероятный* [3, с. 52]; 4) в зависимости от роли последствий в составе преступления: *конститутивный и квалифицирующий* [10, с. 181]; 5) по составу объекта преступления: *простой и сложный* [4, с. 52]; 6) с учетом количества пострадавших: *индивидуальный и общий*; 7) в зависимости от возможности полной нейтрализации: *возместимый и невозместимый* [4, с. 68].

Преступный вред дифференцируется по своим качественным и количественным признакам. Качественный признак преступного последствия — это свойство последствия, которое обуславливает его отличие от других явлений и предметов или сходство с ними. Для обозначения существенных качественных признаков употребляется словосочетание «характер вреда». Менее значимые свойства последствия интерпретируются правовой категорией «вид вреда». Характер вреда – это более объемная группа, которая включает несколько его видов, объединенных исходя из их значимых свойств. К примеру: физический вред

¹ Приговор № 1-120/2019 1-120/2020 от 17.04.2020 по делу № 1-120/2019 Петропавловск-Камчатский городской суд (Камчатский край). Сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ. URL <https://sudact.ru/regular/doc/HJqdnFXPD5dH/> (дата обращения 01.11.2020).

может включать в себя несколько его видов (причинение смерти, вред здоровью и т.д.).

Признаки преступных последствий, которые подлежат измерению в числовых или нечисловых показателях, обозначаются терминами «размер вреда», «размер» и «объем ущерба». «Размер ущерба» используется при описании величины имущественного вреда, имеющего денежное выражение, а «объем» в нормах, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности при указании на необходимость полного возмещения ущерба (в том числе недоимки, пени и штрафы).

В зависимости от характера УПК РФ выделяет физический, имущественный, моральный вред и вред деловой репутации юридического лица. Группируя виды вреда по характеру, помимо обозначенных в УПК РФ, исследователи выделяют: информационный, экологический, политический, социальный, комплексный вред [4, с. 67].

Термин «*возмещать*» (возместить) означает *заменить равноценным* (что-нибудь утраченное)¹. Представляется, что объективно заменить чем-то равноценным можно только имущественный вред, т.е. «ущерб». Именно поэтому законодатель в большинстве уголовно-правовых поощрительных норм говорит не о возмещении *вреда*, а о возмещении *ущерба* или ином заглаживании преступного вреда.

Интересным и обоснованным представляется высказывание Е.В. Благова, согласно которому «нынешний заголовок статьи 76.1 УК РФ, по существу, объемлет лишь ее первую часть. В части 2 помимо возмещения ущерба указано также на необходимость перечисления в бюджет выплаты эквивалентной двукратному размеру причиненного ущерба, о котором в названии статьи не упоминается» [11, с. 37].

Специфика модели поощряемого поведения, изложенная в части 2 статьи 76.1 УК РФ, на наш взгляд, обусловлена стремлением законодателя объединить в ней две меры. Одна из них направлена на удовлетворение интересов потерпевшего. Вторая мера нацелена на заглаживание социального вреда, причиненного в результате преступления государству как гаранту правопорядка.

В юридической литературе есть мнение, что освобождение от уголовной ответственности по статье 76.1 УК РФ считается исключением из видов освобождения, предусмотренных Общей частью УК РФ, называется особым видом и приводится отдельно от других [5, с. 15]. Таким образом, подчеркивается особая юридическая природа статьи 76.1 уголовного законодательства, хотя представляется, что это не совсем так. Освобождение от уголовной

ответственности в связи с возмещением ущерба имеет много общего с иными уголовно-правовыми поощрительными нормами главы 11 Уголовного кодекса РФ. Помимо статьи 76.1 к определенным нормам Особенной части УК РФ отсылает и часть 2 статьи 75 Кодекса, но, в отличие от деятельного раскаяния, модель поощряемого поведения виновного закреплена не в примечаниях-компромиссах, а в тексте самой статьи 76.1 Кодекса. Выплата в бюджет в размере двукратной суммы возмещенного ущерба по своей юридической природе напоминает судебный штраф, предусмотренный статьей 76.2 УК РФ. Обе эти меры применяются наряду с возмещением ущерба и поступают в федеральный бюджет. Однако юридическая природа судебного штрафа определена в законе (статья 104.4 УК РФ), чего нельзя сказать о двукратной сумме ущерба, подлежащей выплате в бюджет. Данный факт вызывает недоумение, поскольку законодатель конструирует поощрительную норму (часть 2 статьи), устанавливая для применения меры поощрения определенное требование к виновному лицу, которое носит характер уголовно-правовой санкции, не регламентировал сущность такого требования в законе по аналогии с судебным штрафом. Представляется, что данное обстоятельство свидетельствует о несоблюдении нормотворцем правил юридической техники.

Внесенные в редакцию статьи 76.1 УК РФ изменения не смогли существенно повлиять на эффективность применения данной нормы. На это косвенно указывает исследование судебной статистики. При этом необходимо учитывать и то, что, в отличие от части 1 статьи 75, статей 76 и 76.2 УК РФ, при освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба применение реальной меры поощрения является обязанностью правоприменителя. Причина столь низкого показателя видится в регламентации двукратной размеру возмещения выплаты в федеральный бюджет. Она, на наш взгляд, не соответствует природе уголовно-правового поощрения и приводит к тому, что на практике норма части 2 статьи 76.1 практически не применяется.

Отметим, что по части 2 рассматриваемой нормы в редакции УК РФ от 03.07.2016 размер денежного возмещения, перечисляемого в федеральный бюджет, составлял не двукратную, а пятикратную сумму причиненного ущерба.

Фактический состав основания включает в себя и возмещение ущерба, и двукратный размер ущерба выплаты в федеральный бюджет, т.е. для получения реальной меры поощрения от виновного требуется выполнения обоих действий. При этом юридическая природа этих мер разная. Если добровольное

¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 3 т. М., 2001. С. 201.

возмещение преступного ущерба есть разновидность позитивного посткриминального поведения, то выплата в бюджет, кратная размеру возмещения, по сути, носит характер денежного взыскания. На это обращают внимание и другие исследователи, полагающие, что при конструировании части 2 статьи 76.1 УК РФ нормотворец руководствовался целями, связанными с желанием пополнить федеральный бюджет [6, с. 25]. Однако, на наш взгляд, законодатель не принял во внимание то, что для успешного функционирования нормы необходимо, чтобы она была «выгодна» участникам уголовно-правовых отношений.

Обсуждение и заключения

В примечании к статье 170.2 УК РФ указано, что особо крупным ущербом по части 2, при котором образуется состав данного деяния, признается сумма от 9 миллионов рублей. Максимально строгое наказание в санкции данной статьи – исправительные работы на срок до одного года. В данном случае законодатель ставит виновное лицо перед достаточно неоднозначным выбором: наказание (зачастую в виде штрафа до 500 тысяч рублей) или альтернатива наказанию в виде освобождения от уголовной ответственности, относящиеся к категории нереабилитирующих оснований. Так, за 6 месяцев 2019 года на территории РФ за совершение преступлений, предусмотренных нормами главы 22 УК РФ, было осуждено 3831 человек, при этом наказание в виде лишения свободы назначено в

отношении 433 виновных лиц (11%)¹. Альтернативный вариант предполагает необходимость возмещения преступного ущерба в сумме от 9 миллионов и выплаты его двукратного эквивалента в федеральный бюджет в сумме от 18 миллионов рублей. Очевидно, что в настоящее время лицу, совершившему преступление, предусмотренное нормами Особенной части УК РФ, перечисленными в части 2 статьи 76.1 Кодекса, экономически невыгодно возмещать ущерб и выплачивать денежное возмещение в размере двукратной суммы ущерба. Таким образом, модель поощряемого поведения в данной норме фактически лишена стимулирующего потенциала. В связи с этим, а также учитывая то, что правовая природа выплаты в федеральный бюджет двукратной суммы ущерба, дохода, полученного в результате совершения преступления, или убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, законодателем не определена, что, по сути, не соответствует правилам юридической техники, полагаем, что целесообразно исключить названное требование из части 2 статьи 76.1 уголовного законодательства. В таком виде основание для применения части 2 рассматриваемой нормы будет соответствовать основанию части 1, что позволит объединить их. Если исключить из модели поощряемого поведения виновного требование о выплате в бюджет, содержанию статьи будет соответствовать и ее название «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 544 с.
2. Благов Е.В. Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 161-168.
3. Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. М., 1982. 82 с.
4. Жидков Э.В. Влияние возмещения вреда, причиненного совершением преступления, на освобождение от уголовной ответственности или наказания // Юридическая гносеология. 2017. № 1. С. 70-76.
5. Каримов А.М. Терминологическая коллизия института заглаживания вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 3 (33). С. 370-376.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.
7. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 2007. 336 с.
8. Сабитов Р.А. Учение о последствиях преступлений. М.: Юрлитинформ, 2015. 527 с.
9. Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 37-38.
10. Матвеева Я.М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативного способа урегулирования уголовно-правового конфликта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2016. 27 с.
11. Власенко В.В. «Реинкарнация» ст. 76.1 УК РФ и другие новеллы института освобождения от уголовной ответственности: законодательные погрешности и перспективы применения // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 25-27.

¹ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 6 месяцев 2019 года. Сайт Судебного департамента. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1435> (дата обращения: 03.11.2020).

REFERENCES

1. Golovko L.V. Al'ternativy ugovolnomu presledovaniyu v sovremennom prave. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2002. 544 s.
2. Blagov E.V. Osnovanie osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 7. S. 161-168.
3. Babaev M.M. Social'nye posledstviya prestupnosti. M., 1982. 82 s.
4. ZHidkov E.V. Vliyanie vozmeshcheniya vreda, prichinennogo soversheniem prestupleniya, na osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti ili nakazaniya // YUridicheskaya gnoseologiya. 2017. № 1. S. 70 -76.
5. Karimov A.M. Terminologicheskaya kolliziya instituta zaglazhivaniya vreda, prichinennogo prestupleniem, v rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 3 (33). S. 370-376.
6. Kuznecova N.F. Prestuplenie i prestupnost'. M., 1969. 232 s.
7. Kuznecova N.F. Problemy kvalifikacii prestuplenij / nauch. red. V.N. Kudryavcev. M., 2007. 336 s.
8. Sabitov R.A. Uchenie o posledstviyah prestuplenij. M.: YUrlitinform, 2015. 527 s
9. Blagov E.V. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti v svyazi s vozmeshcheniem ushcherba // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 8. S. 37-38.
10. Matveeva YA.M. Institut osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti v rossijskom ugovolnom prave: modernizaciya i poisk al'ternativnogo sposoba uregulirovaniya ugovolno-pravovogo konflikta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. SPb., 2016. 27 s.
11. Vlasenko V.V. «Reinkarnaciya» st. 76.1 UK RF i drugie novelty instituta osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti: zakonodatel'nye pogreshnosti i perspektivy primeneniya // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 8. S. 25-27.

Сведения об авторе:

Каримов Аделъ Миннурович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России
e-mail: karimov485@mail.ru

© Каримов А.М., 2021

About the author:

Karimov Adel' M., Candidate in Law (Study doctorate), Senior Lecturer of Economics, Financial Law and Information Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: karimov485@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

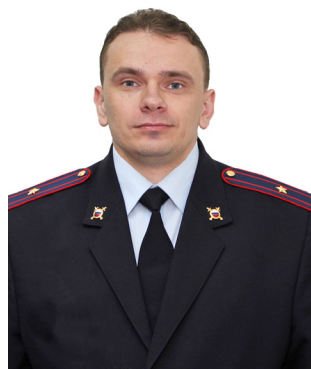
Статья получена: 20.02.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК 343.46

DOI: 10.37973/KUI.2021.57.87.009

А.В. Курсаев

Л.В. Ханахмедова

ПАРАДОКСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ

PARADOXES IN CRIMINAL LIABILITY FOR MEDIATION IN COMMERCIAL BRIBERY

Введение: в статье представлены результаты анализа проблем привлечения к уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составил Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ). Методологической основой послужили диалектико-материалистический метод познания и основанные на нем общенаучные и частные методы исследования (анализ, синтез, логико-юридический, сравнительно-правовой методы).

Результаты исследования: на основе анализа уголовного законодательства и научной литературы сделан вывод о законодательских ошибках конструирования уголовно-правовой нормы об ответственности за посредничество в коммерческом подкупе.

Обсуждение и заключения: в статье приведен комплексный анализ квалификации посредничества в коммерческом подкупе.

Ключевые слова: экономическое уголовное право, коррупционное преступление, коммерческий подкуп, посредничество, соучастие, перерастание преступления.

Для цитирования: Курсаев А.В., Ханахмедова Л.В. Парадоксы уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 336-343. DOI: 10.37973/KUI.2021.57.87.009

Introduction: the article presents the results of the analysis of the challenges in criminal prosecution for mediation in commercial bribery.

Materials and Methods: the regulatory framework of the study was the Criminal Code of the Russian Federation. The methodological basis was the dialectical-materialistic method of cognition and general scientific and special research methods (analysis, synthesis, logical-legal, comparative-legal methods).

Results: based on the analysis of criminal legislation and scientific literature, a conclusion on legislative errors in the construction of a criminal law norm on liability for mediation in commercial bribery was made.

Discussion and Conclusions: the article provides a comprehensive analysis of the qualification of mediation in commercial bribery.

Keywords: economic criminal law, corruption crime, commercial bribery, mediation, complicity, outgrowth of the crime.

For citation: Kursayev A.V., Hanahmedova L.V. Paradoxes in Criminal Liability for Mediation in Commercial Bribery // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 336-343. DOI: 10.37973/KUI.2021.57.87.009

Введение

Статьей 204¹ УК РФ, введенной в УК РФ в 2016 году, предусмотрена уголовная ответственность за посредничество в коммерческом подкупе.

Названный состав преступления вместе с частью 5 статьи 184, устанавливающей ответственность за посредничество в оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, и статьей 291¹ (посредничество во взяточничестве) УК РФ направлен на криминализацию посредничества в коррупционных преступлениях путем выделения специальных составов из общих.

Данные судебной статистики указывают на сравнительно небольшое количество осужденных по статье 204¹ УК РФ. Согласно указанной информации, за период действия статьи 204¹ УК РФ было осуждено: в 2016 году – 3 человека, в 2017 году – 23 человека, в 2018 году – 13 человек, в 2019 году – 13, в 2020 году – 6 человек. Количество же посредников в коммерческом подкупе от общего числа лиц, осужденных за коммерческий подкуп (статья 204 УК РФ), в процентном отношении составляет: в 2016 году – 1,04%, в 2017 году – 8,88%, в 2018 году – 6,22%, в 2019 году – 7,97%, в 2020 году – 4,00%.

Несмотря на увлеченность законодателя юридическим приемом выделения посредничества в самостоятельное уголовно-наказуемое деяние в составах коррупционных преступлений, его практическая значимость минимальна, так как ранее деяние, предусмотренное статьей 204¹ УК РФ, квалифицировалось в качестве соучастия в коммерческом подкупе. Посредничество в коммерческом подкупе в таком понимании представляет собой выделенное в самостоятельный состав преступления соучастие в коммерческом подкупе в роли организатора, подстрекателя или пособника.

В связи с этим юридическая и социальная обусловленность приданию посредничеству в коммерческом подкупе статуса самостоятельного состава преступления весьма сомнительна, а положительные результаты такого законодательного решения неочевидны. Подобный законодательный подход приводит только к «размыванию» института соучастия, закрепленного в Общей части УК РФ, и создает излишние коллизии в квалификации преступлений.

Указанные проблемы в законодательном описании посредничества в коммерческом подкупе, повлекшие существенные сложности в квалификации данного преступления, раскрываются в настоящей статье.

Обзор литературы

Проблемы квалификации посредничества в коммерческом подкупе описывались в работах

И.А. Клепицкого [1], С.Д. Красноусова [2], А.Н. Кугатова [3], П.С. Яни [4] и других авторов.

Указанные работы в основном касались практических вопросов квалификации посредничества в коммерческом подкупе. Однако в названных трудах отсутствует комплексный анализ вопросов проблем квалификации, вызванных решением законодателя о выделении посредничества в коммерческом подкупе из состава коммерческого подкупа, а также перерастания посредничества в коммерческом подкупе в иные преступные деяния.

Затрагиваемые же в литературе [5, с. 361] вопросы о целесообразности криминализации посредничества в коммерческом подкупе были связаны, в первую очередь, с тем, что законодатель, выделив посредничество во взяточничестве в отдельный состав (статья 291¹ УК РФ), по непонятным причинам не сделал этого применительно к коммерческому подкупу, что нарушило единообразие в подходах к правовому регулированию схожих преступлений.

Результаты исследования

Коммерческий подкуп (статья 204 УК РФ) и посредничество в коммерческом подкупе (статья 204¹ УК РФ) в собственном смысле этого слова преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях вряд ли являются. Скорее, они представляют собой необходимое соучастие с данными преступлениями. Поэтому необходимость отдельного выделения такого соучастия требует наличия существенных причин. В рассматриваемом же случае законодатель предусмотрел три такие формы обязательного соучастия (статьи 204, 204¹ и 204² УК РФ), причем необходимость криминализации второй из этих форм в действующей редакции, как будет показано ниже, вызывает существенные вопросы.

Статья 204 УК РФ, устанавливающая ответственность за коммерческий подкуп, не ограничивает величину предмета коммерческого подкупа каким-либо минимальным размером. Такой размер (значительный, крупный или особо крупный) учитывается только в качестве квалифицирующего признака данного состава преступления.

В то же время, исходя из диспозиции статьи 204¹ УК РФ, посредничество в коммерческом подкупе может иметь место только в тех случаях, когда размер предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) является значительным (то есть более 25 тыс. руб.), крупным (более 150 тыс. руб.) или особо крупным (более 1 млн. руб.). Соответственно, возникает вопрос о квалификации посредничества в коммерческом подкупе на сумму

менее 25 тыс. руб. Теоретически возможны два варианта подобной квалификации.

Согласно первому варианту посредничество в коммерческом подкупе является частным случаем соучастия в нем (как правило, в форме пособничества), и в случае если оно не достигло значительного размера, содеянное следует квалифицировать по частям 1, 3, 5 или 7 статьи 204 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ с учетом той роли, которую выполняет виновный. Предлагаемый алгоритм квалификации разделяет, например, профессор Н.Г. Иванов, обосновывающий его тем, что недостижение пределов значительного размера коммерческого подкупа не может исключать соучастия в нем [6, с. 46].

Аналогичного мнения придерживается и И.А. Клепицкий, который также считает данный вариант более предпочтительным исходя из буквы закона (часть 4 статьи 34 УК РФ) и здравого смысла [1, с. 872].

Второй вариант исключает квалификацию как преступления посредничества в коммерческом подкупе, если размер подкупа составляет менее 25 тыс. руб. Соответственно, уголовная ответственность за соучастие в коммерческом подкупе, не достигшем значительного размера, в роли организатора, подстрекателя или пособника не наступает ввиду декриминализации этого деяния [4, с. 25].

Данное мнение, несмотря на его первоначально кажущуюся абсурдность, при более внимательном рассмотрении позволяет прийти к выводу, что оно полностью соответствует юридической технике построения уголовного закона и разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации по его применению.

Действительно, если законодатель в статье 204¹ УК РФ предусмотрел самостоятельный состав преступления, устанавливающий ответственность за посредничество в коммерческом подкупе, и закрепил в Особенной части соучастие особого рода, все случаи такого соучастия должны квалифицироваться именно по данной статье.

По такому пути пошла и судебная практика. Первоначально Верховный Суд Российской Федерации еще в 2016 году в ответе на вопрос 2.4, размещенном в подготовленных высшей судебной инстанцией ответах на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) и утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской

Федерации 28 сентября 2016 года, разъяснил, что уголовная ответственность установлена за посредничество в коммерческом подкупе, только если сумма предмета подкупа является значительной и при его отсутствии соответствующее лицо не может нести ответственность как за мелкий коммерческий подкуп (статья 204² УК РФ).

Затем данное разъяснение было по существу повторено в пункте 13³ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. постановления Пленума от 24 декабря 2019 г. № 59) (далее – постановление Пленума № 24), исходя из которого при сумме коммерческого подкупа менее 25 тыс. руб. лицо не может нести ответственность как соучастник в коммерческом подкупе либо мелком коммерческом подкупе со ссылкой на статью 33 УК РФ.

Таким образом, данный спорный вопрос на правоприменительном уровне разрешен. Однако подобный подход создает ситуацию, при которой уголовную ответственность за коммерческий подкуп на сумму менее 25 тыс. руб. несет только непосредственный исполнитель такого преступления. Лицо же, осуществляющее посреднические функции в данном преступлении, к уголовной ответственности привлекаться не будет, что существенным образом умаляет принцип равенства. Фактически статья 204¹ УК РФ стала правовым основанием для освобождения данных лиц от уголовной ответственности, при том что все иные элементы состава преступления (включая прямой умысел на совершение коррупционного преступления) имеют место быть.

Кроме того, следует учитывать, что Верховный Суд Российской Федерации существенно скорректировал понимание института посредничества при конструировании состава преступления.

В частности, УК РСФСР 1960 года предусматривал самостоятельную статью 174¹ «Посредничество во взяточничестве». Главное отличие посредничества во взяточничестве от соучастия в нем состояло в природе совершаемых действий и направленности умысла. В частности, при передаче предмета взятки посредник действует не по своему желанию, а в интересах и только по поручению взяткодателя либо взяткополучателя. Инициатива совершения действия в виде дачи – получения взятки принадлежит не посреднику, а тем, кто дает взятку посреднику или получает ее через посредника. Все же иные (кроме непосредственной передачи предмета взятки) формы способствования даче или получению взятки в советском уголовном законодательстве рассматривались как соучастие во взяточниче-

стве и квалифицировались не как посредничество, а как дача либо получение взятки [7, с. 371].

Исходя из этого, субъективная сторона статьи 174¹ УК РСФСР 1960 года состоит в том, что посредник содействовал взяткодателю и взяткополучателю осуществить уже возникший у них умысел на совершение коррупционного преступления. В этом состоит отличие посредника от подстрекателя или организатора, которые своими действиями способствовали формированию умысла и могли предпринимать определенные меры по его осуществлению. Если же соучастник дачи – получения взятки (организатор, подстрекатель либо пособник) одновременно выполняли функции посредника, передающего предмет взятки, дополнительная квалификация их действий по статье 174¹ УК РСФСР не требовалась. В том случае, если посредник во взяточничестве не только передавал предмет взятки, но и вступал в сговор с взяткополучателем относительно действий, которые необходимо было совершить за принимаемую взятку, его действия расценивались как соучастие во взяточничестве, так как они утрачивали черты посредничества.

Таким образом, в советском уголовном праве посредничество образовывали действия лишь по непосредственной передаче предмета взятки по поручению взяткодателя, если виновный знал о характере возложенного на него поручения. На основании такого понимания посредничества его выделение в самостоятельный состав во взяточничестве имело определенную логику.

Однако вопрос о посредничестве на примере коммерческого подкупа разрешен в действующем уголовном законе несколько по-иному.

Посредничеством в коммерческом подкупе признается теперь не только непосредственная передача денег и других ценностей, но и иное содействие в достижении или реализации соглашения о получении и даче предмета коммерческого подкупа между сторонами подкупа (например, организация их встречи, ведение переговоров с ними) (пункт 13² постановления Пленума № 24).

Широкое понимание общего понятия посредничества в преступлении обосновывается и в трудах современных ученых-криминалистов. Так, А.Н. Кугатов определяет посредничество в совершении преступления как передачу предмета, орудия, средств совершения преступления или информации по поручению лица, участвующего в совершении преступления, другому соучастнику, а равно третьему лицу, *иное содействие в достижении и реализации преступного сговора, выражающееся в обеспечении установления и осуществления контактов между лицами, участвующими в совершении преступления, а равно в представлении*

интересов последних в отношениях с третьими лицами» [3, с. 8] (*курсивами* – А.К.). Конечно же, указанный автор в целях ограничения посредничества в преступлении от организационной деятельности – соучастия выделяет среди признаков посредничества трансляционность, характеризующуюся функцией передачи, связи между заинтересованными лицами [3, с. 8]. Однако при такой широкой дефиниции определить, на какой стадии посредничество перерастает в организацию преступления, вряд ли возможно.

В связи с этим посредничество может охватывать функции не только пособника, но и организатора и подстрекателя. Такого же мнения придерживается и А.И. Ситникова. По ее мнению, посредник действует более масштабно, чем пособник [8, с. 191]. Такая ситуация, безусловно, размывает границы между посредничеством в коммерческом подкупе и соучастием в нем.

Поэтому, по нашему мнению, посредничество следует ограничивать от соучастия в коммерческом подкупе тем, что посредник, передавая предмет подкупа, действует по поручению и в интересах одной из сторон подкупа (той, кто ее передает или получает). Соответственно, иные деяния, не связанные с непосредственной передачей предмета подкупа формы содействия даче или получению предмета подкупа, должны квалифицироваться по статьям 204 и 204² УК РФ.

В то же время возможна ситуация, когда действия виновного не связаны со содействием в достижении и реализации соглашения о предмете коммерческого подкупа, а характеризуются явно организационными функциями. Такая квалификация допускается статьей 204 УК РФ, закрепившей в пункте «а» части 3 и в пункте «а» части 7 квалифицирующий признак в виде совершения коммерческого подкупа в составе организованной группы.

Соответственно, лицо, являющееся организатором коммерческого подкупа на сумму менее 25 тыс. руб., будет нести ответственность по статье 204 УК РФ, а лицо, функции которого заключались в посредничестве в коммерческом подкупе, будет освобождено от уголовной ответственности в силу непереступности данного деяния. Между тем соучастие в любом преступлении характеризуется в первую очередь наличием общности объективных (количественного – множественности участников и качественного – совместности их деятельности) и субъективных (совместность умысла и направленность именно на совершение умышленного преступления) признаков, а не размером предмета преступления.

Посредник является связующим звеном между его участниками, которые и договариваются о самом

факте коммерческого подкупа, и сам не всегда знает об истинном размере предмета подкупа. Поэтому факт наказуемости посредничества в коммерческом подкупе не может определяться размером предмета подкупа, зависит от того, превышает он или нет сумму в 25 тыс. руб.

Наше суждение в ошибочности ограничения посредничества в коммерческом подкупе в зависимости от размера денежной суммы подкрепляется и возможными проблемами в квалификации обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе (часть 4 статьи 204¹ УК РФ). Особенностью названного деяния является то, что в отношении него законом не установлен минимальный размер предмета подкупа. Соответственно, обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе на сумму менее 25 тыс. руб. является наказуемым и влечет уголовную ответственность. Данное преступление является ничем иным, как предусмотренным законодателем частным случаем приготовления к посредничеству в коммерческом подкупе, чем и объясняется помещению данного состава в статье 204¹ УК РФ. При этом рассматриваемое деяние, исходя из анализа санкций, наказывается строже основного состава коммерческого подкупа, однако мягче его квалифицированных составов.

Теоретически возможна ситуация так называемого перерастания данного преступления в виде обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе на сумму менее 25 тыс. руб. собственно в состоявшийся акт посредничества в коммерческом подкупе на такую сумму. Однако перерастание преступления в теории уголовного права характеризуется тем, что задуманное виновным деяние в процессе его совершения приобретает признаки преступления, юридически отличного от того, которое планировалось совершить [9, с. 888]. Содеянное квалифицируется как одно преступление, а не как их совокупность. В рассматриваемом же случае происходит перерастание преступления в непроступное деяние.

Обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе может повлечь наиболее суровое наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет и на основании закрепленного в статье 15 УК РФ деления преступлений на категории является преступлением средней тяжести.

Если посредник выполняет объективную сторону преступления и присутствует свершившийся факт посредничества в коммерческом подкупе на сумму менее 25 тыс. руб., деяние становится ненаказуемым. Если же деяние связано с обещанием или посредничеством в коммерческом подкупе в значительном размере, его завершение

влечет более мягкое наказание (максимальное наказание по части 1 статьи 204¹ УК РФ – лишение свободы до двух лет, что позволяет отнести деяние к преступлениям небольшой тяжести).

Фактически такая законодательная конструкция посредничества в коммерческом подкупе с учетом обещания или предложения посредничества как форм данного деяния в определенном смысле стимулирует «добросовестное» исполнение обещания по посредничеству в коммерческом подкупе, способствует перерастанию приготовления в окончательное преступление. Дополнительной сложности названной проблеме придает и то, что ложное обещание в посредничестве в коммерческом подкупе, исходя из разъяснений, данных в пункте 13⁵ постановления Пленума № 24, образует не приготовление к посредничеству в коммерческом подкупе (ненаказуемое), а состав мошенничества.

В данном случае следует констатировать невнимательность законодателя по приведению национального законодательства в соответствие с ратифицированным Российской Федерацией международным договором.

В частности, статьи 7 и 8 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 года и ратифицирована Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ) предписывают устанавливать уголовную ответственность за предложение или обещание подкупа в частной сфере, а не за посредничество в нем.

В связи с существенным расширением границ понимания посредничества в коммерческом подкупе за счет включения в него некоторых организационных функций имеются проблемы, связанные с пенализацией данного деяния. Анализ санкций коммерческого подкупа и посредничества в коммерческом подкупе позволяет прийти к выводу, что посредничество влечет более мягкое наказание.

Если исходить из понимания посредничества как пособничества в коммерческом подкупе, то такое решение является справедливым. Теория уголовного права и уголовный закон традиционно исходят из меньшей общественной опасности роли пособника в соучастии. Это следует, в частности, и из части 4 статьи 31 УК РФ, закрепившей, что пособник не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления, в то время как организатор и подстрекатель не подлежат уголовной ответственности только в том случае, если они предотвратили доведение преступления исполнителем до конца.

Ф.Г. Бурчак писал, что «по своей объективной роли в преступлении... пособник, за редким исключением, всегда менее опасная фигура чем другие

соучастники. ...Инициатива совершения преступления принадлежит не ему, он не руководит преступной деятельностью других лиц, не выполняет объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьями Особенной части. Пособник лишь содействует исполнителю преступления в осуществлении его преступного намерения, не выполняя при этом действий, входящих в объективную сторону состава преступления исполнителя» [10, с. 169]. Также считал и П.Ф. Тельнов: «По общему правилу, пособнику принадлежит второстепенная роль в совместном преступлении. Действия его носят вспомогательный характер, менее активны, нежели деяния других соучастников, и воплощают замысел другого лица» [11, с. 95]. В наше время С.И. Никулин указывает на то, что сравнительно менее высокая степень опасности действий пособника определяется тем, что он не принимает непосредственного участия в совершении преступления и не создает у исполнителя решимости совершить преступление (она у него уже имеется) [12, с. 179].

Однако включение в конструкцию посредничества в коммерческом подкупе элементов организационной деятельности существенно нарушило баланс между посредничеством и наказанием за него.

Организатор преступления, по мысли В.С. Комисарова, является самой опасной фигурой среди соучастников, так как организатор является тем иницирующим фактором, с которого начинается подготовка преступления [13, с. 408]. Схожие причины выделения организатора в качестве наиболее опасного (наряду с исполнителем) среди соучастников лица отмечает и С.И. Никулин: организатор выступает инициатором преступной деятельности, возбуждает желание участвовать в ней исполнителя, обеспечивает слаженность действий всех участвующих в преступлении лиц [12, с. 163].

В связи с этим установление за посредничество в коммерческом подкупе в форме осуществления организационных функций более мягкого наказания, чем в статье 204 УК РФ, вряд ли может быть оправданным и соответствовать критериям индивидуализации и дифференциации уголовного закона и наказания.

Вызывает непонимание и позиция законодателя, согласно которой посредничество в коммерческом подкупе выделено в отдельную статью, а посредничество в мелком коммерческом подкупе (статья 204² УК РФ) – нет. Логика законодателя в таком дифференцированном подходе не совсем понятна. Аналогичное по своему содержанию замечание относится и к посредничеству во взяточничестве (статья 291¹ УК РФ) и мелкому взяточничеству (статья 291² УК РФ).

Таким образом, введение отдельного состава за посредничество в коммерческом подкупе привело не к усилению, а наоборот, ослаблению борьбы с коррупционными преступлениями и создало только дополнительную путаницу. В связи с этим, по нашему мнению, наступление уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе только в случае значительного, крупного и особо крупного размера подкупа должно быть исключено. Аналогичное замечание относится и к составу посредничества во взяточничестве (статья 291¹ УК РФ). Корректность данного замечания следует и из анализа ранее действовавшей статьи 174¹ (Посредничество во взяточничестве) УК РСФСР 1960 года, которая не содержала указания на минимальный размер взятки.

Обсуждение и заключения

Обобщив рассмотренные выше положения об ошибках в законодательной регламентации уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе, можно сделать следующие выводы:

– во-первых, посредничество в коммерческом подкупе в действующей редакции уголовного закона включает в себя и действия, направленные на возникновение между исполнителями умысла на совершение коррупционного преступления. Поэтому такой посредник приобретает черты подстрекателя либо организатора;

– во-вторых, ошибки в конструировании анализируемого состава преступления привели к тому, что в случае перерастания обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе в оконченный состав коммерческого подкупа на сумму менее 25 тыс. руб. лицо, выполняющее посреднические функции, будет освобождено от уголовной ответственности, что будет грубым нарушением общеправового принципа справедливости;

– в-третьих, законодателем несоотнесены между собой санкции статей за коммерческий подкуп и посредничество в коммерческом подкупе, что не способствует индивидуализации наказания.

Вышеприведенные проблемы законодательного описания состава посредничества в коммерческом подкупе свидетельствуют, что активно используемая в последнее время российским законодателем практика создания в уголовном законе новых составов преступлений путем выделения их из общих составов не только может не способствовать целям борьбы с преступностью, но и, наоборот, в силу несовершенства юридической техники их конструирования создает дополнительные практические проблемы в квалификации данных деяний и ограничении между собой общих и выделенных из них специальных уголовно-правовых норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право. М.: Проспект, 2021. 1324 с.
2. Красноусов С.Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе (понятие и противодействие). М.: Проспект, 2020. 160 с.
3. Кугатов А.Н. Посредничество в совершении преступлений: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук. М. 2015. 25 с.
4. Яни П.С. Взятничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда // Законность. 2017. № 12. С. 33–38.
5. Рарог А.И. Избранное: сборник статей. М.: Проспект, 2021. 504 с.
6. Иванов Н.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года № 59 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: критические размышления ученого-криминолога // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 43–48.
7. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М.: Юридическая литература, 1984. 528 с.
8. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Том IX. Соучастие в преступлении / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 525 с.
9. Щепельков В.Ф. Перерастание преступления // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 888–898.
10. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Отв. ред. И.П. Лановенко. Киев: Наук. думка, 1969. 216 с.
11. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юридическая литература, 1974. 208 с.
12. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. 564 с.
13. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. 611 с.

REFERENCES

1. Klepickij I.A. Novoe ekonomicheskoe ugovolnoe pravo. M.: Prospekt, 2021. 1324 s.
2. Krasnousov S.D. Kommercheskij podkup kak forma korrupcii v chastnom sektore (ponyatie i protivodejstvie). M.: Prospekt, 2020. 160 s.
3. Kugatov A.N. Posrednichestvo v sovershenii prestuplenij: ugovolno-pravovye aspekty: avtoref. dis. kand. jurid. nauk. M. 2015. 25 s.
4. YAni P.S. Vzyatochnichestvo: spory o sodержanii novell ugovolnogo zakona i pozicii Verhovnogo Suda // Zakonnost'. 2017. № 12. S. 33–38.
5. Rarog A.I. Izbrannoe: sbornik statej. M.: Prospekt, 2021. 504 s.
6. Ivanov N.G. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 dekabrya 2019 goda № 59 «O vnesenii izmenenij v Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 9 iyulya 2013 goda № 24 «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestupleniyah»: kriticheskie razmyshleniya uchenogo-kriminologa // Ugovolnoe sudoproizvodstvo. 2020. № 2. S. 43–48.
7. Kommentarij k Ugovolnomu kodeksu RSFSR / pod red. YU.D. Severina. M.: YUridicheskaya literatura, 1984. 528 s.
8. Ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskij kurs. Tom IX. Souchastie v prestuplenii / pod red. N.A. Lopashenko. M.: YUrlitinform, 2016. 525 s.
9. SHCHepel'kov V.F. Pererastanie prestupleniya // Rossijskij ezhegodnik ugovolnogo prava. 2007. № 2. S. 888–898.
10. Burchak F.G. Uchenie o souchastii po sovetскому ugovolnomu pravu / Otv. red. I.P. Lanovenko. Kiev: Nauk. dumka, 1969. 216 s.
11. Tel'nov P.F. Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii. M.: YUridicheskaya literatura, 1974. 208 s.
12. Enciklopediya ugovolnogo prava. T. 6. Souchastie. SPb.: Izd. professora Malinina, 2007. 564 s.
13. Kurs ugovolnogo prava. Obshchaya chast'. Tom 1: uchenie o prestuplenii / Pod red. N.F. Kuznecovoj i I.M. Tyazhkovoj. M.: Zercalo, 2002. 611 s.

Сведения об авторах:

Курсаев Александр Викторович, кандидат юридических наук, главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России
e-mail: kursaev@list.ru

Ханахмедова Людмила Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: milars-19@mail.ru

© Курсаев А.В., Ханахмедова Л.В., 2021

About the authors:

Kursaev Alexandr V., Candidate of Law (Research doctorate), Chief Expert of Department of Treaty and Law of MIA of Russia
e-mail: kursaev@list.ru

Hanahmedova Ludmila V., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor of the Chair of State and Civil Legal Disciplines of Moscow University of MIA of Russia Named after V.Y. Kikot
e-mail: milars-19@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Курсаев Александр Викторович – инициация исследования; формирование общей идеи исследования, теоретических выводов и практических рекомендаций; сбор и анализ эмпирического и научного материала. **Ханахмедова Людмила Викторовна** – постановка цели и задач исследования, определение объекта и методов, анализ результатов и выводов исследования, их уточнение и дополнение, научная редакция текста

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 25.08.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

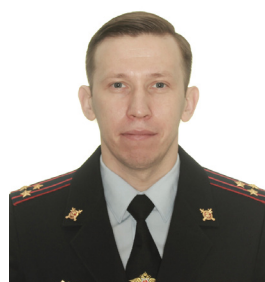
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК 343

DOI: 10.37973/KUI.2021.66.37.010

В.Д. Ларичев

А.Н. Панкратьев

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛЮЧЕЙ
УСИЛЕННОЙ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ**

**KEYS OF ENHANCED QUALIFIED ELECTRONIC DIGITAL SIGNATURE:
DEVELOPMENT ISSUE OF CRIMINAL LEGISLATION**

Введение: в статье рассматриваются проблемные вопросы в сфере оборота усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи, связанные с ее криминальным использованием.

Материалы и методы: методологическую основу настоящей статьи составил всеобщий диалектический метод познания особенностей, специфики применения усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи. Были применены общенаучные методы познания: историко-правовой метод, обобщение, сравнение и частнонаучные методы познания, представленные анализом данных уголовной статистики, изучением арбитражной практики.

Результаты исследования: проведен анализ проблемных вопросов, встречающихся при получении и использовании ключей усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи. Сформулирован ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Обсуждение и заключения: в ходе исследования сформулирован вывод, что действующее законодательство в сфере электронной цифровой подписи содержит целый ряд противоречивых норм, создающих условия для злоупотребления должностными полномочиями в указанной сфере со стороны работников удостоверяющих центров. В связи с этим обоснована авторская позиция о формулировании отдельной уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за указанные нарушения.

Ключевые слова: цифровые технологии, усиленная квалифицированная электронная цифровая подпись, аккредитованный удостоверяющий центр, доверенные лица, агентский договор на предоставление услуг, орудие совершения преступления

Для цитирования: Ларичев В.Д., Панкратьев А.Н. Проблемы развития уголовного законодательства в сфере использования ключей усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 344-350. DOI: 10.37973/KUI.2021.66.37.010

Introduction: the article deals with problematic issues on circulation and the use of an enhanced qualified digital signature through the prism of crime.

Materials and Methods: the specifics to enhanced qualified electronic digital signature became the methodological basis of this article. General scientific methods of cognition: the historical and legal method, generalization, comparison and special scientific methods of cognition, presented by the data of criminal statistics, the study of arbitration practice were applied.

Results: the author carried out the analysis of problematic issues in obtaining and using keys of an enhanced qualified digital signature, formulated a number of proposals for improving the criminal legislation.

Discussion and Conclusions: in the course of the study, the author concluded that the current legislation in electronic signatures contains a number of contradictory norms that create conditions for violation of law in this area by employees of certification centers. In this regard, the author's position on the formulation of a separate criminal law norm establishing responsibility for these violations has been substantiated.

Keywords: digital technologies, enhanced qualified electronic digital signature, accredited certification center, proxies, agency agreement for the provision of services, instrument of crime

For citation: Larichev V.D., Pankratjev A.N. Keys of Enhanced Qualified Electronic Digital Signature: Development Issue of Criminal Legislation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 344-350. DOI: 10.37973/KUI.2021.66.37.010

Введение

Жизнь современного человека тесно связана с информационными технологиями, которые значительно облегчают совершение юридически значимых действий. К таким технологиям относится использование усиленной электронной цифровой подписи¹ (далее – УЭЦП). Однако информационные технологии несут различные риски и угрозы. В частности, в последнее время значительное распространение получили преступления, совершаемые с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, что требует адекватного уголовно-правового реагирования.

В соответствии с Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» на удостоверяющий центр возложены обязанности соблюдения порядка выдачи (вручения) квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи (далее – квалифицированный сертификат), который обязан проводить идентификацию заявителя при его личном присутствии либо безеголичного присутствия². Он также вправе наделить третьих лиц (далее – доверенные лица) полномочиями по приему заявлений на выдачу и вручение сертификатов ключей проверки электронной подписи, от имени этого удостоверяющего центра, идентифицировав при этом заявителя³.

Законом установлены требования к порядку аккредитации и деятельности удостоверяющих центров, в том числе предусматривается высокий порог собственного капитала, высокий порог страховой ответственности деятельности, оговорен порядок проверки их деятельности. При этом какие-либо требования к доверенным лицам отсутствуют, что порождает различные злоупотребления.

Обзор литературы

Гражданско-правовые аспекты электронного документооборота, применение электронной подписи при совершении юридически значимых действий исследовали в своих работах М.П. Бобылева [1], А.А. Кирилловых [2], Е.А. Шелепина [3] и др.

В настоящее время сложилась достаточно широкая судебная практика, связанная с преступным использованием усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи, что не осталось без внимания таких ученых-специалистов, как Ю.А. Бондаренко [4], А.И. Жуланова [5], З.Д. Рожавский [6] и др.

Проведенный анализ этих публикаций свидетельствует, что электронная цифровая подпись (ЭЦП) в них рассматривается, как правило, в качестве орудия совершения преступления, то есть как материальный предмет, который использован виновным лицом для воздействия на объект уголовно-правовой охраны, незаконное получение и использование ЭЦП квалифицируется как прием совершения иного преступления⁴ либо как способ сокрытия следов совершения преступления⁵. С этой целью злоумышленники регистрируют электронную подпись в налоговых органах на подставное лицо и затем получают в банках электронные ключи, банковские карты с ПИН-кодами, электронные носители информации системы «Банк-Клиент», которые передают лицу, создавшему такую юридическую фирму. Этими средствами злоумышленник пользуется в дальнейшем от имени подставного лица. С использованием этой схемы совершаются различные виды преступлений, квалифицируемых по ст. 159, 172, 173.1, 173.2, 187, 193, 193.1, ч. 2 ст. 226.1, 327, 171.2, 176, 322.1. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Преступления, совершаемые с использованием УЭЦП, достаточно разнообразны. Их можно классифицировать на несколько групп:

- преступления против собственности;
- преступления в сфере экономической деятельности;
- иные преступления.

Между тем необходимо отметить, что процессуальным результатом указанных деяний явились уголовные дела, возбужденные по ст. 173.1 и другим статьям УК РФ, из чего можно сделать выводы, что

¹ Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.02.2021 № 20-ФЗ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Далее - ФЗ № 63-ФЗ, ФЗ «Об электронной подписи».

² Подробнее см. п. 1 ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

³ Подробнее см. ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

⁴ Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 10.10.2018 по делу №1-287/2018 о совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.199, ч.1 ст.327; ч.3 ст. 327 УК РФ.

⁵ Приговор Ленинского районного суда города Смоленска от 19.09.2018 по делу №1-109/2018 о совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210, п. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 187, п. «б» ч. 2 ст. 173.1, ст. 324, ч. 3 ст. 327 УК РФ.

непосредственно незаконная деятельность удостоверяющих центров процессуальной оценки не получила.

Материалы и методы

К материалам исследования относятся нормативные правовые акты, регламентирующие применение УЭЦП. Методологическую основу исследования составляют всеобщий диалектический метод познания особенностей, специфики применения усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи. Были применены общенаучные методы познания: историко-правовой метод, обобщение, сравнение и частнонаучные методы познания, представленные анализом данных уголовной статистики, изучением арбитражной практики¹.

Результаты исследования

Несмотря на то, что действия злоумышленников квалифицируются по различным статьям УК РФ, даже при установлении факта изготовления и использования подложной ЭЦП такие действия квалифицируются не как подделка квалифицированного сертификата, а как изготовление с помощью ЭЦП подложного документа².

В указанном выше Федеральном законе отмечается, что за неисполнение обязанностей аккредитованный удостоверяющий центр (работник аккредитованного удостоверяющего центра, доверенные лица и их работники) несут гражданско-правовую, административную и (или) уголовную ответственность³. Однако указанная норма носит, по сути, декларативный характер.

Учитывая значительное распространение преступлений, совершаемых с использованием УЭЦП, в 2018 году Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации выступало с инициативой законопроекта, согласно которому за подделку электронных цифровых подписей вводилась уголовная ответственность⁴. Предлагалось установить уголовную ответственность за умышленное нарушение обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации в области электронной подписи (ст. 200.6 УК РФ). Указанный законопроект принят не был, поэтому к настоящему времени отсутствует специальная норма уголовного права,

обеспечивающая уголовно-правовую защиты правоотношений в рассматриваемой сфере.

В 2020–2021 гг. в СМИ достаточно широко освещались мероприятия, проводимые налоговыми органами и полицией по противодействию лицам, задействованным в незаконном обороте ключей электронных подписей. Как указано в открытых источниках, количество выданных недостоверных ключей в этих случаях исчислялось тысячами⁵.

В условиях отсутствия реального наказания за нарушения порядка выдачи электронных подписей можно констатировать формирование целого рынка нелегальных услуг в этой сфере. Сеть Интернет переполнена предложениями подобного содержания. УЭЦП в этих случаях выдаются «анонимными» или подставными организациями, все общение с которыми происходит дистанционно через сеть Интернет. Никакие требования по личному присутствию заявителя либо его идентификации не исполняются. Вся передача документов осуществляется через Интернет, выдача ключа подписи и сертификата осуществляется путем направления файла по электронной почте или передается на USB-носителе через курьера. Однако при этом УЭЦП и квалифицированный сертификат являются действующими и выданы реально существующим удостоверяющим центром. Подобным образом возможно получение электронной подписи не только на чужие персональные данные, но и на вымышленного человека.

Схема противоправной деятельности выглядит следующим образом. Пользуясь неопределенным статусом доверенных лиц, предусмотренных частью 4 статьи 13 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», недобросовестные удостоверяющие центры создают сеть посредников, с которыми заключают агентские договоры на предоставление услуг по подысканию и идентификации заявителей. В реальности указанные «агенты» нередко сами являются организациями, созданными на подставных лиц, не имеют офисных помещений и штата работников, изначально предполагается, что никаких реальных действий по идентификации они осуществлять не будут. Основной задачей «агентов» является подыскание клиентов, готовых заплатить повышенную

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России формы 1Э «Сводный отчет по России о преступлениях экономической направленности и лицах, их совершивших»; Ф. 495 Кн.102 «Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации»; Ф. 491. Кн. 5 «Сводный отчет по России. Единый отчет о преступности» за 2017-2020 гг.

² Постановление Феодосийского городского суда Республики Крым от 17.01.2019 по делу № 1-29/2019.

³ Подробнее см. ч. 7 ст. 15 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

⁴ Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием регулирования в сфере электронной подписи» (ID проекта 02/04/09-18/00083642 подготовлен Минкомсвязью России 04.09.2018) // электронный ресурс <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2021).

⁵ Электронные ресурсы: <https://www.kommersant.ru/doc/4773467?query=эцп>, <https://pravdaurfo.ru/articles/199634-v-ekaterinburge-vskryli-centr-mahinaciy-s-ecp>, <https://77.мвд.пф/ news/item/23980031> (дата обращения: 11.05.2021).

цену за выдачу УЭЦП в обход установленных процедур. Нередко «агенты» сами являются оптовым заказчиком ключей электронных подписей, которые впоследствии используют для регистрации фирм-однодневок и создания схем по уклонению от уплаты налогов.

Лица, нуждающиеся в получении ключа подписи («клиент»), обращаются к «агенту» и передают по средствам электронной почты ему паспортные данные и копии документов заявителя – лица, на чье имя должна быть оформлена УЭЦП.

«Агент» направляет в удостоверяющий центр заявку на выдачу квалифицированного сертификата на имя заявителя, формально сообщая удостоверяющему центру о проведенной идентификации заявителя.

Удостоверяющий центр без фактической явки заявителя в центр создает ключ электронной подписи, ключ проверки электронной подписи, квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи, направляя их «агенту» по электронной почте.

«Агент» передает файлы «клиенту» по электронной почте и получает от него оплату.

В случае установления незаконной выдачи квалифицированного сертификата удостоверяющий центр ссылается на то, что непосредственно с заявителем никаких контактов не имел, идентификацию производил «агент», в наличии у удостоверяющего центра есть весь комплект документов, формально соответствующих закону. Ссылаясь на обман со стороны «агента», удостоверяющий центр снимает с себя любую ответственность и продолжает деятельность. Самого «агента» и его работников в силу изначальной фиктивности, как правило, установить к этому времени не удается.

Незаконные действия удостоверяющих центров по выдаче сертификатов и ключей электронных подписей без ведома заявителя неоднократно являлись предметом рассмотрения арбитражных судов¹, однако единственным результатом таких разбирательств является признание недействительным конкретного ЭЦП и квалифицированного сертификата без санкций в отношении удостоверяющего центра.

С учетом изложенного представляется допустимым сделать вывод, что действующее законодательство в сфере УЭЦП содержит целый ряд условий, создающих условия для злоупотреблений в указанной сфере со стороны работников удостоверяющих центров.

Обсуждение и заключения

Подводя итоги изложенному, отметим, что относительная простота и доступность незаконного приобретения и использование УЭЦП способствуют росту целого ряда экономических преступлений, что сформировало противоправную инфраструктуру, ориентированную на его удовлетворение.

Решение указанной проблемы не представляется возможным без создания отдельной уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за указанные нарушения.

В 2021 году МВД России выступило с инициативой ввести уголовную ответственность за неправомерные действия с усиленной электронной подписью².

В соответствии с законопроектом предлагается ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 327.3 «Неправомерные действия в отношении усиленной электронной подписи».

При этом первая часть статьи криминализирует выдачу работником аккредитованного удостоверяющего центра сертификата ключа проверки квалифицированной электронной подписи, заведомо содержащего недостоверную информацию о его владельце, а равно выдачу работником аккредитованного удостоверяющего центра сертификата ключа проверки квалифицированной электронной подписи лицу, заведомо не имеющему права на его получение.

Вторая часть устанавливает ответственность за неправомерное завладение ключом усиленной электронной подписи или сертификатом ключа проверки усиленной электронной подписи, совершенное из корыстной заинтересованности.

В качестве предмета совершения преступления, предусмотренного частью первой проекта статьи, предлагается рассматривать исключительно сертификат ключа проверки квалифицированной электронной подписи. При этом во второй части также указывается ключ усиленной электронной подписи.

По нашему мнению, к предмету преступления более правильно отнести не только сертификат ключа проверки электронной подписи, но и ключ электронной подписи и ключ проверки электронной подписи. Поскольку именно их совокупность позволяет совершать действия, связанные с использованием электронной подписи.

Дискуссионной представляется формулировка «выдача сертификата ключа проверки квалифицированной электронной подписи, заведомо

¹ Решение Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 17.07.2020 по делу № 2-2188/2020; решение Арбитражного суда Свердловской области от 24.03.2021 по делу № А60-64958/2020; решение Арбитражного суда Свердловской области от 05.04.2021 № А60-61/2021.

² Электронный ресурс РБК // https://www.rbc.ru/technology_and_media/18/05/2021/60a3e8759a7947e88055018b?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 11.05.2021).

содержащего недостоверную информацию о его владельце».

Содержание сведений, подлежащих отражению в сертификате, и его форма регламентированы федеральным законодательством и ведомственными нормативными актами¹. Сведения о владельце сертификата по своей сути являются персональными данными лица, от имени которого ставится подпись. При незаконных манипуляциях не выполняются либо обходятся процедуры идентификации заявителя, при этом сведения о владельце сертификата с формальной точки зрения не будут содержать ложные сведения. Однако будут незаконно использованы персональные данные владельца сертификата.

Применительно к предлагаемому способу совершения преступления необходимо отметить, что общественную опасность представляет в первую очередь неправомерное создание сертификата и ключей.

При этом следует учитывать, что законом предусмотрены несколько способов их создания². В первом случае заявитель создает ключ электронной подписи и ключ проверки электронной подписи в соответствии с правилами пользования средствами криптографической защиты информации, согласованными с Федеральной службой безопасности Российской Федерации³. Во втором случае в соответствии с теми же правилами удостоверяющий центр создает ключ электронной подписи и ключ проверки электронной подписи для заявителя.

В следующую группу противоправных действий необходимо выделить незаконное приобретение, сбыт и использование ключа электронной подписи, ключа проверки электронной подписи, сертификата ключа проверки электронной подписи.

Признаком противоправности указанных действий должно быть прямое нарушение запретов и невыполнение обязанностей, установленных Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». При этом предлагается установить корыстный мотив в качестве обязательного признака подобных действий.

При такой диспозиции нормы к лицам, подпадающим по действие нормы, будут относиться,

в первую очередь, участники указанных выше схем незаконного оборота УЭЦП, которые имеют целью извлечение незаконного дохода.

При этом от необоснованного уголовного преследования должны быть защищены лица, передавшие УЭЦП иному лицу без противоправных целей. Например, использование ключа подписи директора лицом, официально не устроенным в штат организации, но фактически выполняющим обязанности бухгалтера, формально нарушает требования конфиденциальности ключей электронных подписей⁴, но без корыстного умысла не будет содержать признаков преступления. С другой стороны, получение на собственное имя подставным лицом ключей и передача их за вознаграждение третьим лицам будет подпадать под уголовную ответственность.

Весь спектр описанных выше противоправных действий на практике совершается как работниками аккредитованного удостоверяющего центра и доверенными лицами, так и лицами, не имеющими к ним официально никакого отношения.

При этом очевидно, что совершение противоправных действий лицами первой группы является более общественно опасным. В связи с этим считаем необходимым рассматриваемые действия отнести к категории тяжких преступлений.

На основании изложенного предлагаем следующее изложение проекта статьи 327.3 «Неправомерные действия в отношении усиленной электронной подписи».

1. Создание либо получение ключа электронной подписи, ключа проверки электронной подписи, квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи, связанные с заведомо незаконным использованием персональных данных или незаконным использованием документа, удостоверяющего личность.

2. Незаконное приобретение, использование, сбыт ключа электронной подписи, ключа проверки электронной подписи, сертификата ключа проверки электронной подписи, совершенные из корыстной заинтересованности.

В свою очередь, вид и размер санкций за указанные деяния могут являться предметом дальнейшей научной дискуссии.

¹ Подробнее см. ст. 14 и 17 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»; приказ ФСБ России от 27.12.2011 № 795 «Об утверждении Требований к форме квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи».

² Об утверждении Требований к порядку реализации функций аккредитованного удостоверяющего центра и исполнения его обязанностей: приказ Минцифры России от 13.11.2020 № 584 (зарегистрировано в Минюсте России 02.12.2020 № 61213).

³ Об утверждении Положения о разработке, производстве, реализации и эксплуатации шифровальных (криптографических) средств защиты информации (Положение ПКЗ-2005): приказ ФСБ России от 09.02.2005 № 66 (зарегистрирован в Минюсте России 03.03.2005 № 6382), с изменениями, внесенными приказом ФСБ России 12.04.2010 № 173 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты ФСБ России» (зарегистрирован в Минюсте России 25.05.2010 № 17350).

⁴ Подробнее см. ст. 10 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобылева М.П. Эффективный документооборот: от традиционного к электронному. М.: Изд-во МЭИ, 2004. 172 с.
2. Кирилловых А.А. Комментарий к Федеральному закону от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». М.: Юстицинформ, 2011. 101 с.
3. Шелепина Е.А. Гражданско-правовые аспекты электронного документооборота: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 183 с.
4. Бондаренко Ю.А. Особенности расследования мошенничества, совершенного с использованием электронной подписи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 60-63.
5. Жуланова А.И. Совершенствование уголовного и административного законодательства в сфере использования электронной подписи // Вопросы российской юстиции. 2019. С. 492-499.
6. Рожавский З.Д. Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2018. 36 с.

REFERENCES

1. Bobyleva M. P. Effektivnyj dokumentooborot: ot tradicionnogo k elektronnomu. M.: Izd-vo MEI, 2004. 172 s.
2. Kirillovyh A.A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 6 aprelya 2011 g. № 63-FZ «Ob elektronnoj podpisi». M.: YUsticinform, 2011. 101 s.
3. Shelepina E.A. Grazhdansko-pravovye aspekty elektronnoho dokumentooborota: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2013. 183 s.
4. Bondarenko YU.A. Osobennosti rassledovaniya moshennichestva, sovershennoho s ispol'zovaniem elektronnoj podpisi // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 3. S. 60-63.
5. Zhulanova A.I. Sovershenstvovanie ugolovnogo i administrativnogo zakonodatel'stva v sfere ispol'zovaniya elektronnoj podpisi // Voprosy rossijskoj yusticii. 2019. S. 492-499.
6. Rozhavskij Z.D. Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem firm-odnodnevok: mekhanizm i preduprezhdenie: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Saratov, 2018. 36 s.

Сведения об авторах:

Ларичев Василий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
e-mail: larichev48@mail.ru

Панкратьев Анатолий Николаевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела по борьбе с налоговыми правонарушениями Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России
e-mail: a.pankratev@gmail.com

© Ларичев В.Д., Панкратьев А.Н., 2021

About the authors:

Larichev Vasily D., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Chief Researcher of All-Russian Research Institute of MIA of Russia
e-mail: larichev48@mail.ru

Pankratyev Anatoly N., Candidate of Law (Research doctorate), Deputy Head of the Department for Combating Tax Violations of the Main Directorate of Electronic Biological and Investigative Activities of MIA of Russia, applicant for All-Russian Research Institute of MIA of Russia
e-mail: a.pankratev@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Ларичев Василий Дмитриевич – проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов; структурирование методической части статьи; подготовка окончательного варианта текста статьи, работа с библиографическим аппаратом.

Панкратьев Анатолий Николаевич – подготовка первоначального варианта текста статьи, работа с эмпирическим материалом, обобщение полученных результатов, формулировка выводов и практических рекомендаций.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 07.06.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

А.В. Рамазанов

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ КОСВЕННОГО УЩЕРБА
ОТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ASSESSMENT OF INDIRECT DAMAGE
FROM CORRUPTION CRIMES

Введение: статья посвящена исследованию особенностей оценки косвенного ущерба от коррупционных преступлений.

Материалы и методы: в качестве основных источников выступили материалы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, нормативные акты органов местного самоуправления, открытые сведения из СМИ и др. При написании статьи автором были использованы классические общенаучные методы анализа, синтеза и дедукции, а также метод моделирования.

Результаты исследования: представлена авторская методика оценки косвенного ущерба от коррупционных преступлений.

Обсуждение и заключения: автором предложены показатели оценки итогового ущерба от коррупционных преступлений при установлении тарифов на жилищно-коммунальные услуги, размещение транспортных средств на муниципальных парковках, при выдаче разрешения на строительство многоквартирного дома; а также рассмотрены показатели оценки ущерба при скрытом хищении муниципальных бюджетных средств.

Ключевые слова: косвенный ущерб от коррупции, оценка ущерба от коррупции, коррупционное преступление.

Для цитирования: Рамазанов А.В. К вопросу об оценке косвенного ущерба от коррупционных преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 351-358. DOI: 10.37973/KUI.2021.85.36.011

Introduction: the author studies peculiarities of the assessment of indirect damage from corruption crimes.

Materials and Methods: Prosecutor General's Office of the Russian Federation documents, legal regulations, regulatory acts of local government, publicly available information from mass media etc. The author used traditional general scientific research methods: analysis, synthesis and deduction, simulation method.

Results: the author presents his own method of assessment of consequent corruption damages.

Discussion and Conclusions: the author suggests resulting damage assessment in cost of housing and communal services, placement of vehicles in municipal parking lots, building permit on multifamily homes; considers damage assessment after concealed embezzlement of municipal budget funds.

Keywords: indirect damage from corruption, evaluation of damage from corruption, corruption crime.

For citation: Ramazanov A.V. Assessment of Indirect Damage from Corruption Crimes // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 351-358. DOI: 10.37973/KUI.2021.85.36.011

Введение

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2020 году размер материального ущерба, причиненного в результате совершения

преступлений коррупционной направленности, составил 58,4 млрд рублей. Это 11,4% от суммы ущерба, причиненного всеми видами преступлений. В 2019 году размер установленного ущерба от

коррупционных преступлений составлял 55,1 млрд рублей, или 8,8% от общей суммы ущерба, причиненного всеми видами преступлений.»¹. Следует отметить, что существующая система учета преступлений органами прокуратуры, МВД, судами и др.^{2,3,4,5,6} не оценивает косвенный ущерб от коррупционных преступлений.

Мы убеждены, что косвенные потери от коррупции являются более существенными, чем прямые экономические издержки от данного противоправного деяния, что подтверждается и директором-порядителем Международного валютного фонда⁷.

Прямой материальный ущерб – это фактическая сумма денежных средств, имущества, которых лишились государство, общество из-за незаконных действий государственных служащих и иных лиц коррупционной сети. Примерами таких случаев могут быть нецелевое использование бюджетных средств, незаконный возврат НДС, умышленное завышение расходов государства при осуществлении закупок от аффилированных структур и др.

Как справедливо отмечают Е.Е. Румянцева, С.В. Тер-Овсепян, до сих пор совокупный ущерб, наносимый стране коррупционными преступлениями, трактуется и рассчитывается по-разному, являясь одновременно частью идеологии разных слоев общества [1].

В связи с этим автором статьи предложены способы оценки ущерба от коррупционных преступлений для правоохранительных органов, занимающихся выявлением и расследованием коррупционных преступлений (УЭБ и ПК МВД РФ, Следственный комитет Российской Федерации и др.), для использования в практической деятельности с целью усиления доказательной базы. Несомненно, отдельные предложения потребуют внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации для назначения меры ответственности в зависимости от нанесенного ущерба, но

эти вопросы выходят за рамки обозначенной темы и будут раскрыты в других научных исследованиях.

Обзор литературы

Некоторые авторы предлагают специфические показатели для оценки ущерба от коррупционных преступлений. В частности, П.А. Кабанов, И.М. Гарипов указывают, что «важнейшим показателем жертвоприношения коррупции является среднеарифметический размер материального вреда, причиненного в расчете на одну жертву криминального коррупционного поведения.» [2, с. 5]. П.А. Скобликов вводит такие понятия, как вес (размер взятки, отката), взяткоемкость (сумма всех возможных взяток (как полученных, так и не полученных); сумма реально полученных взяток), взяткоемкость закона (как с принятием закона изменятся или изменились условия для коррупции в сфере регулирования данного закона; денежная сумма отражает совокупный коррупционный доход, который государственные служащие могут получить потенциально или получают реально в связи с принятием определенного закона) [3, с. 52-54]. По мнению заместителя гендиректора «Transparency International – Россия» И. Шуманова, ущерб от коррупции можно посчитать только косвенно – по объему сокращения бюджета, внешним оценкам бизнеса и граждан, эффективности функционирования государственных институтов⁸.

Исследованию способов оценки ущерба от преступлений в разных сферах экономической деятельности посвящены труды отдельных авторов. Например, В.В. Улейчик, В.А. Рязанцев, рассматривая особенности оценки ущерба при хищении газа, указывают, что «проведенный анализ следственной и судебной практики свидетельствует об отсутствии единообразных подходов к применению указанной методики определения объема похищенного газа и размера причиненного ущерба.» [4, с. 83]. Н.В. Габоев при изучении коррупционных пре-

¹ Доклад Генерального прокурора РФ Краснова И.В. Совету Федерации за 2020 год. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/grgf/mass-media/news?item=61267146> (дата обращения: 05.08.2021).

² О едином учете преступлений (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов): приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) // Российская газета. 2006. № 13.

³ Об утверждении и введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции и результаты расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности» по форме К и Инструкции по его составлению: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 29.08.2016 г. № 528.

⁴ Об утверждении формы федерального статистического наблюдения N 1-ЕГС "Единый отчет о преступности": приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2019 № 902.

⁵ Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции и судимости и форм статистической отчетности о деятельности судов и судимости: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 10.06.2011 № 115.

⁶ Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.06.2021 № 124.

⁷ Интернет-сайт международной информационной группы «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/business/507934> (дата обращения: 05.08.2020).

⁸ Интернет-сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4220126> (дата обращения: 05.08.2020).

ступлений в сфере дорожного хозяйства отметил, что «результат преступного механизма проявляется в причинении финансового ущерба дорожному фонду и нарушению прав граждан и интересов общества, которое выразилось в лишении неограниченного круга лиц возможности использовать участок автомобильной дороги по его прямому назначению в безопасных для дорожного движения условиях и длительное время.» [5, с. 89].

В настоящее время отсутствуют методики, показатели оценки косвенного ущерба от коррупционных преступлений.

Результаты исследования

В силу ч. 3 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) под вредом, причиненным преступлением, понимается реальный ущерб, а также моральный вред. В ч. 1 ст. 73 УПК РФ сказано о необходимости доказывания ущерба, причиненного преступлением. В ведомственных нормативных актах государственных органов отсутствует методика оценка ущерба от коррупционных преступлений, но при этом имеются документы, регламентирующие контроль и порядок возмещения ущерба от иных преступлений, например, приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России № ММВ-7-2/232, МВД России № 675, СК России от 08.06.2015 № 50 «Об утверждении

Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями». В то же время определение суммы ущерба входит в обязанности суда, так как в силу п. 10 ч. 1 ст. 209 УПК РФ при постановлении приговора он должен разрешить гражданский иск. В связи с этим для усиления доказательной базы материалов уголовного дела сотрудникам правоохранительных органов следует оценивать полный ущерб (прямой и косвенный) от совершенных коррупционных преступлений, что соотносится с п. 4 ст. 73 УПК РФ.

На наш взгляд, ответственность за совершенные коррупционные действия должна напрямую зависеть от ущерба, который фактически нанесен участниками коррупционной сделки. В связи с этим справедливо утверждение Н.Э. Мартыненко, согласно которому «уголовно-правовая оценка ущерба: 1. Влияет на квалификацию преступлений. 2. Делает возможным применение компенсационных норм в случае возмещения вреда лицом, совершившим преступление» [6, с. 108].

Отобразим возможные прямые и косвенные последствия от коррупционных преступлений, которые следует применять сотрудникам подразделений правоохранительных органов, задействованным в борьбе с коррупционными преступлениями (см. табл.).

Таблица

Примеры возможных последствий от коррупционных преступлений в зависимости от места их совершения

Место совершения коррупции	Особенности коррупции, возможные последствия и вид ущерба
Сфера образования	А) косвенный ущерб: - если это медицинский вуз, то выпускается врач, который может совершить действия по ненадлежащему оказанию медицинской помощи; - если это архитектурно-строительный вуз, то безопасность зданий и сооружений может быть под угрозой; Б) прямой ущерб: - нецелевое расходование бюджетных средств, выделенных на проведение научно-исследовательских мероприятий и/или мероприятий, направленных на повышение конкурентоспособности вуза ¹ ; - необоснованное зачисление на обучение на бюджетные места
Государственная и муниципальная служба (государственные и муниципальные закупки)	А) косвенный ущерб: - некачественные продукты питания, например, для детей в школах; - некачественный ремонт дорог; Б) прямой ущерб: - неэффективная трата бюджетных средств; - нецелевое расходование бюджетных средств

¹ Интернет-сайт издания «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2019/02/12/pravitelstvo-vydelilo-sredstva-na-povyshenie-konkurentosposobnosti-vuzov.html> (дата обращения: 21.08.2020).

Продолжение таблицы

<p>Медицинская отрасль</p>	<p>А) косвенный ущерб: - некачественное медицинское оборудование и техника; - несвоевременное оказание медицинской помощи;</p> <p>Б) прямой ущерб: - нехватка или отсутствие необходимых препаратов и медикаментов; - неполучение выплат и компенсаций; - злоупотребления в области оборота полисов обязательного медицинского страхования</p>
<p>Транспортное обеспечение</p>	<p>А) косвенный ущерб: - плохое техническое состояние автотранспорта; - снижение безопасности перевозок;</p> <p>Б) прямой ущерб: - высокие тарифы на проезд в общественном транспорте; - незаконное списание автотранспорта в удовлетворительном состоянии</p>
<p>Сфера жилищно- коммунального хозяйства</p>	<p>А) косвенный ущерб: - низкое качество оказываемых услуг; - перебои в предоставлении услуг;</p> <p>Б) прямой ущерб: - нецелевое использование средств, выделяемых на текущий и капитальный ремонт; - завышенные тарифы на услуги жилищно-коммунального хозяйства</p>

Указанные в таблице особенности проявления коррупции, возможные последствия от коррупционных преступлений, необходимы для объективной и комплексной оценки наступившего ущерба.

С учетом примеров, отображенных в таблице 1, предложим рекомендации для сотрудников правоохранительных органов по выявлению признаков коррупционных преступлений в рамках осуществляемой ими оперативно-розыскной деятельности. Им следует уделять пристальное внимание ситуациям и признакам, связанным с оказанием субъектами предпринимательской деятельности услуг, выполнением работ, поставкой товаров в рамках заключенного государственного (муниципального) контракта, приведенным ниже:

1) качество: некачественные ремонт¹ и/или очистка дорог; некачественные товары (отравле-

ние детей некачественными продуктами питания^{2, 3}, медицинские приборы, техника⁴ и др.);

2) частота: большое количество повторяющихся работ на одном и том же участке в течение краткосрочного периода (например, полное снятие и укладка асфальтового покрытия, находящегося в удовлетворительном состоянии, чаще двух раз в год^{5, 6}).

3) отсутствие наличия в государственном (муниципальном) контракте, в техническом задании положений о необходимости соблюдения соответствия товаров (работ, услуг) требованиям действующих технических регламентов, ГОСТов;

4) проведение государственных (муниципальных) торгов на проведение мероприятий, которые уже реализованы. В этом случае происходит прямое

¹ Интернет-сайт «Татар-Информ». URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/incident/25-01-2019/v-naberezhnyh-chelnaht-osudili-podryadchika-ispolzovavshego-pri-remonte-dorog-nekachestvennyu-pesok-5501077> (дата обращения: 03.09.2020).

² Интернет-газета «Комсомольская правда». URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/26793.5/3827850/> (дата обращения: 03.09.2020).

³ Интернет-газета «Коммерсантъ». URL: Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4143223> (дата обращения: 03.09.2020).

⁴ Интернет-сайт «Гипермед». URL: <https://gipermed.ru/news/ugolovnoe-delo-o-postavkakh-medoborudovaniya-podrobnosti/> (дата обращения: 03.09.2020).

⁵ Интернет-газета «Реальное Время». URL: <https://realnoevremya.ru/news/30016> (дата обращения: 03.09.2020).

⁶ Сетевое издание СМИ «Пенза-Информ». URL: https://www.penzainform.ru/news/life/2020/08/15/na_ulitse_mira_reshili_menyat_nedavno_ulozhennij_asfalt.html (дата обращения: 03.09.2020).

«отмывание» бюджетных средств, при этом победитель торгов уже заранее известен чиновникам^{1, 2, 3, 4}.

Практика свидетельствует, что лишь по незначительной части указанных в пунктах 1-4 дел к ответственности привлекаются государственные гражданские или муниципальные служащие. В рамках досудебного производства важную роль имеет установление причинно-следственной связи между действиями чиновников, включая их руководителей, и наступившими последствиями. Важной информационной базой для правоохранительных органов могут послужить сведения Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, в том числе данные по заявлениям граждан и организаций, по которым были приняты отказные решения о нарушениях антимонопольного законодательства; данные системы «Народный контроль» интернет-портала «Услуги. Татарстан.ру» и др.

Предложим методы и показатели оценки ущерба от коррупционных преступлений при различных жизненных ситуациях:

А) переложение финансового бремени на «плечи» потребителей в ситуациях, когда государственный служащий или группа, состоящая из них, от лица возглавляемого ими органа (структуры, комитета) официально устанавливает тарифы (цены) на услуги подконтрольных организаций (тарифы на энергоснабжение, тарифы на размещение автотранспортных средств на муниципальной парковке и др.) либо неофициально получает дополнительное финансирование за свои прямые должностные обязанности (предоставление в аренду земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, выдача разрешений на строительство объектов недвижимости, изменение целевого назначения земельного участка и др.).

Введем понятия «коррупционная цена (тариф)» ($R_{корр}$) и «реальная цена (тариф)» ($R_{реал}$). Коррупционная цена (тариф) – это официально отображаемая для потребителей (клиентов) цена товара, работы, услуги, включающая надбавку, вводимую субъектом предпринимательской деятельности для компенсации издержек, которые он понес (или продолжает нести) в связи с участием в коррупционном преступлении и для получения

прибыли. Именно коррупционная цена (тариф) отражается в регистрах бухгалтерского и налогового учета. Реальная цена (тариф) – это не отображаемая для потребителей (клиентов) цена товара, работы, услуги с учетом фактических издержек, которые понес субъект предпринимательской деятельности, а также с учетом надбавки, которую он вводит для получения прибыли и которая соответствует среднерыночной марже для конкретного вида деятельности в соответствующей отрасли экономики.

В зависимости от социально-общественной сферы предложим показатели расчета итогового ущерба субъектов экономической деятельности, потребителей услуг, товаров, работ от коррупционных действий государственных служащих:

А) энергоснабжение населения. Для энергоснабжения итоговый ущерб с учетом коррупционной составляющей, отраженной в абзаце выше, будет рассчитан следующим образом:

$$U_i = Q_{потр} * V * (R_{корр} - R_{реал}), (1)$$

где U_i – ущерб итоговый (в руб.),

$Q_{потр}$ – количество потребителей услуги,

V – объем предоставленной услуги (Киловатт-час),

Например, в г. Казани 1 млн потребителей пользуются услугами АО «Татэнергосбыт», они потребовали электроэнергии в объеме 20 млн кВт*ч, тариф коррупционный составил 2,75 руб./кВт*ч, тариф реальный – 2,25 руб./кВт*ч. Тогда $U_i = 1 \text{ млн чел.} * 20 \text{ млн кВт*ч} * (2,75 \text{ руб./кВт*ч} - 2,25 \text{ руб./кВт*ч}) = 10 \text{ (млн руб.)}$;

Б) муниципальная услуга по предоставлению мест для платного размещения автотранспортных средств на муниципальной парковке.

Смоделируем ситуацию на примере г. Казани. Если предположить, что при установлении тарифов за размещение автотранспортных средств на муниципальной парковке присутствует коррупционная составляющая, то, учитывая наличие отдельных тарифов для транспортных средств каршеринга^{5, 6}, мы получаем следующую формулу:

$$U_i = Q_{потр} * V * (R_{корр} - R_{реал}) + Q_{АвтомКарш} * (R_{реал} \text{ для каршеринга} - R_{корр} \text{ для каршеринга}), (2)$$

где $Q_{потрКарш}$ – количество автомобилей, предоставляемых по услуге каршеринга,

¹ Интернет-портал «Закупки-Хэлп». URL: <https://zakupkihelp.ru/praktika-zakupok/o-provedenii-torgov-pod-vypolnennye-raboty.html> (дата обращения: 03.09.2020).

² Интернет-издание «Новости Горного Алтая». URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/17133> (дата обращения: 03.09.2020).

³ Интернет-издание «Бизнес-онлайн». URL: <https://kam.business-gazeta.ru/article/70263> (дата обращения: 03.09.2020).

⁴ Интернет-газета «Вечерняя Казань». URL: <http://www.evening-kazan.ru/news/ufas-po-rt-ispolkom-kazani-provel-torgi-uzhe-na-fakticheski-vypolnennye-raboty.html> (дата обращения: 03.09.2020).

⁵ Интернет-сайт «Каршеринг.Инфо». URL: <https://carshering.info> (дата обращения: 03.09.2020).

⁶ Интернет-сайт ИК МО г. Казани. URL: <https://www.kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/v-kazani-vzyatyie-na-usloviyakh-karsheringa-avtomobili-mozhno-budet-ostavlyat-na-munitsipalnykh-parko/> (дата обращения: 03.09.2020).

V – количество часов, в течение которых транспортное средство размещено на муниципальной парковке,

Q АвтомКарш – количество автомобилей, включенных в реестр каршеринговых автомобилей, за которые произведена оплата.

Мы считаем, что в случае коррупционной составляющей при установлении тарифа для автомобилей каршеринга данный тариф будет ниже реального тарифа, т.е. будет справедливо неравенство:

Реал для каршеринга > Rкорр для каршеринга (3)

Следует обратить внимание, что в приложении 4 постановления Исполнительного комитета г. Казани от 12.02.2019 № 515¹ в формуле по расчету размера платы за размещение транспортного средства не отражено значение коэффициента льготы (Кл), так же как и не отражены особенности его расчета, критерии, на него влияющие, что явно образует коррупционную составляющую в указанном нормативном правовом акте.

Произведем примерный расчет по формуле (2):

$U_i = 10 \text{ тыс. автомобилей} * 8 \text{ часов в день} * 200 \text{ дней в году} * (50 \text{ руб.} - 20 \text{ руб.}) + 100 \text{ автомобилей каршеринговых} * (200000 - 10890) = 480 \text{ млн руб.} + 18,9 \text{ млн руб.} = 498,9 \text{ млн руб.}$

Поясним, что Исполнительный комитет г. Казани для автомобилей каршеринга установил единый тариф в размере 10890 рублей в год². При этом если средний тариф для обычных автомобилей в сумме 50 рублей умножить его на 24 часа в день и 365 дней в году, то получается сумму 438 тыс. руб., т.е. с каждого автомобиля каршеринга бюджет города Казани не дополучает 388 тыс. руб. в год.

В приведенном выше примере по расчету итогового ущерба при каршеринге отдельные цифры взяты условно для наглядного расчета;

В) муниципальная услуга по выдаче разрешений на строительство многоквартирного жилого дома.

В случае если получение разрешения на строительство жилья было сопряжено с дополнительными неофициальными издержками строительной компании, связанными с предоставлением материальных и/или нематериальных ценностей лицу, принимающему решение о выдаче разрешения на строительство жилья, то ущерб итоговый (U_и) будет оценен по формуле (1), при этом коррупционная

цена (тариф) и реальная цена (тариф) будут выражаться в тыс. руб. за 1 кв. м жилья.

Произведем примерный расчет для наглядности:

$U_i = 500 \text{ чел.} * 10 \text{ тыс. кв. м.} * (50 \text{ тыс. руб.} / \text{кв. м} - 20 \text{ тыс. руб.} / \text{кв. м}) = 150 \text{ млрд руб.}$

2. Скрытое хищение муниципальных бюджетных средств.

Рассмотрим возможные ситуации скрытого хищения бюджетных средств и предложим варианты оценки итогового ущерба.

А) муниципальный контракт на очистку дорог от снега и льда:

$U_i = \text{Реал} * V_{\text{реал}} - \text{Реал} * V_{\text{корр}}$, (4)

где V_{реал} – требуемый объем работ с учетом длины очищаемой территории (км),

V_{корр} – фактически выполненный объем работ (при этом с учетом коррупционной составляющей, как правило, соблюдается следующее неравенство: V_{реал} > V_{корр}).

Пример расчета: допустим, в период с 1 ноября 2020 года по 1 апреля 2020 года требуется очищать дороги муниципального образования от снега и льда, грязи и др. На 1 км очистки дорог выделяется 50 тыс. руб. Всего 50 км дорог, подлежащих очистке. По факту было очищено только 30 км дорог. Тогда ущерб итоговый (U_и) составит:

$U_i = 50 \text{ тыс. руб.} * 50 \text{ км} - 50 \text{ тыс. руб.} * 30 \text{ км} = 2500 \text{ тыс. руб.} - 1500 \text{ тыс. руб.} = 1000 \text{ тыс. руб.}$

Т.е. в нашем примере ущерб от ненадлежащего исполнения муниципального контракта составил 1 млн руб.

Формула (4) применима во всех случаях, когда исполнителем муниципального контракта не в полном объеме выполняются условия заключенного контракта.

Следует обратить внимание, что ненадлежащее исполнение или частичное неисполнение муниципального контракта обычно ограничивается мерами гражданско-правовой ответственности с учетом условий, отраженных в соответствующем контракте. При этом имеются трудности в уличении лица или группы лиц в совершенном коррупционном преступлении, поскольку муниципальные торги обычно проведены в соответствии с установленными требованиями. Важным обстоятельством при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны стать выявленные факты ненадлежащего исполнения муниципального контракта и принятие либо не своевременное принятие

¹ Об утверждении Административного регламента предоставления Исполнительным комитетом г.Казани муниципальной услуги по внесению в реестр города Казани парковочных разрешений на льготное размещение транспортных средств, предоставляемых в краткосрочную (до 24 часов) аренду на основе поминутной тарификации ... : постановление Исполнительного комитета г.Казани от 12.02.2019 № 515.

² Интернет-сайт ИК МО г.Казани. URL: <https://www.kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/v-kazani-vzyatyie-na-usloviyakh-karsheringa-avtomobili-mozhno-budet-ostavlyat-na-munitsipalnykh-parko/> (дата обращения: 03.09.2020).

чиновниками мер реагирования на допущенные нарушения при исполнении контракта;

Б) ежегодно обновляемый муниципальный контракт (длящееся преступление), когда при наличии нарушений при исполнении контракта с исполнителем продолжают заключаться новые контракты.

В данном случае формулу (4) скорректируем с учетом количества периодов (лет), в течение которых органы власти «взаимодействуют» с исполнителем.

$$U_i = (P_{\text{реал}} * V_{\text{реал}} - P_{\text{реал}} * V_{\text{корр}}) * n, (5)$$

где $V_{\text{реал}}$ – требуемый объем работ с учетом длины очищаемой территории (км),

$V_{\text{корр}}$ – фактически выполненный объем работ (при этом с учетом коррупционной составляющей, как правило, соблюдается следующее неравенство: $V_{\text{реал}} > V_{\text{корр}}$),

n – количество периодов (лет), в течение которых, несмотря на нарушения контракта, с исполнителем заключаются новые контракты;

В) муниципальный контракт на ремонт дорог.

На практике имеют место случаи, когда проводится большое количество повторяющихся работ на одном и том же участке в течение краткосрочного периода (например, полное снятие и укладка асфальтового покрытия, находящегося в удовлетворительном состоянии, чаще двух раз в год^{1, 2}).

$$U_i = (P_{\text{реал}} * V_{\text{корр}} - P_{\text{реал}} * V_{\text{реал}}), (6)$$

где $V_{\text{реал}}$ – требуемый объем работ с учетом площади ремонтируемой дороги (кв.м),

$V_{\text{корр}}$ – фактически выполняемый объем работ, оговоренный в муниципальном контракте.

В ситуации, отраженной в подп. «в» пункта 2, $V_{\text{реал}} = 0$, поскольку дорога не требует ремонта, находится в удовлетворительном состоянии, нормативные сроки использования дороги после последнего проведенного ремонта еще не истекли. Тогда в данном случае получается, что ущерб равен сумме муниципального контракта:

$$U_i = P_{\text{реал}} * V_{\text{корр}} (7)$$

Формула (7) применима также для ситуаций, затрагивающих деятельность государственных служащих и/или должностных лиц муниципальных и региональных организаций по фиктивному ремонту жилищно-коммунальной и иной инфраструктуры местного или регионального значения либо по фиктивному оказанию услуг, выполнению работ, поставке товаров^{3, 4, 5}.

Таким образом, разработанная автором методика оценки ущерба от коррупционных преступлений рекомендована к практическому применению в виде методических рекомендаций в рамках проводимой доследственной, следственной проверки сотрудникам Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Несомненно, без внесения изменений в систему учета преступлений, а также в Уголовный кодекс Российской Федерации расчет косвенного ущерба от коррупционных преступлений и дифференциация меры уголовной ответственности в зависимости от суммы ущерба будут весьма затруднительными. Данные проблемные вопросы будут рассмотрены в других научных публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Румянцева Е.Е., Тер-Овсепян С.В. Методология количественной оценки совокупного финансово-экономического ущерба от коррупции // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-kolichestvennoy-otsenki-sovokupnogo-finansovo-ekonomicheskogo-uscherba-ot-korrupsii> (дата обращения: 05.08.2020).
2. Кабанов П.А., Гарипов И.М. Анализ статистических показателей о жертвоприношении коррупции в Республике Татарстан (2007–2009 гг.) // Вестник КЮИ МВД России. 2012. № 3 (9). С. 4–9.
3. Скобликов П.А. Российская коррупция. Неформальная энциклопедия. М.: АСТ, 2016. 288 с.
4. Улейчик В.В., Рязанцев В.А. Исчисление ущерба при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с хищением газа из газопровода // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52). С. 79–91.
5. Габоев Н.В. Механизмы совершения коррупционных преступлений при формировании и расходовании средств дорожных фондов // Научный портал МВД России. 2020. № 1. С. 86–93.
6. Мартыненко Н.Э. Понятия «вред» и «ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 103–109.

¹ Интернет-газета «Реальное Время». URL: <https://realnoevremya.ru/news/30016> (дата обращения: 03.09.2020).

² Сетевое издание СМИ «Пенза-Информ». URL: https://www.penzainform.ru/news/life/2020/08/15/na_ulitce_mira_reshili_menyat_nedavno_ulozhennij_asfalt.html (дата обращения: 03.09.2020).

³ Интернет-издание «Газета». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/09/16/13252885.shtml> (дата обращения: 17.09.2020).

⁴ Интернет-сайт «Татарстан24». URL: <http://www.tatarstan24.tv/news/incident/v-rt-chinovnik-ukral-dengi-iz-byudzhetachtoby-otdat-dolg> (дата обращения: 17.09.2020).

⁵ Интернет-издание «Калуга.Безформата». URL: <https://kaluga.bezformata.com/listnews/fiktivnyuyu-organizatsiyu-voroval-iz-byudzhetu/57876458/> (дата обращения: 17.09.2020).

REFERENCES

1. Romyanceva E.E., Ter-Ovsepyan S.V. Metodologiya kolichestvennoj ocenki sovokupnogo finansovo-ekonomicheskogo usherba ot korrupcii [Elektronnyj resurs] // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskij menedzhment». 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-kolichestvennoj-otsenki-sovokupnogo-finsanovo-ekonomicheskogo-uscherba-ot-korrupcii> (data obrashcheniya: 05.08.2020).
2. Kabanov P.A., Garipov I.M. Analiz statisticheskikh pokazatelej o zhertvoprinoshenii korrupcii v Respublike Tatarstan (2007–2009 gg.) // Vestnik KYUIMVD Rossii. 2012. № 3 (9). S. 4–9.
3. Skoblikov P.A. Rossijskaya korrupciya. Neformal'naya enciklopediya. M.: AST, 2016. 288 s.
4. Ulejchik V.V., Ryazancev V.A. Ischislenie usherba pri rassledovanii ugovolnyh del o prestupleniyah, svyazannyh s hishcheniem gaza iz gazoprovoda // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2020. № 4 (52). S. 79–91.
5. Gaboev N.V. Mekhanizmy soversheniya korrupcionnyh prestuplenij pri formirovanii i raskhodovanii sredstv dorozhnyh fondov // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2020. № 1. S. 86–93.
6. Martynenko N.E. Ponyatiya «vred» i «ushcherb» i ih ugovolno-pravovaya ocenka // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 2 (54). S. 103–109.

Об авторе:

Рамазанов Альберт Вильданович, кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
e-mail: rav_2009@mail.ru

© Рамазанов А.В., 2021

About the author:

Ramazanov Albert V., Candidate of Economics (Research doctorate), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Civil and Legal Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: rav_2009@mail.ru

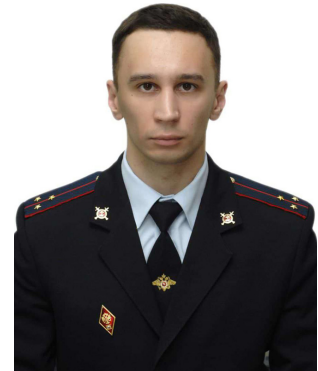
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 17.05.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

Б.Э. Шавалеев

О ПЕРСПЕКТИВАХ ВВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА
В ОТНОШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

THE PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF THE INSTITUTION
OF CRIMINAL MISCONDUCT IN RELATION TO FRAUD
USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Введение: статья посвящена исследованию перспектив интеграции института уголовного проступка в отношении мошенничества с использованием электронных средств платежа в уголовное законодательство Российской Федерации.

Материалы и методы: в качестве методологической основы исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы познания, в частности, диалектико-материалистический метод, сравнительно-правовой и формально-логический методы. Материалами исследования выступили актуальное законодательство Российской Федерации, следственно-судебная практика за период с 2013 по 2021 г., а также опубликованные научные работы по проблематике исследования.

Результаты исследования: на основе анализа актуальной следственно-судебной практики выявлены обстоятельства, препятствующие введению института уголовного проступка в уголовное законодательство Российской Федерации.

Обсуждение и заключения: предложены научно-методические рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации в целях его гуманизации.

Ключевые слова: мошенничество, электронные средства платежа, транзакции, уголовный проступок, законопроект

Для цитирования: Шавалеев Б.Э. О перспективах введения института уголовного проступка в отношении мошенничества с использованием электронных средств платежа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 359-363. DOI: 10.37973/KUI.2021.56.89.012

Introduction: the article is devoted to the study of the prospects for integrating the institution of criminal misconduct in relation to fraud using electronic means of payment into the criminal legislation of the Russian Federation. The study of the existing investigative and judicial practice of qualifying this act made it possible to establish the presence of objective circumstances that impede the further humanization of the criminal law in this area, which made it possible to offer scientific and methodological recommendations for solving the identified problems.

Materials and Methods: general scientific and specific scientific methods of cognition, in particular, the dialectical-materialistic method, the comparative legal method and formal-logical methods, were used as a methodological basis for the study. The research materials are the current legislation of the Russian Federation, investigative and judicial practice for the period from 2015 to 2021, as well as published works of other authors on the research issues.

Results: based on the analysis of the current investigative and judicial practice, the authors revealed the circumstances that prevent the introduction of the institution of criminal misconduct into the criminal legislation of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: offered scientific and methodological recommendations for improving the criminal legislation of the Russian Federation in order to humanize it.

Keywords: fraud, electronic means of payment, transactions, criminal misconduct, bill

For citation: Shavaleyev B.E. The Prospects for the Introduction of the Institution of Criminal Misconduct in Relation to Fraud Using Electronic Means of Payment // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 359-363. DOI: 10.37973/KUI.2021.56.89.012

Введение

Современное уголовное законодательство Российской Федерации развивается и совершенствуется, принимаются меры по приведению его к международным стандартам. Ключевая тенденция в данной сфере характеризует процесс его гуманизации путем декриминализации ряда составов, применения института административной преюдиции, а также поиска альтернативных нерепрессивных вариантов уголовно-правового воздействия. Однако далеко не все изменения получают положительную оценку ученого сообщества. Так, например, инициатива Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) о введении уголовного проступка привела к активной дискуссии в научной литературе о перспективах, правовой природе, необходимости, а также иных аспектах института уголовного проступка.

Впервые законопроект¹ был предложен ВС РФ в 2017 г. и разрешил ключевые вопросы о сущности уголовного проступка, а также его соотношения с преступлением и административным правонарушением, однако инициатива была раскритикована как Правительством Российской Федерации, так и широким кругом представителей ученого сообщества, которые отметили, что предлагаемые изменения не согласуются со ст. 52 Конституции Российской Федерации², поскольку не учитывают в необходимой мере права потерпевших от преступлений.

В 2020 года председатель ВС РФ В.М. Лебедев подтвердил, что разрабатывается новая версия законопроекта об уголовном проступке, в результате чего 15.02.2021 данный проект федерального закона был внесен в Государственную думу³.

Согласно данному законопроекту, уголовным проступком признается совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое уголовным законом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за исключением ряда преступлений, указанных в проектной статье 15.1.

Мы считаем, что необходимость либерализации уголовного законодательства на сегодняшний день не вызывает сомнений, в связи с этим инициатива об интеграции уголовного проступка концептуально обоснована и позволит дифференцировать уголов-

ную ответственность в соответствии со степенью и характером общественной опасности деяния.

Однако, по нашему мнению, актуальная редакция законопроекта находится в конфронтации со сложившейся следственно-судебной практикой, что препятствует введению института уголовного проступка в законодательство Российской Федерации. Так, авторы законопроекта считают, что в категорию уголовного проступка необходимо перевести деяние, предусмотренное ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)⁴, а именно: мошенничество с использованием электронных средств платежа (далее – мошенничество с ИЭСП). В связи с этим мы считаем, что необходимо исследовать перспективы и потенциальные проблемы, связанные с переводом данного деяния в категорию уголовного проступка.

Обзор литературы

Различным аспектам и проблематике интеграции института уголовного проступка в уголовное законодательство Российской Федерации было посвящено множество работ отечественных ученых-правоведов, например, Л.В. Головкин [1], Б.Я. Гаврилова [2, 3], Н.Ю. Скрипченко [4], А.Г. Блинова, А.М. Герасимова [5], Е.В. Роговой [6], В.Н. Сизовой [7], Хутова К.М. [8] и других авторов.

В целом исследование научной литературы по данной теме позволяет отметить активную дискуссию с 2017 г. о перспективах применения института уголовного проступка в уголовном законодательстве, а также значительный объем научно-методических рекомендаций в рамках совершенствования данного института.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использовалось актуальное законодательство Российской Федерации, обобщенные официальные статистические данные по следственно-судебной практике за период с 2013 по настоящее время, опубликованные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, более 150 приговоров судов по делам о мошенничестве с использованием электронных средств платежа, опубликованных в электронной базе судебных актов, а также работы других авторов в рамках обозначенной проблематики.

В качестве методологической основы исследования автором использовались диалектический

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017. URL: <http://supcourt.ru/documents/own/24308/> (дата обращения: 05.07.2021).

² Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с поправками от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ Вячеслав Лебедев представил новую версию уголовного проступка. URL: <https://pravo.ru/news/226540/> (дата обращения: 05.07.2021).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 61-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Российская газета. 1996. № 113.

метод познания, общенаучные и частнонаучные методы познания: нормативно-логический, метод сравнительного правоведения и другие методы.

Результаты исследования

15 февраля 2021 г. ВС РФ внес обновленную редакцию проекта федерального закона об уголовном проступке¹, которым предусмотрено, что уголовным проступком следует признать 112 составов преступлений, в частности, мошенничество с ИЭСП (ч. 1 ст. 159.3 УК РФ).

Безусловно, процессы гуманизации и либерализации уголовного законодательства требуют переоценки его отдельных институтов, что позволит обеспечить эффективную уголовно-правовую охрану общественных отношений в современных социально-экономических условиях, однако проведенное нами исследование актуальной правоприменительной практики за период с 2013 по настоящее время свидетельствует о наличии ряда проблем.

Так, в период с января по март 2021 года зарегистрировано 4510 деяний, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ, что на 58,3% меньше, чем за аналогичный период предыдущего года².

Причиной такой разницы в количестве зарегистрированных фактов мошенничества с ИЭСП, несмотря на негативное влияние, обусловленное распространением новой коронавирусной инфекции, а также увеличением количества преступлений, сопряженных с неправомерным использованием информационных технологий, являются особенности его квалификации. До октября 2020 года рекомендации по квалификации мошенничества с ИЭСП содержались в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³, согласно которому действия лица следует квалифицировать по статье 159.3 УК РФ в тех случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой.

Однако в октябре 2020 г. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ не согласилась с предло-

женной квалификацией и указала, что по ст. 159.3 УК РФ следует квалифицировать хищение электронных денежных средств, когда их изъятие было осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием работника кредитной, торговой или иной организации, исключив указание на умолчание о незаконном владении электронным средством платежа⁴.

То есть при оплате товаров, например, банковской картой, при условии, что уполномоченный работник кредитной или торговой организации не осведомился о законности ее использования, деяние следует квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Примечательно, что действующими нормативными правовыми актами работники торговых или кредитных организаций, осуществляющие платежные операции, не уполномочены осуществлять проверку документов и принадлежности электронных средств платежа, что обусловило изменение правоприменительной практики по исследуемой статье. Мы считаем, что достижение целей введения института уголовного проступка в этом случае невозможно, поскольку деяния, ранее квалифицируемые как мошенничество с ИЭСП, в настоящее время квалифицируются по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что предполагает более строгое наказание для виновных, а также увеличение доли тяжких преступлений в общей структуре преступности в Российской Федерации, тогда как само деяние в сущности не стало характеризоваться большей общественной опасностью.

Обсуждение и заключения

Разрешение выявленной проблемы требует пересмотра сложившейся практики и рекомендаций по квалификации исследуемого деяния, поскольку актуальные рекомендации по квалификации мошенничества с ИЭСП не способствуют гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации, а, напротив, приводят к увеличению доли тяжких преступлений в структуре преступности, а также излишней репрессивности практики назначения наказаний.

Мы считаем, что правовая позиция, изложенная в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», является более точной, поскольку учитывает воз-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект Федерального закона № 1112019-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Сведения взяты из отчетов, основанных на данных автоматизированного информационно-справочного программного комплекса МВД России.

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Российская газета. 2017. № 280.

⁴ Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

возможность пассивного обмана сотрудника торговой или кредитной организации, заключающегося в умолчании о неправомерности использования электронного средства платежа, а также предполагает возможность назначения менее строгого наказания по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, а в перспективе и применение уголовного проступка.

Вышеизложенная точка зрения на квалификацию мошенничества коррелирует с положениями гражданского законодательства, поскольку работник торговой, кредитной или иной организации ожидает добросовестного поведения от лица, неправомерно использующего электронные средства платежа, в силу установленной п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ презумпции добросовестности. Следовательно, кассир не препятствует хищению под действием обмана, что позволяет сделать вывод, что обман является способом введения его в заблуждение относительно реальной воли собственника электронного средства платежа.

Безусловно, введение института уголовного проступка в уголовное законодательство Российской Федерации является условием его гуманизации и либерализации, соответствует актуальным целям и задачам уголовной политики, а также исключает избыточную репрессивность уголовной ответственности, однако требует качественной и

тщательной подготовки с учетом научно-методических рекомендаций.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым применение правил квалификации мошенничества с ИЭСП, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», что позволит разграничить конкурирующие составы преступлений, а также привлечь виновных лиц к установленной законом ответственности в зависимости от степени и характера общественной опасности деяния, что в настоящее время невозможно в сфере хищений, сопряженных с неправомерным использованием электронных средств платежа.

Также разграничению конкурирующих составов преступлений, следовательно, и разрешению проблемы интеграции института уголовного проступка будет способствовать изменение диспозиции ст. 159.3 УК РФ. В связи с этим считаем необходимым изложить ст. 159.3 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 159.3 УК РФ. Мошенничество с использованием электронных средств платежа.

Мошенничество с использованием электронных средств платежа, то есть хищение электронных денежных средств путем обмана работника торговой, кредитной или иной организации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 128 – 136.
2. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 387 – 400.
3. Гаврилов Б.Я. Возвращение в Российское законодательство уголовного проступка как одно из направлений политики государства по обеспечению прав и свобод человека и гражданина // Вестник УЮИ. 2021. №1 (91). С. 91 – 99.
4. Скрипченко Н.Ю. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 2. С. 94 – 101.
5. Блинов А.Г., Герасимов А.М. Уголовный проступок и его природа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2. С. 18 – 27.
6. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4. С. 7 – 45.
7. Хутов К.М. Законопроект о введении в УК РФ уголовного проступка: за и против // Вестник СГЮА. 2021. № 1 (138). С. 154 – 160.
8. Сизова В.Н. К вопросу о некоторых новеллах современного уголовного законодательства России (в порядке научного прогнозирования) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 101 – 106.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 (ред. от 12.05.2019) // Российская газета. 1994. № 238.

REFERENCES

1. Golovko L. V. Zakonoproekt ob ugovnom prostupke: mnimye smysly i real'naya podopleka // Zakon. 2018. № 1. S. 128-136.
2. Gavrilov B.YA. Ugolovnyj prostupok v strukture ugovnogo zakona: proshloe, nastoyashchee, budushchee // YUridicheskaya tekhnika. 2020. № 14. S. 387-400.
3. Gavrilov B. YA. Vozvrashchenie v Rossijskoe zakonodatel'stvo ugovnogo prostupka kak odno iz napravlenij politiki gosudarstva po obespecheniyu prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Vestnik UYUI. 2021. №1 (91). S. 91-99.
4. Skripchenko N. YU. Ugolovnyj prostupok: ob"ektivnaya potrebnost' ili deklariruemaya neobhodimost'? // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2018. № 2. S. 94-101.
5. Blinov A. G., Gerasimov A. M. Ugolovnyj prostupok i ego priroda // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2018. № 2. S.18 – 27.
6. Gavrilov B. YA., Rogova E. V. Ugolovnyj prostupok: koncepciya razvitiya (mnienie uchenogo i praktika) // Publichnoe i chastnoe pravo. 2016. № 4. S.7-45.
7. Hutov K.M. Zakonoproekt o vvedenii v UK RF ugovnogo prostupka: za i protiv // Vestnik SGYUA. 2021. № 1 (138). S. 154-160.
8. Sizova V.N. K voprosu o nekotoryh novellah sovremennogo ugovnogo zakonodatel'stva Rossii (v poryadke nauchnogo prognozirovaniya) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 1 (57). S. 101-106.

Сведения об авторе:

Шавалеев Булат Эдуардович, адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: shavaleev.bulat@gmail.com

© Шавалеев Б.Э., 2021

About the author:

Shavaleev Bulat E., Associate Professor at the Department of Criminology and Criminal Executive Law, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: shavaleev.bulat@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 25.06.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК: 343.13

DOI: 10.37973/KUI.2021.19.45.013

Р.Р. Абдраязпов

**О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ
ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО РАЗРЕШЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ
ДОСЛЕДСТВЕННЫХ ПРОВЕРОК**

**AREAS OF CONCERN IN ORGANIZATION OF WORK
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES TO RESOLVE
THE MATERIALS OF PRE-INVESTIGATION CHECKS**

Введение: в статье анализируются возникающие в правоприменительной практике проблемы, связанные с организацией работы органов внутренних дел по разрешению материалов доследственных проверок, ставшие следствием различного толкования норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих процессуальный статус субъектов проверки сообщений о преступлениях и принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Материалы и методы: материальную основу исследования составили уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, иные нормативные акты и информационные письма по данному вопросу, а также научные труды. В ходе написания работы использовались как общенаучные (теоретические), так и специальные (практико-юридические) методы проведения исследования.

Результаты исследования: в статье анализируются организационные аспекты проведения доследственной проверки при разрешении соответствующих материалов. Проводится анализ уголовно-процессуального законодательства и иных документов, определяющих субъект проведения доследственной проверки и принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Обсуждение и заключения: в ходе исследования автор пришел к выводу о неоднозначности подхода к пониманию в теории и практической деятельности норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), регламентирующих отношения между субъектами проведения доследственной проверки и принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Автором сделан вывод о необходимости более детального правового регулирования указанной области в целях исключения различного толкования и оптимизации работы в данном направлении.

Ключевые слова: доследственная проверка, подследственность, органы внутренних дел, полномочия, орган дознания.

Для цитирования: Абдраязпов Р.Р. О проблемных аспектах организации работы органов внутренних дел по разрешению материалов доследственных проверок // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 364-369. DOI: 10.37973/KUI.2021.19.45.013

Introduction: the article analyzes issues arising in law enforcement practice related to the organization of the work of the internal affairs bodies to resolve the materials of pre-investigation inspections, which were the result of different interpretations of the norms of criminal procedure legislation governing the procedural status of the subjects of checking reports of crimes and making decisions on refusal to initiate criminal proceedings affairs.

Materials and Methods: the material basis of the study was the criminal procedural legislation of the Russian Federation, other regulations and information letters on this issue, as well as scientific works. In the course of writing the work, both general scientific (theoretical) and special (practical-legal) research methods were used.

Results: the article analyzes the organizational aspects of the pre-investigation check in the resolution of materials. The article analyzes the criminal procedure legislation and other documents defining the subject of conducting a pre-investigation check and making a procedural decision to refuse to initiate a criminal case.

Discussion and Conclusion: in the course of the study, the author comes to the conclusion that the approach to understanding in theory and practice of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the relations between the subjects of the pre-investigation check and making a procedural decision

to refuse to initiate a criminal case is ambiguous. The author draws a conclusion about the need for more detailed legal regulation of this area in order to exclude various interpretations and optimize the work.

Key words: pre-investigation check, jurisdiction, internal affairs bodies, powers, body of inquiry.

For citation: Abdrazyapov R.R. Areas of Concern in Organization of Work of the Internal Affairs Bodies to Resolve the Materials of Pre-Investigation Checks // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 364-369. DOI: 10.37973/KUI.2021.19.45.013

Введение

Современная правоохранительная система представляет собой комплекс взаимосвязанных органов, подразделений и служб, аккумулирующих большой массив информации, обусловленной необходимостью рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях.

Вместе с тем отдельные аспекты деятельности сотрудников органов внутренних дел (ОВД), связанной с проведением доследственной проверки в соответствии с правилами подследственности, а также объемом полномочий органа дознания по разрешению сообщений о преступлениях, в должной степени не урегулированы, что вызывает неоднозначное толкование некоторых положений уголовно-процессуального закона, в том числе со стороны надзорных органов. В результате сотрудники ОВД испытывают затруднения при определении субъекта принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Так, субъекты проведения процессуальной проверки сообщений о преступлениях перечислены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, к которым законодатель относит дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа.

Однако в практической деятельности сотрудники ОВД сталкиваются с проблемой неоднозначного толкования указанных норм УПК РФ, регламентирующих процессуальный статус субъектов проверки сообщений о преступлениях.

Обзор литературы

Ранее вопрос разграничения прав между субъектами проведения доследственной проверки и принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела в своих работах освещали В.В. Лошкарёв [1], А.А. Рытьков, И.О. Воскобойник [2] и др., однако проблема до настоящего времени не разрешилась, что негативно сказывается на организации работы подразделений ОВД, занимающихся разрешением материалов доследственных проверок. В своих трудах ученые высказывают различные мнения относительно действующего порядка организации проведения доследственной проверки и принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости

продолжения научной дискуссии по указанной проблематике.

Материалы и методы

Методологическую базу исследования составили такие общенаучные теоретические приемы (методы), как обобщение, анализ, синтез и др. Материалами исследования явились нормы УПК РФ, определения Конституционного Суда Российской Федерации, письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации, материалы практической деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также статистическая информация Информационного центра МВД по Республике Башкортостан.

Результаты исследования

Согласно информационному письму Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 09.04.2015 «О недостатках прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства»¹ вынесение процессуального решения по результатам проверки законодатель возлагает на орган, к подследственности которого относится данное преступление.

Таким образом, согласно указанному письму, субъектами проведения проверки сообщений о преступлениях, подследственных органам предварительного следствия, не могут являться участковые и оперативные сотрудники. Организация проведения доследственной проверки и принятие процессуального решения по сообщениям о таких преступлениях возлагается на органы предварительного следствия, являющиеся компетентными в рассмотрении подследственных им категорий преступлений.

Во исполнение указанного информационного письма в ряде ОВД, в частности МВД по Республике Башкортостан, сформировалась практика поручения проведения доследственной проверки в соответствии с правилами подследственности, установленными ст. 151 УПК РФ, что привело к значительному увеличению количества находящихся в производстве следователей материалов и перегрузке органов предварительного следствия значительным количеством сообщений, связанных преимущественно с финансово-хозяйственными спорами и требующих отвлечения значительных ресурсов для их проверки.

¹ О недостатках прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства: информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 09.04.2015 № 69-12-2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.07.2021).

В результате в период с 2014 по 2020 годы число материалов проверок, по которым органами предварительного следствия МВД по Республике Башкортостан приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел, возросло более чем в 10 раз: с 1106 в 2014 году до 10697 в 2020 году¹. Соответственно, возросла и нагрузка на следователей по проведению мероприятий, направленных на установление всех обстоятельств происшествий, что негативно повлияло на качество проведения доследственных проверок, повлекло рост числа отмененных решений следователей об отказе в возбуждении уголовного дела, а также потребовало постоянного отвлечения от проведения процессуальных действий по уголовным делам и, как следствие, неблагоприятно отразилось на эффективности, качестве и соблюдении сроков расследования.

Проведенный анализ данных Главного информационно-аналитического центра МВД России позволяет сделать вывод, что рассматриваемая проблематика является актуальной для многих регионов России. В частности, в Республике Татарстан, Кемеровской, Кировской, Ростовской областях, Пермском, Краснодарском, Хабаровском краях, Удмуртской Республике нагрузка по вынесенным следователями ОВД отказным материалам значительно выше, чем в других субъектах Российской Федерации.

Вместе с тем на практике возникает множество проблем, связанных с организацией проведения доследственной проверки. Так, зачастую сотрудникам следственных подразделений поручается проведение проверки по материалам, касающимся с гражданско-правовыми отношениями в различных сферах и не содержащим признаки преступления, что в значительной степени увеличивает нагрузку следователей. Например, на рассмотрении следователей находятся материалы по фактам неисполнения обязательств по возврату долга; о проверке законности деятельности тех или иных общественных объединений или религиозных групп; о неправомерных действиях лица, связанных со строительством объекта на самовольно занятом земельном участке; о признании договора найма безнадёжным и т.д.

Особое место занимает организация работы по рассмотрению материалов экономической направленности, когда для принятия решения о наличии либо отсутствии состава преступления требуется проведение значительного количества проверочных мероприятий, истребования большого объема документов, связанных с финансово-хозяйственной деятельностью субъекта, а также проведения ревизий, исследований и документальных прове-

рок. Зачастую по большинству поступающих сообщений экономической направленности отсутствует состав преступления, однако для принятия решения по каждому из них требуется проведение полноценной проверки. Вместе с тем современное состояние правоохранительной системы, а также формализованный порядок проведения доследственной проверки не позволяют обеспечить качественную проверку всего вала заявлений [3].

Так, например, по заявлению одного из учредителей ООО «ДБ» С. о предполагаемых противоправных действиях генерального директора данного общества Ю., который также является одним из учредителем указанного общества, органами предварительного следствия на протяжении нескольких месяцев проводилась проверка указанных в заявлении фактов. С целью проверки доводов заявителя, встречных претензий учредителя и генерального директора Ю. проведен комплекс проверочных мероприятий, который, помимо опроса учредителей и работников ООО «ДБ», включал в себя документальную проверку финансово-хозяйственной деятельности указанного общества за последние два года и обработку наиболее значимых контрагентов.

В частности, проверялась действительность оказания рекламных услуг по заключенному договору с ИП Ю., а также обоснованность реализации продукции ООО «ДБ» фирме ООО «У» по цене ниже рыночной на 25%. Также запрашивались сведения по счетам ИП Ю., ООО «ДБ», ООО «У», по установленным документам и счетам проводилось документальное исследование.

По результатам проведенной проверки следователем принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

При этом необходимо учитывать, что сроки проведения доследственной проверки значительно меньше, нежели сроки расследования уголовного дела, что, соответственно, не может не влиять на установление приоритетов в работе следователя. Когда истекают сроки проведения доследственной проверки по материалу, следователь вынужден откладывать расследование по уголовному делу в сторону, что негативно сказывается на сроках и качестве расследования.

Вместе с тем информационные письма, коим является вышеуказанное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации, не являются нормативными правовыми актами и источниками уголовно-процессуального законодательства [2].

Однако, несмотря на указанный факт, данное письмо принято к безоговорочному исполнению

¹ Данные Информационного центра МВД по Республике Башкортостан.

прокурорами субъектов, которые указывают на незаконность принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела оперативными сотрудниками по сообщениям, подследственным следователям ОВД. Принимаемые подобным образом процессуальные решения отменяются надзирающими прокурорами как незаконные, с указанием, что процессуальное решение принято неуполномоченным лицом.

Согласно ч. 1 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование осуществляется следователями и дознавателями. Соответственно, в статье говорится о производстве предварительного расследования, которое начинается только с возбуждения уголовного дела, о чем указано в ч. 1 ст. 156 УПК РФ.

Таким образом, предусмотренная ст. 150 и 151 УПК РФ предметная подследственность преступлений определяется лишь с момента возбуждения уголовного дела. Правовых норм, указывающих на применение предметной подследственности при проведении доследственной проверки и принятии решений об отказе в возбуждении уголовного дела, законодателем не определено.

Конституционный Суд Российской Федерации изложил свою позицию по данному вопросу в определении от 13.10.2009 № 1179-О-О¹, согласно которой ст. 151 УПК РФ не регламентирует порядок проведения доследственной проверки по сообщению о преступлении.

Указанная позиция представляется нам верной. Так, в ст. 144 УПК РФ законодатель возлагает, в том числе, на орган дознания обязанности по приему и проверке сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении, а также по принятию процессуального решения в пределах своей компетенции, в соответствии со ст. 145 УПК РФ.

Кроме того, положения ч. 2 ст. 21 УПК РФ обязывают орган дознания в рамках осуществления функции уголовного преследования в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления и изобличению лиц, виновных в их совершении.

Таким образом, действующее законодательство указывает на возможность органа дознания принимать решение по результатам проверки сообщения о преступлении, включая право вынесения постановлений об отказе в их возбуждении по сообщениям о преступлениях, подследственным следователям ОВД.

Вместе с тем, на наш взгляд, главным критерием оценки эффективности деятельности правоохранительных органов, содержащимся, как правило, в общественном мнении, является способность выполнять возложенные на них задачи. В связи с этим для граждан, обратившихся с заявлением или сообщением, не имеет существенного значения, сотрудником какой именно службы ОВД будут проводиться необходимые проверочные мероприятия по установлению всех обстоятельств и защите нарушенных законных прав и интересов.

Кроме того, оперативные подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции являются субъектами как оперативно-розыскной (на основании Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), так и уголовно-процессуальной деятельности на основании ст. 40 УПК РФ. В целях реализации последней функции пунктом 27 раздела № 24 Типового положения, утвержденного совместным приказом от 29.12.2005 «О едином учете преступлений»², предусмотрены полномочия начальника органа дознания, начальника ОВД по изданию организационно-распорядительного документа по возложению обязанностей (прав) по проверке сообщений о преступлениях, в том числе и принятию по их результатам решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ, на иных должностных лиц этого же органа с учетом степени юридической подготовки.

Таким образом, руководитель территориального ОВД – в качестве начальника органа дознания вправе поручить (делегировать) выполнение доследственных проверочных мероприятий подчиненному должностному лицу – оперативному уполномоченному подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, получив указание, должен провести доследственную проверку по поступившему сообщению о преступлении и принять процессуальное решение в порядке ст. 144 – 145 УПК РФ.

С целью минимизации возникших затруднений в работе следственных и оперативных подразделений по проведению доследственных проверок руководители ОВД некоторых субъектов издали внутриведомственные нормативные правовые акты, устанавливающие обязанности каждого из субъектов проведения проверки.

Отметим, что в связи с этим издано межведомственное указание Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, СК РФ, ФСБ РФ, ФТС РФ от 23.07.2020

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.Н. Стурова на нарушение его конституционных прав п. 6 ч. 2 ст. 151 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2009 № 1179-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.07.2021).

² О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/ 1070/ 1021/ 253/ 780/ 353/ 399. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.06.2021).

№ 387/49/1/7985/1/218/266-р «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности», в котором говорится об обеспечении проведения процессуальных проверок в указанной сфере только уполномоченными должностными лицами в соответствии с правилами подследственности, определенными ст. 151 УПК РФ.

Целью данного межведомственного указания является недопущение незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность путем проведения необоснованных доследственных проверок и возбуждения уголовных дел. Таким образом, руководство правоохранительных ведомств пытается максимально оградить предпринимателей от необоснованного уголовного преследования. Вместе с тем далеко не все преступления экономической и коррупционной направленности совершены индивидуальными предпринимателями и членами органа управления коммерческой организации. Зачастую противоправные деяния совершаются должностными лицами, не отнесенными к числу руководителей коммерческой организации, руководителями государственных, муниципальных и иных некоммерческих организаций, а также под видом осуществления предпринимательской деятельности, когда индивидуальный предприниматель либо коммерческая организация какой-либо финансово-хозяйственной деятельности не осуществляют и созданы с целью совершения хищения.

Обсуждение и заключения

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что в настоящее время возникла необходимость полномасштабного обсуждения обозначенной проблематики и разрешения возникающих разногласий и неоднозначных суждений. По нашему мнению, данные противоречия должны разрешаться с учетом приведенных разъяснений

Конституционного Суда Российской Федерации и буквального толкования положений уголовно-процессуального законодательства, то есть в пользу подтверждения полномочий сотрудников подразделений полиции, не являющихся по должности следователями и дознавателями, по проведению проверок и рассмотрению сообщений о преступлениях в порядке, предусмотренном УПК РФ. Проведение сотрудниками уголовного розыска и подразделений по борьбе с экономическими преступлениями доследственных проверок по заявлениям и сообщениям граждан при использовании всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий позволит своевременно устанавливать свидетелей, очевидцев и лиц, совершивших преступления, а также обстоятельства, имеющие доказательственное значение.

Кроме того, возложение полномочий по рассмотрению материалов доследственной проверки и принятию по ним решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ, на должностных лиц органа дознания, на наш взгляд, должно относиться к компетенции руководителей территориальных ОВД на районном уровне, исходя из оперативной обстановки и нагрузки на подчиненных сотрудников с учетом основной функции органов предварительного следствия по осуществлению уголовного судопроизводства по уголовным делам при соблюдении принципов неотвратимости наказания и обеспечения конституционных прав граждан.

Полагаем, что перекладывание обязанностей по проведению доследственной проверки и принятию процессуальных решений по всем материалам на следователей приведет к чрезмерному перенапряжению следственных органов и снижению результативности расследования по уголовным делам. Полагаем также, что необходимо проработать механизм повышения эффективности работы следственных подразделений с целью исключения негативных последствий от подобных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лошкарев В.В. Досудебная стадия уголовного процесса // Законность. 2017. № 5. С. 50 – 53.
2. Воскобойник И.О., Рыт'ков А.А. Неполнота уголовно-процессуального регулирования и «недостатки» прокурорского надзора за законностью и обоснованностью решений об отказе в возбуждении уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (43). С. 17 – 19.
3. Калиновский К.Б., Четин А.Е. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 10 – 14.

REFERENCES

1. Loshkarev V.V. Dosudebnaya stadiya ugovornogo processa // Zakonnost'. 2017. № 5. S. 50 – 53.
2. Voskobjnik I.O., Rytkov A.A. Nepochnota ugovorno-processual'nogo regulirovaniya i «nedostatki» prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu i obosnovannost'yu reshenij ob otkaze v vozbuzhdenii ugovornogo

dela // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1 (43). S. 17 – 19.

3. Kalinovskij K.B., Shechetin A.E. Zashchita prav poterpevshih ot prestuplenij v stadii возбуждениya ugovnogo dela rossijskogo ugovnogo processa // Rossijskij sledovatel'. 2015. № 9. S. 10 – 14.

Сведения об авторе:

Абдразяпов Ранис Ришатович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
e-mail: ranis_a2009@mail.ru

© Абдразяпов Р.Р., 2021

About the author:

Abdrazyapov Ranis R., Candidate of Law (Research doctorate) Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of MIA of Russia
e-mail: ranis_a2009@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 20.07.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК 343.144:004.773.5(470)

DOI: 10.37973/KUI.2021.36.11.014

А.А. Афанасьева

ДИСТАНЦИОННЫЙ ДОПРОС: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

REMOTE INTERROGATION: STATUS AND PROSPECTS

Введение: в статье рассматриваются вопросы применения видео-конференц-связи при производстве следственных и иных процессуальных действий.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили методы синтеза, научного познания, логический, сравнительно-правовой, а также другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования: в статье осуществлен анализ практики применения видео-конференц-связи, свидетельствующий о ее важности и необходимости использования.

Обсуждение и заключения: на основании проведенного исследования сделано заключение, что применение видео-конференц-связи при производстве следственных и иных процессуальных действий будет способствовать повышению эффективности расследования по уголовному делу.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, следственные действия, иные процессуальные действия, расследование уголовного дела

Для цитирования: Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 370-374. DOI: 10.37973/KUI.2021.36.11.014

Introduction: this article discusses video conferencing in investigative and other procedural actions, the algorithm for investigative actions when using video conferencing.

Materials and Methods: the methodological basis of the study became the methods of synthesis, scientific cognition, logical, comparative legal, and other private methods of studying legal phenomena.

Results: the article analyzed the usage of video conferencing that proved the need for its usage.

Discussion and Conclusions: based on the conducted study, the author concluded that the usage of video-conference communication, during the production of investigative and other procedural actions will increase the effectiveness of the investigation in a criminal case.

Keywords: video-conference communication, investigative actions, other procedural actions, investigation of a criminal case

For citation: Afanasjeva A.A. Remote Interrogation: Status and Prospects // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 370-374. DOI: 10.37973/KUI.2021.36.11.014

Введение

Производство следственных действий посредством видео-конференц-связи на досудебной стадии уголовного судопроизводства предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) только в рамках оказания международной правовой помощи. Закон Российской Федерации, как и Уголовно-процессуальный кодекс Монголии (далее – УПК Монголии), не содержит положений о допросе с применением видеосвязи при осуществлении

расследования. УПК РФ предоставляет такую возможность лишь на судебной стадии (ст. 278.1 УПК РФ), таким же правом пользуются судьи Монголии на основании ст. 35.17 УПК Монголии, согласно которой в целях обеспечения полного рассмотрения дела суд на основании ходатайства участников либо по инициативе суда вправе задавать вопросы, отвечать, заслушать показания свидетеля дистанционно с помощью специально оборудованного помещения, предназначенного для судебного заседания.

Обзор литературы

Настоящее исследование подготовлено на основе практического опыта применения видео-конференц-связи в Российской Федерации. С учетом требований Федерального закона Российской Федерации от 07.02.2011 №3-ФЗ «О полиции», обязывающей полицию использовать в своей деятельности достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационную инфраструктуру, необходимо внедрение телекоммуникационных методов проведения следственных действий с использованием сервиса видео-конференц-связи¹.

С.П. Желтобрюхов предлагает считать нахождение участника уголовного процесса в дальнейшем плавании, в геологоразведочных партиях или зимовках, на антарктических станциях или сезонных полевых базах, удаленных от мест расположения органов предварительного следствия и дознания, либо за пределами Российской Федерации в качестве основания для проведения следственного действия с помощью видео-конференц-связи [1, с. 63].

Вопросы применения видео-конференц-связи на стадии расследования уголовных дел рассматривали такие ученые-процессуалисты, как А.Н. Мартынов, Е.Г. Кравец, Н.В. Шувалов [2, с. 128], С.П. Щерба и Е.А. Архипова [3, с. 56].

Материалы и методы

В статье проанализирована правоприменительная практика использования видеосвязи при производстве следственных действий с 2018 года по 2020 г., при расследовании уголовных дел № 11801750094000597 и № 12001800043001461. Приводятся аргументы, обосновывающие необходимость ее применения. Применялись методы синтеза, компаративного анализа, научного познания, логический, сравнительно-правовой, а также другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования

Несмотря на отсутствие правовой регламентации применения видео-конференц-связи в действующем законодательстве, все чаще должностные лица, ведущие расследование по уголовным делам, прибегают к использованию видео-конференц-связи в рамках расследования.

Производство следственных действий посредством видео-конференц-связи на досудебной стадии уголовного судопроизводства осуществляется в настоящее время в единичных случаях. Рассмотрим их на примере конкретных уголовных дел. Положительный опыт проведения следственных

действий посредством видео-конференц-связи в ходе досудебного производства имеется, в частности, в г. Челябинске.

В 2018 году одним из первых применил видео-конференц-связь при производстве следственного действия Отдел полиции Калининский г. Челябинска.

В рамках расследования уголовного дела №11801750094000597 по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), возникла необходимость проведения очной ставки. Однако свидетель проживал в Ханты-Мансийском автономном округе (далее – ХМАО) и его приезд требовал дополнительных финансовых затрат, в результате была организована видеосвязь для осуществления очной ставки между потерпевшим, который находился в г. Челябинске, и указанным свидетелем².

Следователем г. Челябинска направлено поручение в ХМАО для организации проведения данного следственного действия.

Протокол и следственное действие на территории г. Челябинска вел следователь, в производстве которого находилось уголовное дело. Кроме того, помещение было заранее оснащено видеокамерой, а для фиксации хода и результатов следственного действия был приглашен специалист, о чем сделана соответствующая запись в протоколе. Извещенные о месте и времени производства следственного действия участники, находясь в разных местах, подключились к видеосвязи.

Ввиду отсутствия опыта проведения очной ставки посредством видео-конференц-связи протокол очной ставки велся следователем в г. Челябинске, он поочередно задавал вопросы каждому из участников и заносил их в протокол.

По окончании очной ставки был составлен один протокол в г. Челябинске, который после подписания потерпевшим и следователем посредством факсимильной связи направлен в ХМАО для подписания свидетелем. Оригинал протокола направлен почтовой связью в г. Челябинск для приобщения к материалам уголовного дела³.

Также опыт проведения допроса с применением видео-конференц-связи имеется в г. Нефтекамске Республики Башкортостан.

Расследуя уголовное дело №12001800043001461 по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 226 УК РФ, следователь принял решение о проведении очной ставки с применением видео-конференц-связи. Обстоятельством для этого послужил отъезд потерпевшего М. в Республику Германия на длительное время. Для полного и

¹ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 февраля. С. 11.

² Уголовное дело № 11801750094000597 // СО Отдела полиции «Калининский» УМВД России по г. Челябинск Оп. 1. 120 л.

³ Уголовное дело № 12001800043001461 // ОМВД России по г. Нефтекамск Республики Башкортостан Оп. 1. 156 л.

всестороннего расследования следователь привлек специалиста для осуществления фиксации следственного действия посредством видеокамеры. Сам допрос потерпевшего и очная ставка были проведены при помощи мессенджера WhatsApp. Обговорив время проведения следственных действий, потерпевший М. ответил на поступивший видеозвонок следователя, после чего следователь разъяснил потерпевшему его права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, предупредил его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, дачу заведомо ложных показаний и начал его допрос. После окончания допроса по видеосвязи была проведена очная ставка между потерпевшим М. и подозреваемым М. Объяснив порядок следственного действия, следователь провела очную ставку, протокол которой был подписан лишь одной стороной: подозреваемым М. и его защитником. После протокол приобщен к материалам уголовного дела. Далее видеозапись была осматрена в ходе осмотра предметов и признана вещественным доказательством.

По окончании расследования уголовное дело было направлено прокурору г. Нефтекамска, который после его изучения принял решение о возврате уголовного дела на дополнительное расследование. Основанием для этого послужило следующее: потерпевший не был письменно предупрежден об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ, а также было указано на то, что производство таких следственных действий с применением видео-конференц-связи не имеет правовой регламентации. В результате руководитель следственного органа своим постановлением признал допрос потерпевшего и очную ставку с его участием недопустимыми доказательствами. Выходом из сложившейся ситуации стало признание представителем потерпевшего родного брата потерпевшего, который находился в г. Нефтекамске, именно с ним были проведены следственные действия. В марте 2021 года указанное уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Рассмотренный пример нельзя назвать отрицательным лишь только потому, что проведенное таким образом следственное действие было поставлено контролирующим органом под сомнение, поскольку нет регламентации и единой практики его применения. При проведении следственных действий следователи и дознаватели фактически формируют собственную следственную практику, сталкиваясь с определенными проблемами. Однако можно с уверенностью сказать, что применение и использование при производстве предварительного расследования видео-конференц-связи повышает эффективность деятельности органов предварительного расследования, так

как существенно сокращаются сроки расследования, снижаются материальные затраты на прибытие следователя, дознавателя к месту нахождения допрашиваемого, а также их проживания. Кроме того, это и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, поскольку новые технологии позволяют проводить допрос с изменением внешности и голоса с целью минимизации оказания какого-либо воздействия на участников уголовного судопроизводства. В настоящее время в условиях противодействия распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции COVID-19 сокращается количество контактов как следователя, дознавателя, так и допрашиваемых лиц, что позволяет уменьшить вероятность заражения в период распространения инфекционных заболеваний.

Кроме того, следователю, дознавателю предоставляется дополнительное (помимо протокола) средство фиксации хода и результатов производимого следственного действия – видеозапись как носитель объективной информации.

Анализ опыта, наработанного органами предварительного расследования России, позволяет предложить следующий алгоритм производства следственных действий посредством проведения видео-конференц-связи:

а) перед проведением следственного или иного процессуального действия следователь, осуществляющий предварительное следствие по уголовному делу, с помощью должностного лица, исполняющего поручение следователя и находящегося в территориальном органе внутренних дел по месту нахождения участвующего в данном действии лица, удостоверяется в личности данного лица, а также разъясняет ему права, обязанности и ответственность, связанные с проведением конкретного следственного действия;

б) с учетом территориальной протяженности Российской Федерации и разницы часовых поясов в протоколе следственного либо иного процессуального действия указывается время и место по нахождению следователя, осуществляющего предварительное следствие по уголовному делу, а в самом протоколе фиксируются время и место согласно местонахождению участвующего в этом действии лица;

в) протокол следственного или иного процессуального действия составляется следователем, осуществляющим предварительное следствие по уголовному делу. По окончании его заполнения и прочтения вслух следователем протокол направляется посредством электронной почты интегрированной системы обмена данными МВД России в электронной форме в территориальный орган вну-

тренних дел по месту нахождения допрашиваемого лица непосредственно должностному лицу, исполняющему поручение, который предъявляет его для ознакомления и подписания участникам следственного действия.

При этом в протоколе следственного или иного процессуального действия в качестве одного из участвующих лиц указывается должность, фамилия и инициалы должностного лица, исполняющего поручение следователя.

После внесения в протокол замечаний, заявлений и его подписания участниками следственного действия должностное лицо, исполняющее поручение следователя, подписывает его в качестве участвующего лица, удостоверяя факт надлежащей организации проведения следственного действия по месту своего нахождения.

После подписания должностное лицо, исполняющее поручение следователя, направляет посредством электронной почты интегрированной системы обмена данными МВД России (ИСОД) сканированную копию протокола следователю, осуществляющему предварительное следствие по уголовному делу, а оригинал и представленные участниками следственного действия материалы отправляет посредством фельдшерской связи также следователю, осуществляющему предварительное следствие по уголовному делу.

Полученную сканированную копию протокола лицо, ведущее расследование по уголовному делу, распечатывает, подписывает и приобщает его к материалам уголовного дела. Оригинал протокола следственного действия приобщается к материалам уголовного дела после его получения;

г) необходимо ведение видеозаписи следственного действия с применением технических средств в целях удостоверения надлежащего обеспечения прав участников следственного или иного процессуального действия, проведенного посредством видео-конференц-связи, а также достоверности

отраженных в протоколе сведений. Впоследствии необходимо осмотреть данную видеозапись в ходе осмотра предметов и приобщить ее к материалам уголовного дела.

Вместе с тем не все следственные и иные процессуальные действия возможно провести посредством видео-конференц-связи.

Наиболее целесообразным представляется проведение посредством видео-конференц-связи следующих следственных и процессуальных действий:

1) допроса свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей;

2) очной ставки;

3) предъявления для опознания;

4) ознакомление участников уголовного судопроизводства с процессуальными документами, заключениями экспертиз.

Проведение посредством видео-конференц-связи таких следственных действий, как освидетельствование, следственный эксперимент, проверка показаний на месте и получение образцов для сравнительного исследования, является нецелесообразным с учетом их специфики.

Обсуждение и заключения

На основании изложенного, в целях совершенствования правовой регламентации использования систем видео-конференц-связи, полагаем, что необходимо внести изменения в главу 22 УПК РФ, предоставив должностному лицу, ведущему расследование, возможность применения видео-конференц-связи при производстве следственных и иных процессуальных действий, что позволит сократить сроки расследования, обеспечить одновременное расследование большего количества уголовных дел, а также более высокий уровень безопасности участников процесса и экономию бюджетных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Желтобрюхов С.П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видеоконференцсвязи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 63-64.
2. Мартынов А.Н., Кравец Е.Г., Шувалов Н.В. Организационно-тактический модуль дистанционных следственных действий // Криминологические проблемы правоохранительной деятельности: Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 128-129.
3. Щерба С.П., Архипова Е.А. Применение видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 56-57.

REFERENCES

1. Zheltobryuhov S.P. O neobhodimosti predostavleniya organu predvaritel'nogo rassledovaniya vozmozhnosti primeneniya videokonferencsvyazi na stadii dosudebnogo proizvodstva // Rossijskaya yusticiya. 2016. № 1. S. 63-64.

2. Martynov A.N., Kravec E.G., SHuvalov N.V. Organizacionno-takticheskij modul' distancionnyh sledstvennyh dejstvij // Kriminologicheskie problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti: trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4 (44). S. 128-129.

3. SHCHerba S.P., Arhipova E.A. Primenenie video-konferenc-svyazi v ugovnom sudoproizvodstve Rossii i zarubezhnyh stran: opyt, problemy, perspektivy: monografiya. M.: YUrlitinform, 2016. S. 56-57.

Сведения об авторе:

Афанасьева Анна Александровна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
e-mail: a3.afanaseva@gmail.com

© Афанасьева А.А., 2021

About the author:

Afanasyeva Anna A., Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of MIA of Russia
e-mail: a3.afanaseva@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 03.06.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

Т.И. Гарипов

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ЭКСТРАДИЦИИ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

LEGISLATIVE AND LAW
ENFORCEMENT CHALLENGES OF EXTRADITION
IN THE CRIMINAL PROCESS

Введение: в статье рассмотрены основные законодательные и правоприменительные проблемы экстрадиции в современном уголовном процессе России. Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости укрепления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, в особенности при организации розыска, задержания и передачи лиц, скрывшихся от уголовного преследования на территории иностранных государств. Необходимость тщательного анализа нормативно-правовой базы и правоприменительной практики такого сотрудничества отражает потребность современного общества в укреплении законности и правопорядка.

Материалы и методы: в ходе исследования были использованы действующие нормативные акты и научные публикации по рассматриваемой теме. В ходе анализа материалов исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания государственно-правовой действительности, отражающие содержание рассмотренных правовых институтов.

Результаты исследования: в результате исследования были проанализированы нормативные положения и правоприменительная практика института экстрадиции на современном этапе развития отечественного уголовного процесса. Подняты проблемы отдельных аспектов выдачи лиц для уголовного преследования, а также продемонстрирована взаимосвязь правовых норм института экстрадиции с другими институтами уголовно-процессуального права.

Обсуждение и заключения: сформулированы соответствующие выводы о необходимости дальнейшего совершенствования правовой регламентации экстрадиции в уголовном судопроизводстве, а также предложены изменения в действующий уголовно-процессуальный закон для устранения некоторых правовых пробелов в рассматриваемой сфере деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача лица для уголовного преследования, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, заключение под стражу, задержание, ходатайство прокурора.

Для цитирования: Гарипов Т.И. Законодательные и правоприменительные проблемы экстрадиции в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 375-382. DOI: 10.37973/KUI.2021.93.50.015

Introduction: the article considers the main legislative and law enforcement problems of extradition in the modern criminal process of Russia. The relevance of this study lies in the need to strengthen international cooperation in criminal justice, especially in the organization of the search, detention and transfer of persons who have fled from criminal prosecution on the territory of foreign states. The need for a thorough analysis of the regulatory framework and law enforcement practice of such cooperation reflects the need of modern society to strengthen the rule of law and the rule of law.

Materials and Methods: in the course of the study, the current regulations and scientific publications on the topic under consideration were used. In the course of the analysis of the research materials, general scientific and private scientific methods of cognition of state-legal reality were used, reflecting the content of the legal institutions considered.

Results: as a result of the study, the normative provisions and law enforcement practice of the Institute of extradition at the current stage of the development of the domestic criminal process were analyzed. The problems of certain aspects of the extradition of persons for criminal prosecution are raised, and the relationship of the legal norms of the institute of extradition with other institutions of criminal procedure law is also demonstrated.

Discussion and Conclusions: relevant conclusions were formulated on the need for further improvement of the legal regulation of extradition in criminal proceedings, as well as amendments to the current criminal procedure law were proposed to eliminate some legal gaps in the field of law enforcement activities under consideration.

Keywords: extradition, extradition of a person for criminal prosecution, international cooperation in the field of criminal proceedings, detention, prosecutor's request.

For citation: Garipov T.I. Legislative and Law Enforcement Challenges of Extradition in the Criminal Process // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 375-382. DOI: 10.37973/KUI.2021.93.50.015

Введение

Несмотря на временное ограничение права граждан на свободу передвижения, установленное в различных государствах в период борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), возможность беспрепятственного пересечения государственной границы большинства государств существует. Это означает, что лица, совершившие преступление, также могут покинуть территорию той или иной страны, чтобы избежать уголовной ответственности. В связи с этим существует объективная необходимость в совершенствовании системы и правовых механизмов взаимодействия государств в сфере розыска, задержания и передачи (экстрадиции) подозреваемых и обвиняемых, покинувших пределы государства, на территории которого ими совершено преступление, и скрывающихся на территории иностранного государства [1, с.328].

Обзор литературы

Вопросы института экстрадиции неоднократно становились объектом исследования на диссертационном и монографическом уровнях. Об этом свидетельствуют исследования таких авторов, как Ю.Г. Васильев, К.Е. Колибаб, Ю.В. Минкова, О.Б. Лысягин, А.К. Строганова, Н.А. Сафаров, Д.Н. Шурухнова и др. Кроме этого, в связи с развитием международно-правовой базы института экстрадиции в периодической литературе продолжают выходить публикации, посвященные отдельным аспектам данного направления международного сотрудничества. Отдельные работы в последнее время были посвящены вопросам применения мер процессуального принуждения в отношении иностранных граждан в целях их экстрадиции [2].

Материалы и методы

В ходе настоящего исследования применялись различные методы познания объективной государственно-правовой действительности, среди которых следует выделить формально-логический, системно-структурный, сравнительно-пра-

вовой и другие методы. В качестве базового метода выступил системный анализ законодательства и правоприменительной практики в его взаимосвязи с основными положениями норм международного права, регламентирующих вопросы выдачи лиц для уголовного преследования.

Результаты исследования

Международное сотрудничество в сфере выдачи лиц для уголовного преследования планомерно продолжается. Об этом свидетельствуют результаты служебной деятельности правоохранительных органов. Так, 15 июля 2021 г. был экстрадирован гражданин России, скрывавшийся на территории Германии и объявленный в международный розыск за совершение преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности¹.

Указанная сфера деятельности, несомненно, является объектом пристального внимания со стороны компетентных правоохранительных органов. Основная организационная и регулирующая роль в вопросах экстрадиции принадлежит Генеральной прокуратуре Российской Федерации (далее – Генпрокуратура РФ), которая продолжает совершенствование нормативно-правовой базы рассматриваемого института. Например, 5 марта 2018 года было издано указание Генпрокуратуры РФ № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора»².

Однако, несмотря на кажущуюся высокую степень правовой регламентации рассматриваемого уголовно-процессуального института экстрадиции, степень его научной разработанности характеризуется определенной фрагментарностью и отсутствием целостности. Так, некоторые авторы в своих исследованиях рассматривают лишь отдельные аспекты вопросов экстрадиции, не принимая во внимание комплексный, межотраслевой характер настоящего процессуального института [3, с. 8]. Поэтому институт выдачи лица для уголовного

¹ Обвиняемого в тяжких преступлениях экстрадировали из Германии в Россию. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/25038484/>, доступ свободный (дата обращения: 19.07.2021).

² О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора: указание Генпрокуратуры России от 05.03.2018 № 116/35 // Законность. 2018. № 4.

преследования, несмотря на свою значимость, наукой уголовно-процессуального права исследован недостаточно. Кроме этого, отсутствие необходимого научного и организационно-методического обеспечения процедуры экстрадиции порождает значительный объем проблем правоприменительной практики. К наиболее существенным проблемам, возникающим в правоприменительной практике института экстрадиции, относится правовой дисбаланс в определении содержания статуса лица, подлежащего выдаче при применении к нему задержания и иных мер пресечения, что зачастую влечет за собой необоснованное ограничение и нарушение прав такого лица. Усугублению данной проблемы способствует также правовая неопределенность положений международных договоров, заключенных Российской Федерацией с рядом иностранных государств по вопросам экстрадиции. Так, между Россией и Польшей существует договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам,¹ в котором раскрываются общие положения оказания взаимной правовой помощи при отправлении правосудия, в том числе в части, касающейся экстрадиции. Несмотря на то, что в целом положения указанного договора соответствуют российскому уголовно-процессуальному законодательству, данный нормативный акт не лишен коллизий и недостатков. Например, в ч. 2 ст. 68 указанного договора компетентные учреждения юстиции могут принять решение об аресте лица, если имеются достаточные основания подозревать, что оно совершило на территории другой договаривающейся стороны преступление, влекущее выдачу. В ч. 1 этой же статьи также указано, что арест выдаваемого лица может быть осуществлен и до фактического получения требования о выдаче, если одна из сторон потребует этого лишь со ссылкой на соответствующее постановление об аресте. Очевидно, что в рамках настоящего договора стороны стремились предусмотреть возможность оперативных действий, направленных на задержание лиц, в том числе совершивших особо тяжкие преступления. Однако в условиях необходимости соблюдения норм национального законодательства, а тем более международных актов о правах человека, любые ограничения личных прав, в том числе на свободу передвижения, недопустимы в отсутствие конкретных на то оснований. На примере указанных выше норм мы, к сожалению, наблюдаем обратное.

В связи с этим становится актуальным вопрос об определении процессуального положения лица, которое подлежит выдаче. Отдельные авторы высказывают замечание к формулировке «выдача преступника», которая используется в некоторых источниках и законодательных актах отдельных стран. Так, подобная формулировка в корне противоречит такому базовому принципу уголовного судопроизводства, как презумпция невиновности [4, с. 17]. Если процессуальный статус лица, в отношении которого Российской Федерацией направлен запрос о выдаче, следует определять исходя из положений ст. 46, 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ), то вопрос о положении лица, находящегося на территории России, в отношении которого от иностранного государства поступил запрос о выдаче, остается открытым [5, с. 250]. Отсутствие четких критериев определения процессуального статуса данных лиц следует отметить также в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации³. Актуальность данного вопроса может быть подтверждена, если мы обратимся к уголовно-процессуальному законодательству некоторых иностранных государств, в которых основания и процессуальный порядок получения соответствующего процессуального статуса несколько отличаются. Так, например, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Польша понятие подозреваемого в качестве процессуального статуса отсутствует, а статус обвиняемого лицо приобретает лишь с момента передачи уголовного дела прокурором в суд [6, с. 314]. Аналогичный порядок приобретения процессуального статуса обвиняемого также предусмотрен в уголовно-процессуальном законодательстве Испании [6, с. 642].

При этом положение лиц, подлежащих выдаче, не нашло своего отражения и в УПК РФ, что, несомненно, негативно сказывается на основных гарантиях прав и свобод человека, установленных международно-правовыми актами. Тем не менее нельзя отрицать, что данные лица вступают в полноценные уголовно-процессуальные отношения, приобретая при этом полный комплекс прав и обязанностей, следовательно, также являются участниками уголовного судопроизводства. Данный факт отмечает П.Н. Бирюков, который высказал идею, что, несмотря на отсутствие формальной регламентации статуса участника уголовного процесса в действу-

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1996 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. № 5. С. 56 – 86.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8.

ющем УПК РФ, лица, в отношении которых поступил запрос о выдаче, имеют полное право на защиту от уголовного преследования, а в обязанности должностных лиц входит обеспечить им это право [7, с. 193]. Аналогичное мнение высказывает А.А. Насонов, который отмечает, что при невыполнении указанных требований государство отказывается от взятых на себя международно-правовых обязательств по соблюдению основных прав и свобод человека и гражданина [8, с. 103].

Одним из немаловажных аспектов института экстрадиции в уголовном судопроизводстве является порядок применения мер процессуального принуждения в ходе ее реализации, а именно задержание и дальнейшее применение меры пресечения в виде заключения под стражу. Уголовно-процессуальный закон определяет порядок избрания меры пресечения в отношении выдаваемого лица в положениях ст. 466 УПК РФ со ссылкой на соответствующую главу 13 УПК РФ, определяющую общий порядок избрания мер пресечения в случае отсутствия решения иностранного суда об аресте выдаваемого лица. Однако в соответствующих нормах определяется порядок избрания меры пресечения следователем или дознавателем, то есть лицом, в производстве которого находится уголовное дело о преступлении, совершенном на территории РФ, а не тем лицом, которое осуществляет производство об экстрадиции. Кто в таком случае должен ходатайствовать перед судом: следователь или дознаватель? И как определить подследственность такого производства? В связи с этим, на наш взгляд, в законодательстве образовалась правовая неопределенность в части определения субъекта и оснований для избрания меры пресечения при производстве экстрадиции. Этому также способствует отсылочный характер ч. 1 ст. 466 УПК РФ, в которой определяется, что прокурор лишь решает вопрос о мере пресечения, а сам процессуальный порядок такого производства определяется в общих нормах главы 13 УПК РФ. Полагаем, что в данной ситуации полномочием по возбуждению перед судом соответствующего ходатайства обладает прокурор или если решение иностранного суда о заключении под стражу уже поступило, то прокурор самостоятельно инициирует применение данной меры пресечения. Однако следует отметить, что в законе процессуальная форма такого решения не определена (ни в положениях ст. 108 УПК РФ, ни в ст. 466 УПК РФ), мы можем предположить, что это будет соответствующее постановление прокурора. Остается ряд неразрешенных вопросов, которые возникают при необходимости задержания выдаваемого лица. Так, в ст. 91 УПК РФ установлен исчерпывающий перечень оснований для задержания лица, подозреваемого

в совершении преступления. Среди этого перечня нет ни слова о необходимости передачи лица иностранному государству для уголовного преследования. Следует ли считать производимое задержание законным и обоснованным при таких условиях? На наш взгляд, в данном случае налицо явный законодательный пробел. При этом, принимая во внимание случаи, когда при отсутствии решения суда иностранного государства прокурор самостоятельно вынужден ходатайствовать перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, полагаем, что возникает закономерный вопрос о субъектах и порядке уголовно-процессуального задержания. Следует ли прокурору поручать фактическое задержание выдаваемого лица органу дознания? Если да, то отражаются ли его ход и результаты задержания в протоколе и кто должен его составить: сам прокурор или сотрудник органа дознания или задерживать лицо самостоятельно, что в обязанности прокурора не входит? Данный вопрос положениями ст. 91, 92 УПК РФ урегулирован недостаточно, поскольку, как нами отмечалось ранее, подозреваемый и лицо, в отношении которого осуществляется производство об экстрадиции, имеют различные по своей правовой природе и содержанию процессуальные положения, соответственно, и подход в определении процессуального порядка применения мер принуждения должен в таком случае отличаться. Кроме того, возникает вопрос о допустимости избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче. Поскольку ч. 5 ст. 108 УПК РФ предполагает принятие подобного решения лишь в отношении обвиняемого, признанного таковым в порядке, определенном законодательством РФ, и при объявлении его в международный или межгосударственный розыск возникает проблема принятия заочного решения о заключении под стражу в ходе процедуры экстрадиции. Может возникнуть ситуация, когда такое лицо в международной или межгосударственный обыск не объявлено, а требование об экстрадиции этого лица уже поступило. В таком случае принятие заочного решения о применении меры пресечения следует считать незаконным.

Наличие столь многочисленных правовых пробелов в вопросах избрания меры пресечения при экстрадиции порождает необоснованное расширительное толкование норм и ограничение прав лица, выдаваемого иностранному государству, в частности, его права на защиту.

На основании изложенного предлагаем внести в ст. 91 УПК РФ следующие изменения, дополнив данную статью ч. 3 текстом следующего содержания:

«3. При необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лица, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче, прокурор поручает его задержание органу дознания».

По нашему мнению, уголовно-процессуальный статус обвиняемого и подозреваемого существенно отличается от статуса лица, в отношении которого иностранным государством направлен запрос об экстрадиции. Это обусловлено правовой природой процессуального статуса такого лица, поскольку аналогичный обвиняемому участник уголовного судопроизводства вовлекается в уголовно-процессуальную сферу по законодательству иностранного государства, что не определяет обязанность России признавать подобное решение на собственной территории в качестве юридически приемлемого, в ином случае это нарушило бы суверенную независимость государства.

В связи с этим полагаем целесообразным включение в перечень участников уголовного судопроизводства лица, в отношении которого осуществляется производство о выдаче иностранному государству, а также уголовно-процессуальную регламентацию его статуса в соответствующих правоотношениях. Кроме того, положения ст. 108 УПК РФ необходимо конкретизировать по отношению к порядку применения заключения под стражу к лицу, подлежащему выдаче.

Еще одним фактором, влияющим на эффективность правоприменения уголовно-процессуальных норм об экстрадиции, является существенное ограничение права лица, подвергаемого экстрадиции, на услуги переводчика. С учетом характера ограничительных мер, которые вводятся в отношении лиц, подлежащих экстрадиции, право на использование родного языка и вытекающие из него услуги переводчика являются ключевыми в обеспечении основных прав и свобод в уголовном процессе. Обеспечение подобного права особенно актуально в ходе применения мер принуждения, когда условия и основания избрания меры пресечения или производства задержания должны быть доступно объяснены лицу на языке, которым он владеет. Это положение закреплено отдельными национальными и международными правовыми актами в области прав человека, нормы которых содержатся в ст. 19 Конституции Российской Федерации, ст. 18 УПК РФ, а также ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. 14 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденного Генеральной Ассамблеей ООН.

Обеспечение участия переводчика в процессуальных действиях в отношении лица, подлежащего

выдаче, также выступает приоритетным направлением в деятельности правоохранительных органов, что отражается в п. 1.2.3 указания Генпрокуратуры РФ от 05.03.2018 № 116/35, которое обязывает прокурора принимать меры по привлечению переводчика в случае получения объяснения от лица, подлежащего выдаче. Помимо этого, п. 1.2.8 данного указания регламентирует порядок перевода на родной язык решения Генпрокурора РФ о выдаче лица.

Вполне закономерно выступает необходимость регламентации участия переводчика в процессуальных действиях в связи с экстрадицией, однако, несмотря на наличие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве соответствующих норм, многие вопросы правоприменительной практики продолжают оставаться неразрешенными. Несовершенство работы правоприменителя по привлечению переводчиков в ходе экстрадиции также отмечается некоторыми учеными [9, с. 161].

Так, в настоящее время продолжают существовать проблемы по привлечению переводчиков в ходе предварительной проверки, осуществляемой прокуратурой в отношении лиц, подлежащих выдаче. Также схожие проблемы возникают при подготовке процессуальной документации для направления компетентным органам иностранного государства в связи с необходимостью экстрадиции. В частности, существует проблема отсутствия у органов прокуратуры соответствующих соглашений с бюро переводов. Нижестоящие органы прокуратуры подобным полномочием не обладают вовсе. В связи с этим организовать своевременный и качественный перевод в процессе экстрадиции не всегда представляется возможным ввиду препятствий как организационного, так финансового характера.

Существованию подобной проблемы также способствует отсутствие надлежащего нормативно-правового регулирования вопросов привлечения переводчиков в процессе экстрадиции. Неопределенность в порядке оплаты труда переводчика часто приводит к невозможности произвести процессуальное действие с участием иностранного гражданина, в том числе в целях экстрадиции. Однако на ведомственном уровне Генпрокуратурой РФ предпринята попытка предусмотреть нормативную основу деятельности переводчика в ходе процесса экстрадиции. Так, пункты 1.4.11, 1.7.6 указания Генпрокуратуры РФ от 05.03.2018 № 116/35 определяют порядок оплаты процессуальных издержек, связанных с оказанием услуг переводчика в ходе международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, в том числе и при экстрадиции. Так, например, п. 1.4.11 настоящего указания определяет необходимость перевода

документов, которые подлежат направлению в иностранное государство, если это необходимо в соответствии с международным правовым договором. Причем обязанность осуществления такого перевода возлагается на должностных лиц органов предварительного расследования или на региональную прокуратуру.

Соблюдение сроков ограничительных мер, связанных с экстрадицией, также является одной из существенных проблем, с которой сталкивается правоприменитель. Так, в законе не определены сроки содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче иностранному государству, а также порядок их продления. Подобное положение может существенно ограничить права человека на разумный срок судопроизводства и нарушить его право на неприкосновенность личности от необоснованного ограничения личной свободы [10, с. 201].

Ранее законодатель уже предпринял меры по восполнению пробелов уголовно-процессуального законодательства по регулированию порядка продления срока меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, Федеральным законом от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ в УПК РФ внесены изменения, которые предусмотрели полномочия прокурора по возбуждению перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей на этапе рассмотрения им поступившего уголовного дела с обвинительным заключением (актом). Таким образом, законодатель определил должностное лицо, которому необходимо обращаться в суд, чтобы продлить срок заключения под стражей. При этом на практике применяется аналогия названного закона и в случаях реализации такой формы международного сотрудничества, как направление материалов уголовного дела для уголовного преследования на территории иностранного государства, что в общих чертах регулируется в ч. 1 ст. 21 Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам¹.

Тем не менее, несмотря на возможность применения аналогии уголовно-процессуального закона, до сих пор отсутствует регламентированный порядок определения срока содержания под стражей лиц, в отношении которых направлен запрос иностранного государства о выдаче. Так,

существует правовая неопределенность в разрешении вопроса о сроке заключения под стражу при поступлении запроса о выдаче вместе с решением иностранного суда о применении названной меры пресечения. Не определены и примерные сроки содержания под стражей выдаваемых лиц. Так, в некоторых источниках встречается мнение об установлении предельных сроков от 8 месяцев до 1 года [11, с. 207].

Определенные меры по восполнению законодательных пробелов в части правового регулирования вопросов экстрадиции принимаются также Верховным Судом Российской Федерации. Так, в разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41² приводится порядок определения процессуальных сроков при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Несмотря на подобные разъяснения, следует отметить наличие необоснованно длительных сроков содержания под стражей лиц, подлежащих экстрадиции, а также отсутствие в материалах прокурора достаточных оснований для их продления. При этом права выдаваемого лица могут быть существенно нарушены, если в итоге в его передаче иностранному государству будет отказано, а лицо в период проверки прокуратурой обоснованности выдачи содержалось по стражей. В то же время, несмотря на предусмотренную ст. 466 УПК РФ возможность применения домашнего ареста в отношении лица, подлежащего выдаче, правоприменитель крайне редко применяет такое полномочие, предпочитая заключить такое лицо под стражу.

Обсуждение и заключения

Таким образом, можно заключить, что эффективность международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства обусловлена в большей степени не только качеством норм международно-правовых договоров и соглашений, но и состоянием внутреннего национального отраслевого законодательства. В частности, вопросы регламентации процессуального порядка экстрадиции в УПК РФ регламентированы недостаточно подробно и качественно, что в итоге препятствует ее эффективной реализации и укреплению международного партнерства в сфере борьбы с преступностью.

¹ Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам (ETS № 73) [рус., англ.] (Вместе со «Списком преступлений и иных, нежели предусмотренных уголовным законодательством») (Заключена в г. Страсбурге 15.05.1972) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7. С. 17 – 43.

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волеводз А.Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4(14). С. 311-328.
2. Малышева О.А., Ляtifов Р.Г. Применение мер пресечения в отношении иностранных граждан в целях их выдачи (экстрадиции): монография. М: Проспект, 2021. 168 с.
3. Гришин А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.
4. Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. 2007. № 3. С. 12-17.
5. Насонов А.А. Основания появления в российском уголовном процессе лица, выдача которого запрашивается для уголовного преследования // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 1. С. 241-250.
6. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М.: Проспект, 2018. 752 с.
7. Бирюков П.Н. Российское законодательство о выдаче преступников: проблемы и перспективы // Московский журнал международного права. 2000. № 4. С. 186-193.
8. Насонов А.А. Специфика осуществления защитных механизмов при выдаче для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 98-103.
9. Зяблина М.В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 11. С. 155-161.
10. Колдин С.В. Проблемы регламентации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, находившихся в межгосударственном розыске // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 199-201.
11. Шестакова Т.Д. Об участии иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 205-207.

REFERENCES

1. Volevodz A.G. O neobhodimosti implementacii v UPK RF mezhdunarodno-pravovyh norm o novyh napravleniyah mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2014. № 4(14). S. 311-328.
2. Malysheva O. A., Lyatifov R. G. Primenenie mer presecheniya v otnoshenii inostrannyh grazhdan v celyah ih vydachi (ekstradicii): monografiya. M: Prospekt, 2021. 168 s.
3. Grishin A.S. Organizacionno-pravovoj mekhanizm vydachi lic dlya ugovolnogo presledovaniya v rossijskom ugovolnom processe: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010. 24 s.
4. Smirnov M.I. Ponyatie i pravovaya priroda vydachi (ekstradicii) // Sovremennoe pravo. 2007. № 3. S. 12-17.
5. Nasonov A.A. Osnovaniya poyavleniya v rossijskom ugovolnom processe lica, vydacha kotorogo zaprashaetsya dlya ugovolnogo presledovaniya // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2016. № 1. S. 241-250.
6. Ugolovnyj process evropejskih gosudarstv: monografiya / pod red. V.I. Samarina, V.V. Lucika. Moskva: Prospekt, 2018. 752 s.
7. Biryukov P.N. Rossijskoe zakonodatel'stvo o vydache prestupnikov: problemy i perspektivy // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2000. № 4. S. 186-193.
8. Nasonov A.A. Specifika osushchestvleniya zashchitnyh mekhanizmov pri vydache dlya ugovolnogo presledovaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 4. S. 98-103.
9. Zyablina M.V. Realizaciya principa yazyka ugovolnogo sudoproizvodstva // Lex russica. 2016. № 11. S. 155-161.
10. Koldin S.V. Problemy reglamentacii izbraniya mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu lic, nahodivshih'sya v mezhgosudarstvennom rozyske // Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process. 2012. № 1. S. 199-201.
11. SHestakova T.D. Ob uchastii inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v rossijskom ugovolnom processe // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2012. № 2. S. 205-207.

Об авторе:

Гарипов Тимур Ильгизович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
e-mail: ti89ga@mail.ru

About the author:

Garipov Timur I., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: ti89ga@mail.ru

© Гарипов Т.И., 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 21.07.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

И.М. Гильманов

А.А. Юнусов

**ПОДСУДНОСТЬ СУДОВ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ГОНКОНГА, ИНДОНЕЗИИ,
МАЛАЙЗИИ, СИНГАПУРА И ФИЛИППИН**

**CAPACITY OF FIRST INSTANCE COURTS
IN CRIMINAL CASES OF HONG KONG, INDONESIA,
MALAYSIA, SINGAPORE AND THE PHILIPPINES**

Введение: в статье рассматриваются особенности организации деятельности судов первой инстанции по уголовным делам Гонконга, Индонезии, Малайзии, Сингапура и Филиппин. Предмет анализа – родовая подсудность уголовных дел судам первой инстанции пяти указанных стран, их сравнительный анализ, а также сравнение с подсудностью мировых судей России. Результатом таких сравнений являются предложения по усовершенствованию действующих систем по уголовным делам как указанных стран, так и России.

Материалы и методы: проводился анализ четырех документов каждой из пяти стран рассматриваемого региона – Конституция, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, а также законы или ордонанс о судебной системе. Важно отметить, что некоторые из них даже не вступили в силу, что вызвало сложность в оценке. Был осуществлен сравнительный анализ законодательств зарубежных стран с отечественными кодексами.

Результаты исследования: в статье подсудность судов первой инстанции рассматриваемых стран подвергнута сравнительному анализу с выделением правоприменительных особенностей, а также возможности использования некоторых положений в изменении подсудности мировых судей России и наоборот. Основная концепция исследования: чем больше инстанций, тем качественнее результаты деятельности судебной власти.

Обсуждение и заключения: авторами анализируются вопросы подсудности судов первой инстанции указанных стран, которые имеют большое значение при формировании подсудности этих судов. Значимость приобретают и вопросы, связанные с классификацией преступлений (категориальный аппарат). Во всех странах, подвергнутых анализу, различный подход к вопросам формирования категориального аппарата. Конечно, российские ученые-процессуалисты имеют различные подходы по данному вопросу. Авторы учитывают предложение (декабрь 2018 года) Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева о внесении в Уголовный кодекс РФ статьи 15.1, предусматривающей новую категорию «уголовные проступки». В нее должны были перейти 118 составов преступлений с максимальным наказанием до 1 года лишения свободы. Кроме того, важное место авторами отводится упрощенному (суммарному) судопроизводству.

Ключевые слова: суды общей юрисдикции, районные суды, нижестоящие суды, суды первой инстанции, мировые суды, магистратские суды, подсудность, упрощенное (суммарное) производство.

Для цитирования: Гильманов И.М., Юнусов А.А. Подсудность судов первой инстанции по уголовным делам Гонконга, Индонезии, Малайзии, Сингапура и Филиппин // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, №3 (45). С. 383-390. DOI: 10.37973/KUI.2021.92.55.016

Introduction: this article examines the criminal courts of first instance in Hong Kong, Indonesia, Malaysia, Singapore and the Philippines. The subject of the analysis is the generic jurisdiction of criminal cases to the courts of first instance of the five indicated countries, their comparative analysis, as well as comparison with the jurisdiction of the justices of the peace in Russia. The result of such comparisons is proposals for improving the existing systems in criminal cases, both in the indicated countries and in Russia.

Materials and Methods: four documents were searched from each of the five countries in the region – the Constitution, the Criminal Code and the Criminal Procedure Code, and laws or ordinances on the judiciary. It is important to note that some of them did not even come into legal force, which caused difficulties in the assessment. On this basis, the study was carried out by the comparative method of these legislations, as well as comparison with domestic codes.

Results: countries in which justices of the peace operate, as well as magistrates' courts, small claims courts and Penghulu courts were especially noted in the work. The principle was taken as the basis, the more instances, the better the results of the activity of the judiciary. At the same time, the jurisdiction of the courts of first instance of these countries was subjected to a comparative analysis with the allocation of law enforcement features, as well as the possibility of using some provisions in changing the jurisdiction of justices of the peace in Russia, and vice versa.

Discussion and Conclusions: the authors touch upon certain aspects of the jurisdiction of the courts of first instance of these countries, which are important in the formation of the jurisdiction of these courts. The issues related to the classification of crimes (categorical apparatus) are also gaining importance. In all countries analyzed, there is a different approach to the formation of the categorical apparatus. Of course, Russian legal scholars have different approaches to this important issue. The authors take into account the December 2018 proposal of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V.M. Lebedev to introduce Article 15.1 into the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for a new category of "criminal offenses". 118 corpus delicti with a maximum punishment of up to 1 year in prison were to be transferred to it. In addition, the authors give an important place to simplified (summary) legal proceedings.

Keywords: courts of general jurisdiction, district courts, lower courts, courts of first instance, justices of the peace, magistrates courts, jurisdiction, summary (summary) proceedings.

For citation: Gilmanov I.M., Yunusov A.A. Jurisdiction of courts of first instance in criminal cases in Hong Kong, Indonesia, Malaysia, Singapore and the Philippines // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. T. 12, No. 3 (45). P.383-390. DOI: 10.37973/KUI.2021.92.55.016

Введение

Для установления наиболее приемлемого для современного периода варианта структуры судебной власти были проанализированы вопросы подсудности судов первой инстанции по уголовным делам Гонконга, Индонезии, Малайзии, Сингапура и Филиппин. Сравнительному анализу была подвергнута родовая подсудность уголовных дел судам первой инстанции пяти указанных стран. Полученные результаты по каждому государству были сопоставлены с подсудностью мировых судей России. В качестве выводов были представлены предложения по усовершенствованию действующих систем по уголовным делам как указанных стран, так и России.

Обзор литературы

Подобные исследования проводились и другими учеными. Например, в 2002 году исследованием судебной системы Гонконга занимался Р.А. Шепенко [1]. В 2015 году Е.П. Ермакова исследовала пять стран Азиатско-Тихоокеанского региона: Гонконг, Индонезию, Малайзию, Сингапур и Филиппины [2, с. 3]. При этом Е.П. Ермаковой охватывалась лишь компетенция судов по гражданским делам. Исследований, посвященных именно под-

судности уголовных делам судам первой инстанции этих стран, российскими учеными-процессуалистами, к сожалению, не осуществлялось.

Материалы и методы

Проводился поиск четырех документов каждой из пяти стран данного региона – это Конституция, Уголовный (УК) и Уголовно-процессуальный кодексы (УПК), а также законы или ордонансы о судебной системе. Отметим, что законодательство этих стран быстро меняется и приводится в соответствие с международными документами. Отдельные законы приняты, но не вступили в силу, что вызывало сложность в анализе. Методологической основой стали нормативно-исторический метод и метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования

К странам Азиатско-Тихоокеанского региона относятся пять стран: Гонконг, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Филиппины. Причем Гонконг, Малайзия и Сингапур были колониями Великобритании. С 1997 г. Гонконг стал специальным административным районом Китайской Народной Республики.

В статье 12 Ордонанса о Верховном суде Гонконга указывается юрисдикция суда первой инстан-

ции, а в статье 13 – апелляционной инстанции¹. В статье 32 Указа предусматривается рассмотрение дел в судах первой инстанции судьей единолично, который может выносить приказ.

Окружной суд Гонконга создан по Ордонансу об окружных судах 2013 г.², хотя он был создан еще в 1953 г. К подсудности окружных судов отнесены уголовные дела с наказанием до 7 лет лишения свободы; гражданские споры с иском до 1 млн гонконгских долларов, о возврате земельных владений и о взыскании арендной платы до 240000 гонконгских долларов³.

Подобно судебной системе Англии в 1997 г. в Гонконге были созданы магистратские суды (аналогичные мировым судам)⁴. 70 магистратов отправляют правосудие в семи магистратских судах Гонконга. В стране отправляют правосудие 61 магистрат (судья) по уголовным делам и 9 специальных магистратов по административным спорам, в числе которых дела о нарушении правил дорожного движения (ПДД), хакерство и др. Из чего следует, что нагрузка по уголовным и административным делам существенно отличается, чему и соответствует штатная структура. Магистратским судам подсудны уголовные дела с наказанием до 2 лет лишения свободы, а порой – до 3 лет. Закон о магистратах (Сар. 227) предоставляет магистратам право назначать за совершение более одного правонарушения тюремное заключение до 3 лет. Они применяют Правила и формы Магистратских судов 1997 г.

С 2000 г. в России подсудность уголовных дел мировому судье была до 2 лет лишения свободы, а с 1 июля 2002 г. – до 3 лет. Может, российскому законодателю стоит возвратиться к подсудности до 2 лет лишения свободы?

Суды малых исков Гонконга были созданы Ордонансом 1997 г.⁵ В состав этого суда входят 4 судьи. С 2000 г. суд малых исков разбирает иски с ценой до 50000 НКД (в России у мировых судей – до 50000 рублей). Судебные заседания в судах малых исков проводятся по упрощенной форме.

30 июня 1997 г. был принят УПК Гонконга⁶, состоящий из 80 разделов. В одном из пунктов 9

статьи Кодекса регламентируется, что уголовные дела по обвинительному заключению о преступлении, за совершение которого предусмотрено лишение свободы до 6 лет, рассматриваются в порядке суммарного (упрощенного) судопроизводства; по обвинительному акту – уголовные дела с лишения свободы до 12 лет. Ст. 10 УПК допускает расследование дел в ускоренном порядке (с 1 июля 1997 г.) и упрощенное судопроизводство. Ст. 51 УПК по правонарушениям предусматривает издание приказа. Дела рассматриваются в порядке суммарного (упрощенного) судопроизводства (ст. 66 УПК). В России ст. 314 УПК предусматривает особый порядок по уголовным делам о преступлениях с лишением свободы до 10 лет.

Уголовного кодекса в Гонконге нет, так как его нет и в Англии. Однако в последние годы в Великобритании Уголовный кодекс был разработан и принят. Поэтому, на наш взгляд, такой же путь должен избрать законодатель Гонконга. Однако действует несколько указов: Указ о преступлениях от 19 ноября 1971 г.⁷, Указ о преступлениях против личности⁸, Указ о краже⁹ и др. В стране три категории преступлений: 1) суммарное правонарушение; 2) обвиняемое преступление; 3) правонарушения, подлежащие уголовному преследованию в порядке упрощенного производства. Суммарное правонарушение – это преступления с лишением свободы до 7 лет. Необходимо отметить, что в стране отсутствуют дела частного обвинения из-за высоких затрат.

Из содержания Указа о преступлениях 1971 г. следует, что упрощенное (суммарное) производство предусматривается непосредственно в статьях указов. Так, суммарное производство применяется по пяти статьям: 27 о побоях (с наказанием до 2 лет лишения свободы), 90 о нарушении в сфере таможенной и акцизной службы (до 3 месяцев лишения свободы), 103 о фальшивомонетничестве (до 6 месяцев лишения свободы), 104 об имитации монет Гонконга (до 6 месяцев лишения свободы) и 139 ч. 1 о ведении должности заместителя учреждения (до 3 лет лишения свободы). Отметим наличие в при-

¹ Ордонанс о Верховном суде Гонконга. URL: http://www.legislation.gov.hk/blis_pdf.nsf/CurAll_EngDoc/E3C89D7AC07002EE482575EE002A70D9?OpenDocument; с поправкой от 01.02.1999 (дата обращения: 25.03.2021).

² District Court Ordinance. Сар. 336.

³ The Judiciary of the Hong Kong Court Special Administrative Region//<http://www.gov.hk/en/about/abouthk/factsheets/docs/judiciary.Pdf> (дата обращения 25.03.2021).

⁴ Magistrates Ordinance. Сар. 227.

⁵ Small Claims Tribunal Ordinance. Сар. 338. URL: http://www.legislation.gov.hk/blis_pdf.nsf/6799165D2FEE3FA94825755E0033E532/28F7F7AFF191798482575EE006DBE71?OpenDocument&bt=0 (дата обращения 25.03.2021).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Гонконга 1997 г. Сар. 221.

⁷ Указ о преступлениях Гонконга 1971 г. Сар. 200. URL: <http://www.hklii.hk/eng/hk/legis/ord/200/> (дата обращения 15.02.2021).

⁸ Указ о преступлениях против личности Гонконга 1971 г. – Сар. 212 – <http://www.hklii.hk/eng/hk/legis/ord/212/> (дата обращения 20.05.2021).

⁹ Указ о краже Гонконга – Сар. 210. URL: <http://www.hklii.hk/eng/hk/legis/ord/210/> (дата обращения 05.06.2021).

веденном Указе ст. 187J о грубой непристойности с наказанием до 2 лет лишения свободы, отнесенной к категории дел частного обвинения.

С 1800 до 1942 г. Индонезия была колонией Нидерландов, далее до 1945 г. – находилась под владением Японии. В 1945 году Индонезия приобрела независимость. Были сформированы три правовые системы: система обычного права (адат), системы голландского и национального права. В 2006 г. с применением права Шариата был принят Закон Индонезии о религиозных судах №3 и расширена подсудность Судов Шариата¹.

Судебная система Индонезии была сформирована на базе Конституции 1945 г.: 1) суды общей юрисдикции; 2) государственные административные суды; 3) религиозные суды; 4) военные суды. Судами общей юрисдикции являются районные суды (всего их 250) и 6 специальных судов.

Индонезия оказалась в удручающем положении, так как отвечающий современным требованиям новый УК уже 2 года из-за протестов не вступает в силу. Это стопорит общественное развитие, так как действует старый УК 1915 г. голландских колонизаторов. В 1980-х гг. комитет стал разрабатывать новый УК, так как действовавший УК юристами воспринимался как голландское наследие. 4 июля 2018 г. президент и др. обсуждали принятие нового УК².

Новый УК Индонезии принят 18 сентября 2019 г. в объеме 628 статей. Он должен был вступить в силу с 24 сентября 2019 г., однако из-за протестов части населения новый УК вступит через два года, т.е. в сентябре 2021 г. За совершение малозначительных преступлений и проступков предусмотрены наказания: публичное оглашение приговора, лишение специальных прав и др.

Действующий УПК обнаружен 31 декабря 1981 г. Он заменил редакцию 1941 г. голландского закона 1848 г., который регламентировал положения уголовного судопроизводства. По данному УПК суд мог вынести судебный приказ. Кроме судебного приказа об аресте упрощенное производство законодатель не предусмотрел. Отсутствие упрощенного производства восполняется деревенскими старостами. К ним по мелким уголовным проступкам граждане идут неофициально, без обращения в полицию.

Система уголовных судов Индонезии состоит из судов первой инстанции и апелляционных судов.

Приведенная система действует лишь в крупных городах. В сельских районах население привыкло разбирать уголовные конфликты с помощью общинных институтов (судья – деревенский староста).

Правила организации судов определяются Основным законом судебной власти 1970 г. Ст. 10 Закона № 4/2004 приводит судебную систему: суды общей юрисдикции (3691 судья), Военный трибунал (100 судей), Государственный административный (3416 судей) и Религиозный суды (100 судей). Суды первой инстанции – районные суды. К их подсудности относятся: мелкие уголовные и гражданские дела, а также расторжение браков и примирение сторон.

Федерация Малайзия до 1957 г., как указывалось выше, колония Англии, имеет три правовые системы со своими судами: 1) система государственных судов применяет английское общее право; 2) Суды Шариата – нормы мусульманского права; и 3) суды обычного права.

Конституция Малайзии состоит из Конституции Малайской Федерации 1957 г. и Конституции Малайзийской Федерации 1963 г. Малайзия состоит из 13 государств-субъектов федерации (штатов) и трех федеральных территорий. В разделе IX «Судебная власть» Конституции от 1 ноября 2010 г. указаны высшие суды страны. В приложении 9 к Федеральной Конституции разграничивается компетенция государственных судов, Судов Шариата и судов обычного права.

Судебная система Малайзии полностью соответствует судебной системе Великобритании. Для создания судебной системы страны были приняты законы о судах Малайзии: Закон о судостроительстве 1964 г. и Закон о подчиненных судах 1948 г.³ Так, Закон о судостроительстве 1964 г. имеет объем 102 статьи. При этом уголовная юрисдикция регламентируется в разделе II. Высокий суд, разделе III. Апелляционный суд и разделе IV. Федеральный суд.

Закон о нижестоящих судах 1948 г. состоит из 10 разделов с объемом 111 статей. Вопросы подсудности по уголовным делам определены в разделе VII. Магистратские суды, разделе VIII. Суды Пенгулу (Penghulu's Courts). Суды Пенгулу выполняют функции местных судов в Восточной Малайзии, к их подсудности относятся незначительные уголовные и гражданские дела с ценой иска до RM 50 (рингит). Вопросы подсудности рассматриваются и в разделе IX. Мирные суды⁴. Вызывает особое

¹ Law №3 Year 2006 on Court of Religion; Wahyu Widiana. RELIGIOUS COURT REFORM IN INDONESIA. URL: <http://badilag.net/english/DATA/RELIGIOUS%20COURT%20REFORM%20IN%20INDONESIA.pdf> (дата обращения 27.04.2021).

² Уголовный кодекс Индонезии. URL: <https://regnum.ru/news/polit/22441885.html> (дата обращения 27.04.2021).

³ Courts of Judicature Act 1964. URL: <http://www.agc.gov.my/Akta/Vol.%202/Act%2091.pdf>; Subordinate Courts Act 1948. URL: <http://www.agc.gov.my/Akta/Vol.%202/Act%2092.pdf> (дата обращения 27.04.2021).

⁴ An Overview of Malaysian Legal System and Research. URL: <http://www.nyuulawglobal.org/globalx/malaysia.htm> (дата обращения 27.04.2021).

удивление, что в одной судебной системе функционируют и магистратские, и мировые суды. Первые созданы наподобие английских, вторые – похожи на российские. Такая перестраховка за счет функционирования как тех, так и других указывает на большую нагрузку и невозможность решать споры лишь одной разновидностью судов одного уровня. Констатируем, что из бюджета будут двойные расходы.

Кроме того, согласно статье 121(1А) Конституции Малайзии, в стране функционируют две параллельные системы судов: система государственных судов общей юрисдикции и Суды Шариата. Последние компетентны назначать приговоры до 3 лет лишения свободы, штрафы до 5 тысяч RM¹. К нижестоящим судам по гражданским делам относятся сессионные, магистратские суды, суды малых исков, специальные суды и Суды Пенгулу (Pengkulu's Courts), функционирующие на территории Восточной Малайзии.

К подсудности сессионных судов относится рассмотрение споров с ценой иска от 25 тыс. RM до 250 тыс. RM. При этом заметим, что магистратские суды функционируют во всех крупных городах Малайзии и рассматривают лишь гражданские дела с ценою иска до 25 тыс. RM. Кроме того, магистратские суды являются апелляционной инстанцией для Судов Пенгулу и Судов малых исков. Мировые судьи рассматривают уголовные дела. Значит, законодатель пошел по пути специализации. Применение специализации является удачным подходом. В России такая специализация была бы жизненно необходимой.

В Малайзии действует Закон об уголовном судопроизводстве, в котором ст. 6 именуется «Суды», ст. 9 «Уголовная юрисдикция мировых судей». Уголовный кодекс Малайзии 1906 г. был составлен на основе УК Индии 1860 г. УК Малайзии №А 327 1936 г. (Закон об уголовных преступлениях) действует с 31 марта 1976 г. в объеме 511 статей². Ст. 52А предусматривает преступления небольшой тяжести с лишением свободы до 2 лет.

Действующий УПК (Закон об уголовном судопроизводстве) Малайзии №593 от 10 января 1976 г. состоит из 444 статей³. В понятие «суд» входят высокий суд, сессионный и магистратский суды. Ст. 67 раскрывает вопросы подсудности районным судам. Они выполняют функции судов первой инстанции и разбирают дела, не представляющие большой общественной опасности (до 2

лет лишения свободы), и преступления небольшой тяжести. Из этого текста вызывает сомнение понятие преступления небольшой тяжести, так как в ст. 15 УК среди классификаций преступлений такового нет. Объяснение найти сложно, возможно, он связан с некачественным переводом. Уголовные дела по преступлениям небольшой тяжести или не представляющим большой общественной опасности разбираются судьями единолично (ст. 78 УПК).

Функции судов первой инстанции осуществляют мировые судьи. При этом в Западной – это судьи I и II класса, а в Восточной Малайзии – I, II и III класса. К их подсудности отнесены все уголовные и гражданские дела, кроме отнесенных к подсудности вышестоящих инстанций. Подход к вопросам подсудности похож на российский, где в части 2 ст. 31 УПК РФ дается перечень исключений, т.е. дается перечень составов преступлений не мировых судей, а районных судов. В Малайзии мировые судьи II класса могли назначить лишение свободы до 3 месяцев, а судьи I класса – до 5 лет лишения свободы. Мировые судьи III класса могут назначать лишь штрафы.

В целях упрощения взыскания задолженностей до 5 тысяч малазийских ринггит в 1987 г. в стране были созданы Суды малых исков (The Small Claims Tribunals). Упрощение заключается в отсутствии адвокатов, без соблюдения формальностей и в завершение выносится судебный приказ [3, с. 22-24].

К подсудности Судов Пенгулу (глав деревень) в Западной Малайзии относится рассмотрение уголовных дел с наказанием в виде штрафа до 25 RM и гражданских дел до 50 RM (в 2015 г., до 590 руб.). Эти суды являются примиренческими судами. Параллельно им функционируют Суды Шариата, подсудность которых определена Законом о действии мусульманского права 1993 г. Согласно ст. 47 Закона, подчиненные суды разбирают уголовные дела с лишением свободы до 1 года и гражданские споры до 50000 ринггит.

Республика Сингапур с 1965 г. стала независимым государством, в котором функционирует правовая система, сформированная под влиянием Великобритании. Основным источником уголовного права Сингапура является Уголовный кодекс, введенный в 1872 г. и имеющий в качестве основы УК Индии 1860 г. Данный УК 1871 г. вступил в силу 16 сентября 1872 г.⁴.

¹ Malaysian Court System. URL: http://www.malaysianbar.org.my/malaysin_court_sistem.html (дата обращения 27.04.2021).

² Уголовный кодекс Малайзии № А 327 1936 г. (Закон об уголовных преступлениях). URL: [Ru.gaz.wiki/wiki/Penal_Code_\(Malaysia\)](http://Ru.gaz.wiki/wiki/Penal_Code_(Malaysia)). (дата обращения 27.04.2021).

³ Wikichi.ru/wiki/Criminal_Procedure_Code_(Malaysia). (дата обращения 27.04.2021).

⁴ Уголовный кодекс Сингапура 1871 г. URL: [https://ru.qwe.wiki/wiki/Penal_Code_\(Singapore\)](https://ru.qwe.wiki/wiki/Penal_Code_(Singapore)) (дата обращения 20.07.2021).

Уголовно-процессуальный кодекс от 28.01.1955 (заменил УПК Индии 1871 г.) вступил в силу 16 сентября 1872 г.¹ К подсудности магистратских судов отнесено 198 статей УК, из которых 162 статьи с наказанием в виде лишения свободы до 3 лет и 36 статей – до 5 лет. Районные суды разбирают преступления по 204 статьям, т.е. почти половину от 402 статей.

В разделе 4 «Юрисдикция» Закона о государственных судах Сингапура 1970 г. State Courts Act (ст. 321) регламентируется уголовная и гражданская подсудность окружных судов. Закон о нижестоящих судах (Subordinate Courts Act, 1970) регламентирует деятельность окружных судов, судов магистратов/ мировых судов и судов малых исков. Второй раздел Закона о судах малых исков Сингапура 1984 г. (47 статей) определяет подсудность этих судов.

«В XXI в. судебная система Сингапура неожиданно стала одной из самых быстро действующих, эффективных и технически продвинутых судебных систем в мире» [2, с. 104]. Как это удалось? Сингапур в 1965 г. отделился от Малазийской Федерации. Ст. 93 Конституции привела судебную систему (2000 г.): 10 окружных и 14 городских судов, 1 ювенальный и 1 коронерский суды. В 1992 г. стали функционировать Ночные суды (Night Courts), разбирающие правонарушения в сфере ДТП (с 18 часов вечера в понедельник и четверг).

Ст. 56А Закона о нижестоящих судах 1970 г. приводит подсудность магистратских судов, рассматривающих уголовные дела до 5 лет лишения свободы и гражданские иски до 60000 сингапурских долларов (решения по искам до 50000 не обжалуются). Ст. 7 «Уголовная юрисдикция государственных судов» УПК Сингапура дублирует подсудность магистратских судов.

Кроме того, дела частного обвинения законодателем предусмотрены главой VIII «Возбуждение уголовного дела и жалобы магистрату» - это статьи 150-156 УПК. На основании ст. 151 УПК магистрат направляет стороны в Центр посреднического сообщества для урегулирования конфликта, что является обязательным. Мировой судья разбирает уголовные дела в отсутствие обвиняемого по преступлению с наказанием к лишению свободы до 12 месяцев.

Часть XI УПК предусматривает упрощенную процедуру при признании обвиняемым своей вины (ст. 222–228 УПК). Особое производство раскрывается в XXI части УПК. Суду предоставляется право вынести приговор с лишением свободы до 3 месяцев по пяти статьям: 175, 178, 179, 180 и 228 УК.

Ст. 8 «Уголовная юрисдикция окружных судов» УПК гласит, что суды второй инстанции разбирают уголовные преступления, за совершение которых УК предусматривает лишение свободы до 10 лет. Эти суды рассматривают и гражданские дела с иском до 250000 сингапурских долларов. К подсудности магистратских судов относится рассмотрение уголовных дел с лишением свободы до 5 лет, штрафом до 60000 синг. долл. Окружным судам подсудны гражданские дела с иском до 250000 SGD, и магистратским судам – споры до 60000 SGD. 1 февраля 1985 г. были созданы Суды малых исков [3, с. 22 – 24]. К их подсудности относятся споры до 2000 SGD. В 1998 г. цена иска была увеличена до 10000 SGD. Предел мог быть увеличен до 20000 SGD, если стороны заключат соглашение в письменной форме.

Филиппины состоят из 80 провинций, около 1495 муниципалитетов и почти 42 тысячи барангаев (сельских общин). В них действуют: 1) Закон о судебной реформе 1980 г.; 2) Республиканский закон № 7671 об Окружных судах; 3) Декрет президента № 1083 о создании Судов Шариата; 4) Декрет президента № 1508 от 1978 г. о досудебном рассмотрении споров в общинах (барангаях); 5) Правила производства по делам с малой суммой иска.

Отметим, что страна поделена на 13 судебных округов, в каждой из которых функционируют в качестве судов второй инстанции окружные суды. Приведем суды первой инстанции: 1) муниципальные суды первой инстанции; 2) столичные суды первой инстанции; 3) муниципальные участковые суды.

Подсудность окружных судов дается в ст. 19 Закона о судебной реформе 1980 г. Ими разбираются: 1) гражданские споры о недвижимости, свыше 20000 песо; 2) споры, вытекающие из брачных и супружеских отношений и др.

Порядок организации и деятельности судов первой инстанции регламентируется ст. 33 и 35 Закона о судебной реформе 1980 г. К подсудности данных судов отнесены: 1) споры, вытекающие из наследования на сумму свыше 100000 песо; 2) споры, связанные с незаконным завладением или незаконным удержанием имущества; 3) споры по недвижимости до 20000 песо. Суды малых исков рассматривают споры до 100000 песо по Правилам производства по делам с малой суммой иска 2009 г. В стране действует УК Филиппин 1930 г. (Закон № 3815), вступивший в силу с 1 января 1932 г.

Суды Шариата руководствуются Кодексом мусульманского личного права Филиппин 1977 г.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс от 28.01.1955 . URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Criminal_law_of_Singapore#Criminal_procedure (дата обращения 20.07.2021).

Суды Шариата имеют ограниченную подсудность по уголовным делам, рассматриваемым по ускоренной процедуре (Summary).

В 1978 г. декретом президента № 1508 о досудебном рассмотрении споров в общинах (барангаях) создана процедура мирного урегулирования споров. Позже процедура была определена в Кодексе местного самоуправления Филиппин 1991 г. (Закон № 7160). Процедура примирения (ст. 408 Кодекса) используется и по уголовным преступлениям с лишением свободы до 1 года.

Обсуждение и заключения

Авторами рассматриваются вопросы подсудности судов первой инстанции указанных стран, имеющих большое значение при формировании подсудности этих судов. Значимость приобретают вопросы классификации преступлений (категориальный аппарат). Во всех странах действует различный подход к вопросам формирования категориального аппарата.

Как следует из приведенных сведений о судебных системах пяти государств и анализа отдельных вопросов, не во всех из них имеются магистратские и мировые суды. Применение правила специализации магистратских судов на гражданских, а мировых на уголовных делах является удачным. Считаем необходимым обсудить и попытаться законодательно закрепить в России специализацию мировых судей по уголовным делам до 3 лет лишения свободы и гражданским – до 50000 рублей.

На наш взгляд, в Гонконге отсутствие уголовного кодекса необходимо исправить / в Гонконге следует ввести уголовный кодекс. В этой стране уголовные дела по обвинительному заключению о преступлении (с наказанием до 6 лет лишения свободы) судом рассматриваются в порядке суммарного (упрощенного) производства. В России особое производство допускается по уголовным делам с наказанием до 10 лет лишения свободы. В связи с отсутствием в стране дел частного обвинения, на наш взгляд, в УПК дела такой категории должны быть предусмотрены.

Отсутствие упрощенного производства законодатель Индонезии должен исправить, так как мировое сообщество убедилось в его обязательности. Вызывает интерес функционирующие в Малайзии мировые судьи трех классов, имеющих полномочия назначать наказания до 5 лет лишения свободы.

В завершение отметим общепризнанный факт: в Сингапуре самая быстрая и эффективная система правосудия. На наш взгляд, это объясняется наличием различных судов, относящихся к судам первой инстанции: магистратские суды (к подсудности отнесено 198 статей УК из 402 статей), Суды малых исков, Ночные суды (с 1992 г.) и Суды Шариата. Разветвленная система судов первой инстанции отвечает повышенным требованиям растущей нагрузки, что является примером для заимствования другими странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шепенко Р.А. Судебная система Гонконга // Журнал российского права, 2002. № 6. С. 134 – 140.
2. Ермакова Е.П. Гражданский процесс, арбитраж и медиация в Гонконге, Индонезии, Малайзии, Сингапуре и Филиппинах: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 184 с.
3. Ермакова Е.П., Ивановская Н.В. Суды малых исков за рубежом – аналог мировых судей в России: опыт Гонконга, Малайзии и Сингапура // Мировой судья. 2014. № 5. С. 22 – 24.

REFERENCES

1. SHepenko R.A. Sudebnaya sistema Gonkonga // ZHurnal rossijskogo prava, 2002. № 6. S. 134 – 140.
2. Ermakova E.P. Grazhdanskij process, arbitrazh i mediaciya v Gonkonge, Indonezii, Malajzii, Singapore i Filippinah: monografiya. M.: YUrlitinform, 2015. 184 s.
3. Ermakova E.P., Ivanovskaya N.V. Sudy malyh iskov za rubezhom – analog mirovyh sudej v Rossii: opyt Gonkonga, Malajzii i Singapura // Mirovoj sud'ya. 2014. № 5. S. 22 – 24.

Сведения об авторах:

Гильманов Идрис Мухаматюнусович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: muhamat74@yandex.ru

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: axatuk@rambler.ru

©Гильманов И.М., Юнусов А.А., 2021

About the authors:

Gilmanov Idris M., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University
e-mail: muhamat74@yandex.ru

Yunusov Akhat A., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: axatuk@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Гильманов И.М. – постановка научной проблемы, выработка методологии, подготовка текста статьи, формирование выводов и практических рекомендаций.

Юнусов А.А. – участие в подборке литературы, поиск аналитических и статистических материалов в научных и справочных источниках, редактирование и корректировка текста статьи, реализация критического анализа.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 28.05.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

И.А. Гумаров

В.В. Тырышкин

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ
В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА
СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**CERTAIN ISSUES IN DOCUMENTING CRIMINAL ACTS IN CONSUMER MARKET
BY INVESTIGATION UNIT OF THE INTERNAL AFFAIRS**

Введение: статья посвящена особенностям документирования преступных действий в сфере потребительского рынка.

Материалы и методы: при исследовании вопросов документирования преступных действий в сфере потребительского рынка сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел были использованы социологические методы опроса и анкетирования сотрудников оперативных подразделений в Алтайском крае и Республике Татарстан, а также осуществлено изучение уголовных дел, находившихся в производстве в органах внутренних дел Республики Дагестан, Ханты-Мансийского автономного округа и Алтайского края с 2014 по 2020 год, и нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел.

Результаты исследования: документирование противоправной деятельности в сфере потребительского рынка следует начинать с объявления официального предостережения и привлечения к административной ответственности. В результате такой последовательности действий сотрудников органов внутренних дел появляется возможность предупреждения угрозы общественно опасного противоправного посяательства еще на стадии ее формирования.

Обсуждение и заключения: авторы статьи приходят к выводу, что применение оперативно-розыскных и иных мер в целях борьбы с преступлениями в сфере потребительского рынка должно осуществляться в определенном порядке для получения максимального эффекта работы правоохранительных органов в рассматриваемом направлении. Достижение положительных результатов при такой работе позволяет существенно снизить нагрузку на правоохранительные органы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений и иных правонарушений, способствуя более качественному решению ими данных задач.

Ключевые слова: борьба с контрафактом; документирование противоправной деятельности в сфере потребительского рынка; объявление официального предостережения; преступления, связанные с потребительским рынком.

Для цитирования: Гумаров И.А., Тырышкин В.В. Некоторые проблемы документирования преступных действий в сфере потребительского рынка сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 391-396. DOI: 10.37973/KUI.2021.48.58.017

Introduction: the authors study peculiarities of Documenting Criminal Acts in Consumer Market.

Materials and Methods: the authors used sociological methods of poll and questionnaires among investigators in Altai and the Republic of Tatarstan. The authors also studied criminal cases handled by internal affairs of the Republic of Dagestan, the Khanty-Mansiysk autonomous district and Altai from 2014 to 2020 and regulatory acts governing operational units of the internal affairs.

Results: warnings and administrative prosecution are to be the first step to document unlawful activities in consumer market. Due to this sequence of operations among internal affairs bodies there is a possibility to prevent the threat of antisocial security incident in the early stages of its formation and prevent the disruptive behavior of illegal actions.

Discussion and Conclusions: the authors consume that the use of investigation and other measures to combat consumer market crimes shall be applied in a certain sequence to to maximise the effects in the work of law enforcement officials. Positive results of in this undertaking will significantly reduce the impact on the law enforcement bodies on detecting, investigating crimes and other offences contributing to a better solution of these tasks.

Key words: combating counterfeit goods; documenting illegal activities in the consumer market; declaring an official warning; crimes related to the consumer market.

For citation: Gumarov I.A., Tyryshkin V.V. Certain Issues in Documenting Criminal Acts in Consumer Market by Investigation Unit of the Internal Affairs // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 391-396. DOI: 10.37973/KUI.2021.48.58.017

Введение

Основная масса преступлений, регистрируемых как «связанных (сопряженных) с потребительским рынком (код 013)¹», совершается в сфере производства и оборота контрафакта. В настоящее время данные преступления охватывают практически все виды потребительских товаров (продукты питания, лекарственные препараты, медицинские изделия, строительные материалы, кухонная утварь, электроника, книги, программные продукты и т.д.) и в основном совершаются путем копирования продукции известных отечественных и зарубежных производителей, имеющей широкую известность и высокий потребительский спрос.

К основным направлениям работы органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, связанным с потребительским рынком, относятся:

- выявление и перекрытие каналов (в том числе межрегиональных) поставки контрафактной продукции, а также выявление фактов их незаконного производства и хранения с целью дальнейшего сбыта;
- выявление и пресечение правонарушений, связанных с незаконным использованием зарегистрированных товарных знаков при производстве и реализации товаров и продуктов питания;
- выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным распространением контрафактной аудиовизуальной, фонографической и печатной продукции, программного обеспечения для ЭВМ;
- выявление и пресечение оборота фальсифицированных, недоброкачественных и незаконно ввезенных лекарственных средств, мед. изделий и биологически активных добавок.

В разрезе статьей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) наиболее применимы:

ст. 146 – нарушение авторских и смежных прав;

ст. 171.1 – производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации;

ст. 171.3 – незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (действует с 26.08.2017);

ст. 171.4 – незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (действует с 26.08.2017);

ст. 180 – незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг);

ст. 235.1 – незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий;

ст. 238 – производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности;

ст. 238.1 – обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок;

ст. 327.1 – изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использование.

Имеется ряд статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, применимых к нарушителям, в том числе при повторном совершении которых должна использоваться норма уголовного законодательства. Например, повторное совершение в течение года преступления, предусмотренного статьей 14.17.1 «Незаконная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции физическим лицом» (действует с 29.07.2017), влечет уголовное преследование по статье 171.4 УК РФ.

¹ Инструкция о порядке заполнения и представления учетных документов: утверждена приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений».

Одной из проблем на практике является документирование умысла на совершение рассматриваемых преступлений. Зачастую после закрепления фактов противоправной деятельности в суде правонарушители не признают свою вину, ссылаясь на отсутствие у последних информации о фальсифицированном продукте. В результате суд оправдывает данных лиц.

Кроме того, специалисты Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России к проблемным вопросам правоприменительной практики ОВД относят изменения, внесенные в ст. 180 УК РФ¹. Теперь для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за незаконное использование товарных знаков необходимо доказать факт причинения правообладателю крупного ущерба на сумму более 1,5 млн руб. (по ч. 1) либо в особо крупном размере – на сумму, превышающую 6 млн руб. Данный факт существенно снижает эффективность оперативно-розыскных мер по защите интеллектуальной собственности, поскольку подавляющее число нарушений не подпадает под вышеуказанный размер ущерба².

Уже на этапе доследственной проверки возникает ряд объективных проблем квалификации рассматриваемых противоправных деяний по различным статьям Уголовного кодекса. Так, по ст. 159 УК РФ зачастую невозможно установить лицо, которому причинен материальный ущерб либо оно отказывается от официального обращения в ОВД; по ст. 171 возникают сложности установления суммы полученного дохода от противоправной деятельности; по ст. 180 нередко приходится сталкиваться с нежеланием производителей лекарственных средств обращаться с официальным заявлением, опасаящихся негативной огласки и падения продаж; по ст. 238 требуется доказывание факта сбыта фальсифицированной продукции, а также причинения вреда здоровью потребителей, что не всегда удается задокументировать.

Анализ судебной практики по делам о нарушении авторских прав дает основания утверждать, что выносимые судами приговоры не всегда отражают степень общественной опасности таких деяний. Организаторы крупных подпольных производств получают, как правило, штрафные санкции или условные наказания. Зачастую после вынесения

приговора они снова приступают к незаконной деятельности, но используют уже более законспирированные схемы выпуска и реализации контрафактной продукции. Так, изучение архивных уголовных дел в сфере незаконного оборота объектов интеллектуальной собственности за период с 2006 по 2013 г. позволило определить, что в 38,3% случаях суд в отношении подсудимых вынес условную меру наказания, в 42,7% ограничился штрафом и лишь в 19% суды приговорили виновных к лишению свободы³.

Обзор литературы

Работ, связанных с раскрытием преступлений на потребительском рынке, достаточно много. В последнее десятилетие об этом писали О.Б. Дронова [1], С.Ф. Мазур [2], С.Н. Сулейманов [3], Р.В. Шишкин [4] и др. Нормативную правовую основу составили Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральные законы «О полиции»⁴, «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵, приказ МВД России от 04.03.2020 № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения».

Материалы и методы

В процессе исследования применялись методы комплексного исследования явлений и процессов в их взаимосвязи, взаимообусловленности, прежде всего, диалектический метод научного познания объективной действительности. При сборе эмпирического материала были применены социологические методы: опросы и анкетирование сотрудников оперативных подразделений ОВД, изучение уголовных дел с 2014 по 2020 год и дел оперативного учета, анализ нормативных правовых актов.

Результаты исследования

Борьба с рассматриваемыми правонарушениями, на наш взгляд, должна начинаться с предостережения или привлечения правонарушителей к административной ответственности. При этом решается сразу несколько задач: предупреждение преступлений и документирование правонару-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 07.03.2010 № 26-ФЗ.

² Информационно-справочные материалы о результатах деятельности органов внутренних дел по охране и защите интеллектуальной собственности. ГУЭБиПК МВД России. 2013.

³ Всего изучено 100 уголовных дел в ГСУ МВД по РТ, МВД по РД, ГУ МВД России по ХМАО МВД по РБ, ОВД Алтайского края.

⁴ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СЗ РФ от 14.02.2011. № 7. Ст. 900.

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СЗ РФ от 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

шения, результаты которого в дальнейшем могут быть использованы для доказывания преступной деятельности.

Порядок объявления официального предостережения органами внутренних дел регламентируется приказом МВД России от 04.03.2020 № 119. При наличии данных, свидетельствующих об осуществлении физическим лицом действий, создающих угрозу для совершения правонарушений, либо продолжения им антиобщественного поведения, в случае принятия решения об объявлении официального предостережения (предостережения) уполномоченное должностное лицо в течение трех рабочих дней осуществляет подготовку предостережения по установленной форме в двух экземплярах¹.

Своевременное объявление такого предостережения позволяет при продолжении противоправной деятельности в дальнейшем доказать субъективную сторону преступлений (умысел на совершение противоправного деяния). Вторые экземпляры предостережений должны храниться в ОВД в номенклатурных делах. В случае совершения повторных правонарушений такие документы целесообразно использовать для привлечения нарушителей к уголовной ответственности.

Данное направление особенно актуально для документирования преступлений в сфере потребительского рынка, так как зачастую правонарушитель продолжает продавать некачественные товары или оказывать услуги ненадлежащего качества с целью получения максимальной выгоды. В преступлениях данной категории основополагающим элементом доказывания вины лица является наличие умысла в действиях, а именно осознание использования в своей коммерческой деятельности товаров без согласия на то правообладателя.

О наличии умысла, кроме имеющегося предостережения, будет свидетельствовать и неоднократное привлечение лица к административной ответственности.

Изучение практики борьбы с преступлениями в сфере потребительского рынка позволило определить основные признаки сбыта контрафактной продукции. О возможных преступлениях, связанных с производством и оборотом контрафактной продукции, чаще всего свидетельствует следующее: несоответствие информации о товарах (работах, услугах) реальным его свойствам и качеству или оказываемой услуге; отсутствие полной информации о товарах (работах, услугах) у индивидуального предпринимателя (работника торгового предприя-

тия). В технической документации, прилагаемой к товарам (работам, услугам), на этикетках, маркировках не содержится исчерпывающий перечень информации о товарах (работах, услугах) и производителе; однородные товары содержат обозначения, сходные с зарегистрированным в установленном порядке товарным знаком; хранение на складе предприятия контрафактной продукции с целью вовлечения ее в хозяйственный оборот; недостоверная реклама, где присутствуют несоответствующие действительности сведения о потребительских свойствах и качестве товара, месте его происхождения, стоимости (цены) товара на момент распространения рекламы и т.п.

При оценке противоправности события либо поступающей информации следует исходить из того, что отдельно взятый признак (из числа приведенных) не всегда свидетельствует о наличии состава уголовно наказуемого деяния, необходимо учитывать их в совокупности. Требуется проведение проверок, прежде всего, путем применения административных мер сотрудниками полиции.

В качестве положительного примера можно упомянуть деятельность Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан.

Так, сотрудниками этого подразделения было установлено, что группа лиц, не имея соответствующих соглашений с правообладателями, организовала на территории Зеленодольской швейной фабрики «Беркучи» производство спортивной одежды. При этом были использованы чужие товарные знаки Adidas, Reebok, Nike, Puma, BMW. Последующая реализация продукции осуществлялась через торговые сети.

Причиненный правообладателю материальный ущерб составил 3 млн 380 тысяч 397 рублей. По данному факту 31 июля 2017 года возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 180 УК РФ².

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками УЭБиПК МВД по РТ установлено, что гражданин «Л», не имея лицензионных соглашений, в одном из производственных помещений г. Казани (ООО «ОПС-Сервис») организовал производство и реализацию сухой штукатурной гипсовой смеси. При этом для искусственного завышения стоимости продукции и повышения спроса незаконно использовал маркировки товарных знаков «Ротбанд», «Кнауф», принадлежащих правообладателю ООО «Кнауф Гипс

¹ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости антиобщественного поведения: п. 6 приказа МВД России от 04.03.2020 № 119.

² Уголовное дело №11701920041000147 от 31.07.17 по ч. 3 ст. 180 УК РФ.

КГ». Уголовное дело по ч. 1 ст. 180 УК РФ направлено в суд¹.

В г. Набережные Челны задержана группа лиц, которая по предварительному сговору занималась реализацией фальсифицированного кофе. В результате у них был закуплен кофе марки «Нескафе» в количестве 250 коробок на общую сумму 228 тысяч рублей. Кроме этого, на арендуемом складе, расположенном на одном из рынков г. Набережные Челны обнаружено и изъято кофе различных наименований в количестве 247 коробок. Материальный ущерб правообладателям («Сосьете де Продюи Нестле С.А.», «Якобс Дау Эгбертс ДЕ ГмбХ») составил 908 тыс. 450 рублей. По данному факту 13 марта 2017 возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 180 УК РФ².

Для документирования рассматриваемых правонарушений целесообразно проводить гласное оперативно-розыскное мероприятие «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Данное мероприятие регламентировано Инструкцией о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»³. Этим нормативным правовым актом, в числе прочего, регламентируется порядок изъятия обнаруженного при проведении гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств предметов преступной деятельности.

Такое оперативно-розыскное мероприятие проводится на основании распоряжения руководителя ОВД (перечень таких руководителей указан в самой Инструкции). Для удостоверения факта, содержания, хода проведения и результатов изъятия

к участию в изъятии привлекаются с их согласия не менее двух дееспособных граждан, достигших возраста восемнадцати лет, не заинтересованных в результатах изъятия, не состоящих с лицами, проводящими изъятие, в родстве или свойстве, не подчиненных и не подконтрольных указанным лицам, а также не являющихся работниками органов исполнительной власти, наделенными в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования⁴. Изъятие оформляется протоколом.

Обсуждение и заключения

Таким образом, документирование противоправной деятельности в сфере потребительского рынка следует начинать с проверки поступающей информации, объявления официального предупреждения и привлечения к административной ответственности. В результате такой последовательности действий сотрудников органов внутренних дел появляется возможность предупредить угрозу общественно опасного противоправного посяательства еще на стадии ее формирования и не дать реализовать деструктивный потенциал противоправного поведения. Кроме того, достижение положительных результатов подобной работы позволяет существенно снизить нагрузку на правоохранительные органы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений и иных правонарушений, способствуя более качественному решению ими данных задач. В случае же продолжения противоправных действий собранный в рамках административных правонарушений материал будет использован в качестве доказательственной базы по привлечению правонарушителей к уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дронова О.Б. К вопросу о некоторых элементах криминалистической характеристики преступлений на потребительском рынке // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-1. С. 81 – 83.
2. Мазур С.Ф. Социально-экономическая оценка условий противодействия преступлениям и иным правонарушениям, совершаемым на потребительском рынке // Актуальные проблемы развития инфраструктуры органов внутренних дел и обеспечения экономической безопасности: сборник научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. С. 80-84.
3. Сулейманов С.М. Законодательство по противодействию преступлениям, совершаемым на потребительском рынке. М.: Юнити-Дана, 2015. 104 с.

¹ Уголовное дело № 11701920054000398 от 20.06.17 по ст. 180 ч. 1 УК РФ.

² Уголовное дело № 11701920009000013 от 13.03.2017 по ч. 3 ст. 180 УК РФ

³ Утверждена приказом МВД России от 01.04.2014 № 199

⁴ П. 14 Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»: утверждена приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199.

4. Шишкин Р.В. Преступления, совершаемые в сфере потребительского рынка на современном этапе // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 183-186.

REFERENCES

1. Dronova O.B. K voprosu o nekotoryh elementah kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij na potrebitel'skom rynke // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2016. № 16-1. S. 81-83.
2. Mazur S.F. Social'no-ekonomicheskaya ocenka uslovij protivodejstviya prestupleniyam i inym pravonarusheniyam, sovershaemym na potrebitel'skom rynke // Aktual'nye problemy razvitiya infrastruktury organov vnutrennih del i obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti: sbornik nauchnyh statej po materialam mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M.: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2013. S. 80-84.
3. Sulejmanov S.M. Zakonodatel'stvo po protivodejstviyu prestupleniyam, sovershaemym na potrebitel'skom rynke. M.: YUniti-Dana, 2015. 104 s.
4. SHishkin R.V. Prestupleniya, sovershaemye v sfere potrebitel'skogo rynka na sovremennom etape // Ugolovnaya politika na sovremennom etape: sostoyanie, tendencii, perspektivy: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019. S. 183-186.

Сведения об авторах:

Гумаров Ильнур Асгатович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России
e-mail: ilnur_gumar@mail.ru

Тырышкин Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России
e-mail: ilnur_gumar@mail.ru

©Гумаров И.А., Тырышкин В.В., 2021

About the authors:

Gumarov Ilnur A., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Investigative Activity of the Kazan Law Institute of MIA of Russia.
e-mail: ilnur_gumar@mail.ru

Tyryshkin Viktor V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies at Barnaul Law Institute of MIA of Russia
e-mail: ilnur_gumar@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Гумаров И.А. – изучение собранных эмпирических данных, разработка предложений и выводов;
Тырышкин В.В. – введение, сбор эмпирического материала, доработка текста статьи

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 24.05.2021.

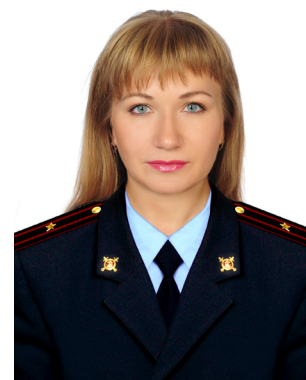
Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

М.А. Киселёва

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА
РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННЫХ ПОИСКА И (ИЛИ) ИЗЪЯТИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ ЗАЛЕГАНИЯ

FEATURES OF THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION
OF ILLEGAL SEARCH AND (OR) REMOVAL
OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS
FROM THE PLACES OF OCCURRENCE

Введение: в статье рассматриваются положения об особенностях первоначального этапа расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания, раскрывается специфика деятельности правоохранительных органов на данном этапе.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания. Обоснованность выводов достигается за счет применения таких общенаучных методов исследования, как анализ, синтез, ситуационное моделирование, частнонаучных – структурно-функциональный, формально-юридический методы. Эмпирической базой послужили материалы следственной и судебной практики различных регионов Российской Федерации в период с 2013 по 2021 г.

Результаты исследования: по результатам проведенного исследования предложена авторская классификация типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания с учетом закономерностей совершения данных преступлений.

Обсуждение и заключения: в результате исследования предложен набор следственных действий для разрешения сложившихся следственных ситуаций первоначального этапа расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания.

Ключевые слова: незаконный поиск; незаконное изъятие, археологический предмет, следственная ситуация, первоначальный этап расследования, следственные действия

Для цитирования: Киселёва М.А. Особенности первоначального этапа расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 397-402. DOI: 10.37973/KUI.2021.39.79.018

Introduction: the article discusses the provisions on the features of the initial stage of the investigation of illegal search and (or) seizure of archaeological objects from the places of occurrence, reveals the specifics of the activities of law enforcement agencies at this stage.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was based on the dialectical method of scientific cognition. The validity of the conclusions was achieved through the usage of such general scientific research methods as analysis, synthesis, situational modeling, special scientific: structural and functional, legal methods. The empirical basis were the materials of investigative and judicial practice of various regions of the Russian Federation from 2013 to 2021.

Results: based on the results of the conducted study, the author offered the classification of typical investigative situations that arise at the initial stage of the investigation of illegal search and (or) seizure of archaeological objects from places of occurrence, taking into account the patterns of committing these crimes.

Discussion and Conclusions: as a result of the study, a set of investigative actions is proposed to resolve the existing investigative situations of the initial stage of the investigation of illegal search and (or) seizure of archaeological objects from the places of occurrence.

Keywords: illegal search, illegal seizure, archaeological object, investigative situation, initial stage of investigation, investigative actions

For citation: Kiseljova M.A. Features of the Initial Stage of the Investigation of Illegal Search and (or) Removal of Archaeological Objects from the Places of Occurrence // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 397-402. DOI: 10.37973/KUI.2021.39.79.018

Введение

Расследование преступлений есть процесс упорядочения деятельности его участников посредством определения и конкретизации ее основных взаимосвязанных структурных элементов, создания условий для качественного производства следственных действий, взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности и руководства расследованием [1, с. 735].

При расследовании отдельных видов и групп преступлений правоохранительные органы в различные временные периоды выполняют следственную деятельность в пределах определенного информационного поля, когда работа сводится к установлению неизвестных обстоятельств произошедшего события, позволяющих выявить личность преступника. В данном информационном поле содержание включенных в него объективно взаимосвязанных компонентов постоянно изменяется по мере работы. К таким компонентам относятся, прежде всего, уже установленные сведения относительно расследуемого преступления и неизвестные обстоятельства произошедшего, которые предстоит выяснить. Это позволяет проследить тесную грань и зависимость между названными обстоятельствами. При этом в данном информационном поле развиваются тактико-психологические отношения субъектов расследования с иными участниками уголовного судопроизводства, выстраивается внутренний упорядоченный процесс организации расследования.

По сути, названное информационное поле следует назвать информационной системой, характеризующейся наличием в ней взаимосвязанных вышеуказанных структурных элементов. Данная система будет развивающейся, когда содержание ее структурных элементов переходит от одного состояния в другое, тем самым придавая информационной системе гибкость и динамичность. Следует помнить, что указанная информационная система складывается в реальных ситуациях реального времени. Выделение существенных отличительных признаков, общих для определенной совокупности реальных ситуаций, позволяет их экстраполировать в определенные типовые информационные модели, которые необходимо именовать следственными ситуациями.

Обзор литературы

Трактовка содержания следственной ситуации в криминалистической науке интерпретируется неоднозначно. Проблемам изучения понятия и сущности следственной ситуации в разное время посвящались работы Р.С. Белкина, Т.С. Волчецкой, Л.Я. Драпкина, Д.В. Кима, А.Н. Колесниченко, А.Г. Филиппова, Н.П. Яблокова и др.

Основную полемику относительно определения содержания следственной ситуации составляет различное видение авторами содержания компонентов информационного, психологического, организационного, тактического, процессуального характера, из которых складывается следственная ситуация. Однако важным обстоятельством является то, что следственная ситуация представляет собой сложную, многофакторную систему условий и результатов расследования в зависимости от времени ее возникновения. В связи с этим типовые следственные ситуации, складывающиеся в том или ином временном периоде расследования, в зависимости от объема и содержания исходных данных, основных задач и условий расследования детерминируют необходимость деления единого процесса расследования на этапы.

При этом, как верно отмечал Л.Я. Драпкин, «этапы расследования преступлений необходимо рассматривать как подсистемы следственных, оперативно-розыскных и других действий, объединенных на основе единства разрешаемых с их помощью задач, обусловленных устойчивой повторяемостью типичных следственных ситуаций» [2, с. 195].

В настоящее время, несмотря на значительно количество исследований по вопросу периодизации процесса расследования преступлений, к единому мнению относительно наименования, количества и содержания этапов расследования ученые-криминалисты так и не пришли. Анализ источников юридической литературы по данной проблематике позволил нам присоединиться к мнению большинства и выделить три этапа расследования: первоначальный, последующий и заключительный. Данный подход представляется верным, он соответствует структуре любой человеческой деятельности, а совокупность указанных этапов образует единый, последовательный процесс расследования [3, с. 58].

Результаты исследования

Успешность разработки программы расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания во многом будет зависеть от объема тактической информации и источников ее получения, имеющихся к началу возбуждения уголовного дела по преступлениям рассматриваемой категории. Недостаточная ориентация следователя в сложившейся реальной ситуации и ее неправильная адаптация к разработанной соответствующей информационной модели нередко приводит к утрате части доказательственной базы, возникновению трудностей на последующем этапе расследования и в итоге отсутствию возможности успешного завершения производства расследования. В связи с этим полагаем важным остановиться

на рассмотрении типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания.

Анализ судебно-следственной практики расследования рассматриваемой категории преступлений позволил установить, что в 57% случаев от числа преступлений, совершенных по ст. 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, в них принимали участие несколько лиц, среди которых были организаторы (как правило, это лица, обладающие знаниями в области археологии) и исполнители. На основании этого следственные ситуации первоначального этапа расследования рассматриваемых преступлений нами определены на основании классифицирующего признака – установление или отсутствие возможности установления причастности определенных лиц совершению преступления:

Установлены факт незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания и все соучастники преступления, которые задержаны на месте преступления либо непосредственно после его совершения (21,4%).

Установлены факт незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания и отдельные соучастники преступления, которые задержаны, сведения об иных соучастниках отсутствуют (14,3%).

Установлен факт незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания, личность преступников не установлена, однако имеются сведения обо всех либо отдельных соучастниках преступления (28,6%).

Установлен факт незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания, личность преступников не установлена, данные о них отсутствуют (35,7%)¹.

Соглашаясь с мнением М.В. Субботиной, считаем, что задачи, решаемые органами предварительного расследования на первоначальном этапе, целесообразно классифицировать по особенностям получения исходной информации [4, с. 314].

Вместе с тем общей задачей первоначального этапа расследования является сбор доказательственной и иной информации, позволяющей составить план расследования, выдвинуть частные следственные версии, определить программу наиболее быстрого и полного расследования. Так, на основании полученной информации конкретизируются обстоятельства, подлежащие установлению. Важно установить наличие присущих рассматриваемой

категории преступлений криминалистических признаков [5, с. 125]: место преступления относится к объектам археологического наследия, предмет преступного посягательства является археологическим предметом, а культурному слою вследствие совершенного преступления (действий определенным способом без соответствующего разрешения – открытого листа) нанесены повреждения, повлекшие причинение вреда. Вред культурному слою определяется установлением факта невозможности точного датирования поврежденного культурного слоя по гуминовым кислотам, когда данный участок становится непригодным для достоверного изучения истории возникновения на нем сооружений. В худшем случае в местах повреждения культурного слоя возникают процессы оврагообразования, что со временем приводит к полному уничтожению культурного слоя и гибели памятника археологии.

Первая и вторая следственные ситуации можно охарактеризовать как наиболее благоприятные для установления предмета доказывания, и складываются они, как правило, при плановом объезде сотрудниками полиции закрепленной территории, где располагаются объекты культурного наследия, в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Примером первой ситуации может служить следующая ситуация. Так, в Костромской области при совершении преступления сотрудниками ФСБ была задержана преступная группа в составе 4 человек, осуществляющих незаконные поиск и изъятие археологических предметов на земельном участке, признанным объектом археологического наследия. На месте происшествия были изъяты орудия преступления, обнаружены и зафиксированы следы преступной деятельности. Из показаний подозреваемых и свидетелей была получена полная информация о преступной деятельности задержанных, что определило в дальнейшем ход и содержание первоначального этапа расследования.²

В рассматриваемой ситуации основной задачей является поиск и закрепление доказательств вины задержанных в совершении преступления. В связи с этим необходимо организовать:

- осмотр места происшествия, направленный на фиксацию материальной обстановки совершения преступления, отыскания и изъятия следов преступной деятельности и преступника. Данное следственное действие, на наш взгляд, всегда нужно проводить с участием специалиста в области истории и археологии. Такими специалистами могут

¹ Процентное соотношение получено посредством анализа материалов уголовных дел о незаконном поиске и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания за 2015-2020 гг.

² Приговор Галичского районного суда Костромской области от 10.08.2015 по делу № 1-7/2015 // Галичский районный суд Костромской области: официальный сайт. URL: <https://galichsky--kst.sudrf.ru>. (дата обращения: 14.07.2021).

выступать: сотрудники службы государственной охраны объектов культурного наследия субъекта РФ; научные сотрудники факультетов археологии вузов; сотрудники музея.

Поскольку местом совершения преступления являются, как правило, отдаленные от поселений участки местности (заброшенные деревни, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, каменные изваяния, наскальные изображения, остатки древних укреплений и т.д.), при осмотре данных объектов необходимым является установление их точного местонахождения по отношению к ориентирам. Ориентиры в этом случае будут определяться только с помощью координат, поэтому обязательным при осмотре места происшествия является подготовка и применение геодезических GPS приборов, прошедших ежегодную техническую проверку и метрологию и позволяющих достаточно легко определить координаты заданной точки на местности при любых погодных условиях. Помимо специальных приборов, для определения географических координат объекта может быть использована топографическая карта с географической сеткой.

Поскольку местом происшествия признается место, в пределах которого обнаружены следы преступления, в том числе и при подготовке к совершению преступления, то полагаем целесообразным обязательно проводить осмотр места жительства задержанного с целью обнаружения и изъятия поисковых приборов, различных старинных предметов, археологической литературы и т.д.

Нередко подозреваемые при допросе указывают, что обнаруженные в ходе осмотра или выданные ими добровольно в ходе выемки предметы старины ранее ими были найдены на определенной территории или приобретены в конкретном месте. В этой ситуации необходимо провести осмотр указанной территории;

- осмотр обнаруженных и изъятых с места происшествия предметов: археологических предметов; транспортных средств, используемых для передвижения подозреваемым; сотовых телефонов, принадлежащих подозреваемым; специальных поисковых приборов, используемых преступником для обнаружения археологических предметов, и т.д.

- назначение необходимых судебных экспертиз. Для определения, являются ли предметы археологическими, произошедшими из культурного слоя, полагаем необходимым назначение не историко-культурной или археологической судебной экспертизы, как устоялась тенденция в практической деятельности, а историко-искусствоведческой судебной экспертизы [6, с. 225]. Для установления,

будет ли место совершения преступления объектом археологического наследия (особенно, если по каким-либо причинам данный объект не включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ или в перечень выявления объектов культурного наследия, расположенных на территории определенного субъекта России) необходимо, по нашему мнению, назначение историко-культурной судебной экспертизы. Кроме того, при наличии соответствующих следов необходимо проведение трасологических, почвоведческих, иных судебных экспертиз;

- допрос потерпевшего в лице руководителей администрации населенного пункта либо службы охраны объектов культурного наследия;

- выемку исторического паспорта на археологический объект, иных документов, указывающих, что место преступления является объектом археологического наследия;

- допрос свидетелей, в том числе лиц, явно осведомленных об интересах и незаконной деятельности подозреваемых. Это могут быть родственники, друзья, любители приборного поиска различных предметов, а также случайные знакомые, которым стало известно об увлечениях задержанного лица;

- допрос подозреваемого об обстоятельствах совершенного преступления;

- проверку показаний на месте с подробным разъяснением подозреваемым пути следования к месту совершения преступления, подтверждением местоположения участка местности с соответствующими координатами и добровольной демонстрацией им последовательности совершения преступных действий по незаконному поиску и (или) изъятию археологических предметов из мест залегания.

Кроме того, важными следственными действиями в рассматриваемой ситуации являются: осмотр и прослушивание фонограммы, видеозаписи – при проведении оперативно-розыскных мероприятий «Прослушивание телефонных переговоров» и «Наблюдение» в рамках предварительной оперативной проверки); осмотр оперативной видеосъемки задержания подозреваемых лиц.

При второй следственной ситуации главной задачей является установление иных соучастников преступления, отыскание и закрепление доказательственной информации об их причастности к совершению преступления. В связи с этим особое значение приобретает проведение таких следственных действий, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов,

других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций; осмотр детализации телефонных соединений подозреваемых лиц; назначение соответствующих диагностических и идентификационных судебных экспертиз.

Сложными и проблемными являются третья и четвертая следственные ситуации. Они складываются, как правило, при дефиците информации относительно обстоятельств совершенного преступления и виновных лицах. Основная задача в сложившихся ситуациях – это обнаружение, закрепление и реализация информации о совершенном преступлении. Деятельность органов, производящих расследование, должна быть направлена на своевременную фиксацию следов преступной деятельности на месте происшествия, недопущение их уничтожения; работу с вещественными доказательствами (их осмотр, назначение соответствующих судебных экспертиз); получение информации об археологическом объекте и похищенных археологических предметах; получение подробной информации об известных обстоятельствах совершенного преступления от свидетелей и потерпевших в ходе их допроса. При разрешении данных ситуаций большое значение будет иметь взаимодействие сотрудников следственных и оперативных подразделений, направленное на установление и задержание преступников, сбор

доказательственной информации о преступной деятельности данных лиц.

Обсуждение и заключения

Следственная ситуация – это формирующаяся под воздействием объективных и субъективных факторов сложная динамическая система данных, отражающих существенные черты всего процесса расследования рассматриваемой категории преступлений на том или ином его этапе.

Первоначальный этап расследования характеризует пространственно-временные границы и процесс по расследованию события преступления с момента возбуждения уголовного дела и до вынесения мотивированного постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого.

Обозначенные нами следственные ситуации первоначального этапа расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания, исходя из их характера и качественного состава, определяют дальнейшую программу расследования на данном этапе и всего процесса предварительного расследования. Безусловно, тактическое содержание первоначальных следственных действий должно соответствовать конкретной типичной следственной ситуации. В зависимости от объема и качества доказательственной информации, полученной в результате проведения тех или иных следственных действий, следователем может быть предусмотрено производство и других процессуальных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т.9. № 4. С. 734-744.
2. Драпкин Л.Я. Избранные труды. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. 328 с.
3. Бойко М.А. Особенности проведения проверки сообщений о преступлениях, совершаемых в отношении журналистов в связи с их профессиональной деятельностью. // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2016. № 2(44). С. 58-62.
4. Субботина М.В. Задачи первоначального этапа расследования и направления их решения // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 2. С. 314-316.
5. Анохин Ю.В., Киселева М.А. Криминалистическая характеристика незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 125-131.
6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / ред. Е.Р. Россинская. М.: Проспект, 2014. 301 с.

REFERENCES

1. Zelenskij V.D. O ponyatii i sodержanii organizacii rassledovaniya prestuplenij // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. T.9. № 4. S. 734-744.
2. Drapkin L.YA. Izbrannye trudy. – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 2017. 328 s.
3. Bojko M.A. Osobennosti provedeniya proverki soobshchenij o prestupleniyah, sovershaemyh v otnoshenii zhurnalistov v svyazi s ih professional'noj deyatel'nost'yu. // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2016. № 2(44). S. 58-62.

4. Subbotina M.V. Zadachi pervonachal'nogo etapa rassledovaniya i napravleniya ih resheniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. YUridicheskij zhurnal. 2008. № 2. S. 314-316.
5. Anohin YU.V., Kiseleva M.A. Kriminalisticheskaya harakteristika nezakonnyh poiska i (ili) iz"yatiya arheologicheskikh predmetov iz mest zaleganiya // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2021. № 1 (55). S. 125-131.
6. Sudebnaya ekspertiza: tipichnye oshibki / red. E.R. Rossinskaya - M.: Prospekt, 2014. 301 s.

Сведения об авторе:

Киселёва Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России
e-mail: maxmaralek@mail.ru

© Киселева М.А., 2021

About the author:

Kiseljova Marina A., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of MIA of Russia
e-mail: maxmaralek@mail.ru

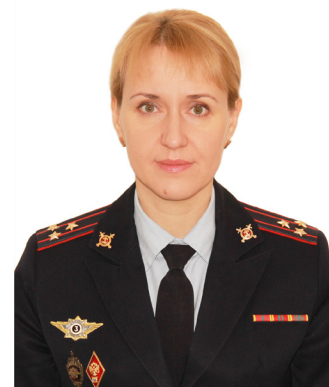
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 14.07.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

Н.В. Маликова

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОДЕКСОВ
РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

DISTINCTIVE FEATURES
OF CRIMINAL PROCEDURE CODES
OF RUSSIA AND BELARUS

Введение: в статье проводится сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных кодексов России и Белоруссии, в ходе которого сопоставляются нормы, регулирующие схожие процессуальные вопросы, но имеющие собственную законодательную позицию в их регламентации.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили методы синтеза, научного познания, логический, сравнительно-правовой метод, а также другие частные методы исследования правовых явлений. Материальная основа исследования – уголовно-процессуальные кодексы Российской Федерации и Республики Беларусь.

Результаты исследования: в статье осуществлен анализ отличительных особенностей уголовно-процессуальных кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь, обоснованы преимущества отдельных аспектов правового регулирования и практики их применения.

Обсуждение и заключения: на основании проведенного исследования сделано заключение, что уголовно-процессуальные кодексы двух стран, с одной стороны, имеют много общего, с другой – в каждом законе есть отличные положения, закрепляющие нормы, характерные для конкретной страны, которые представляют научный интерес и в перспективе могут быть отражены в национальном законодательстве.

Ключевые слова: законодательство, уголовно-процессуальный кодекс, Российская Федерация, Беларусь, нормы закона, статья, права, свободы, участники уголовного судопроизводства

Для цитирования: Маликова Н.В. Отличительные особенности уголовно-процессуальных кодексов России и Белоруссии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 403-407. DOI: 10.37973/KUI.2021.33.80.019

Introduction: the article provides a comparative legal analysis of Criminal Procedure Codes of Russia and Belarus, in the course of which the norms regulating similar procedural issues, but having their own legislative position in their regulation, are compared.

Materials and Methods: the methodological basis of the research consists of methods of synthesis, scientific cognition, logical, comparative-legal, as well as other private methods of studying legal phenomena.

Results: the article analyzes the distinctive features of the criminal procedure codes of the Russian Federation and the Republic of Belarus, justifies the advantages of certain aspects of legal regulation and the practice of their application.

Discussion and Conclusions: based on the conducted research, it is concluded that the criminal procedure codes of the two countries, on the one hand, have a lot in common, on the other-each law has different provisions that fix the norms specific to a particular country, which are of scientific interest and can be reflected in national legislation in the future.

Keywords: legislation, Criminal Procedure Code, Russian Federation, Belarus, norms of the law, article, rights, freedoms, participants in criminal proceedings

For citation: Malikova N.V. Distinctive Features of Criminal Procedure Codes of Russia and Belarus // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 403-407. DOI: 10.37973/KUI.2021.33.80.019

Введение

Республика Беларусь на протяжении семидесяти с лишним лет была частью Советского Союза.

Россию и Республику Беларусь объединяло политическое и культурное единство, а также законодательная база. С распадом 26 декабря 1991 г.

СССР Республика Беларусь преобразовалась в суверенное государство со своей системой правления, нормативной правовой базой и т.д. Тем не менее между Российской Федерацией (далее – РФ) и Республикой Беларусь (далее – РБ) сохранились дружественные отношения. Правовую базу российско-белорусских отношений составляют более 220 межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений¹, среди которых немаловажное место отведено международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства. Основные соглашения в рамках стран СНГ – Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) и принятые в ее развитие межведомственные соглашения (например, Соглашение министров внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью (Ашхабад, 17 февраля 1994 г.)).

На данный момент в Республике Беларусь действует Уголовно-процессуальный кодекс от 16 июля 1999 г. № 295-З (далее – УПК РБ)², в Российской Федерации – Уголовно-процессуальный кодекс от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ)³. В данной статье мы проведем сравнительно-правовой анализ указанных нормативных правовых актов и остановимся на их отличительных особенностях.

Обзор литературы

Настоящее исследование подготовлено на основе анализа уголовно-процессуальных кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь, регулирующих схожие вопросы, но имеющие свою специфику.

Ранее интересующая нас тематика в той или иной степени изучалась. Так, В.С. Сорокин в статье «Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в ходе досудебного производства» [1] проводил подобное исследование, но оно касалось, во-первых, только досудебного производства, а, во-вторых, проводилось около 10 лет назад. С тех пор в уголовно-процессуальное законодательство обеих стран внесено множество изменений, учтенных нами в данной работе. Также ученые в разное время проводили исследования, в

которых сравнивали отдельные аспекты уголовно-процессуальных кодексов РФ и РБ [2, 3]⁴.

Материалы и методы

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу уголовно-процессуальных кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь в отношении ряда вопросов, имеющих схожее толкование, но различные аспекты процессуального регулирования. Приводятся аргументы, обосновывающие оптимальную позицию законодателей России и Республики Беларусь при процессуальном закреплении отдельных норм и уголовно-процессуальных институтов. Предлагается совершенствование одних норм уголовно-процессуального кодекса РФ и подчеркивается достоинство других норм, имеющих перспективу в уголовно-процессуальном кодексе РБ. Применялись методы синтеза, компаративного анализа, научного познания, логический, сравнительно-правовой методы, а также другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования

Уголовно-процессуальные кодексы РФ и РБ имеют схожую структуру. УПК РБ представлен в трех частях, включающих общие положения, досудебное производство и судебное производство. Содержание УПК РФ более раздробленное, систематизировано в шести частях, названия первых трех частей совпадают с уголовно-процессуальным законом РБ, а три последующие посвящены особому порядку уголовного судопроизводства, международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, а также электронным документам и бланкам. Международное сотрудничество и ускоренное производство в УПК РБ тоже представлено, но оно отражено в третьей части, а вот информация по электронным документам и бланкам процессуальных документов отсутствует.

В главе 2 Конституции Российской Федерации закреплены нормы, в соответствии с которыми ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина допускается только на основании судебного решения. Данное конституционное положение нашло свое развитие в УПК РФ в конкретных принципах уголовного судопроизводства (ст. 10, 12, 13), а также в полномочиях суда (ст. 29) где закреплено, что только суд, в том числе в ходе

¹ Межгосударственные отношения России и Белоруссии. URL: <https://ria.ru/20190529/1554983599.html> (дата обращения: 28.05.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900295> (дата обращения: 28.05.2021).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // Рос. газ. 2001. 22 декабря. (дата обращения: 28.05.2021).

⁴ Сравнительный анализ процессуальных положений защитников в Республики Беларусь и в Российской Федерации. URL: https://studwood.ru/1238880/pravo/sravnitelnyy_analiz_protssessualnyh_polozheniy_zaschitnikov_respublike_bielarus_rossiyskoy_federatsii (дата обращения: 28.05.2021).

досудебного производства, полномочен принимать решение об избрании мер пресечения и производстве следственных действий, которые ограничивают конституционные права и свободы граждан.

Конституция Республики Беларусь допускает ограничение прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом (ст. 23). Анализ УПК РБ дает основания утверждать, что статьи, регулирующие принципы уголовного судопроизводства в части ограничения прав и свобод личности, отсылают к другим статьям УПК РБ, закрепляющим порядок реализации конкретных мер пресечения и следственных действий, в части ограничения прав граждан. Дальнейшее изучение норм уголовно-процессуального законодательства РБ выявило отличительную особенность, заключающуюся в том, что в Белоруссии прокурор полномочен осуществлять процессуальные действия по санкционированию применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, а также производство следственных действий, ограничивающих права и свободы человека и гражданина (например, таких как обыск, осмотр жилища и владения, наложение ареста на имущество и т.п.), а судья в рамках осуществления судебного контроля по жалобе стороны защиты в случае установления нарушения законодательства, может вынести постановление об освобождении задержанного, отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и сам применяет иные меры пресечения.

Несмотря на то, что российским практическим органам было бы проще получить санкцию только прокурора на применение одной из четырех мер пресечения и проведение отдельных следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, подобные действия в России в настоящих правовых условиях невозможны. Это связано с тем, что Российская Федерация на протяжении долгих лет выстраивала свое законодательство согласно международным стандартам, провозглашающим приоритет фундаментальных прав граждан.

В УПК РФ уголовно-процессуальные меры безопасности позиционируются через принцип охраны прав человека и гражданина (ст. 11), закрепляющий пять мер безопасности и предусматривающий отсылку к иным мерам безопасности, определенным законодательством РФ. В УПК РБ глава 8 полностью посвящена мерам обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц. Российские ученые, мнение которых мы разделяем, в своих работах неоднократно высказывали необ-

ходимость включения всех уголовно-процессуальных мер безопасности в отдельную главу [4].

Интересно, что, в соответствии со ст. 34 УПК РБ, в досудебном производстве прокурор полномочен принять уголовное дело к своему производству и провести по нему всестороннее, полное и объективное расследование, пользуясь при этом полномочиями следователя. Аналогичная норма в истории уголовно-процессуального законодательства РФ встречалась до изменений, внесенных в УПК РФ 21 января 2007 г.¹. До указанной даты прокуроры могли возбуждать уголовные дела, поручать их расследование дознавателям, следователям и даже нижестоящему прокурору либо принимать уголовное дело к своему производству и проводить по нему следственные и процессуальные действия. С тех пор нормы, регулирующие процессуальное положение прокурора, претерпели колоссальные изменения и в настоящее время прокурор не занимается расследованием уголовных дел и согласовывает дознавателю постановление о возбуждении уголовного дела в случаях указанных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

В качестве отличия можно выделить то, что в УПК РБ закреплено положение о том, что производство предварительного следствия обязательно по всем делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними (ч. 2 ст. 18). Согласно УПК РФ предварительное следствие следователями Следственного комитета РФ производится только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении них (п. «г» ч. 2 ст. 151). Если же несовершеннолетний совершил преступление, относящееся к категории небольшой или средней тяжести, то по нему может осуществляться как дознание, так и предварительное следствие, в зависимости от того, к чьей подследственности относится совершенное преступление. Позиция российского законодательства в регулировании данного вопроса, на наш взгляд, является юридически более верной и оправданной, никаких дополнительных корректировок не требует.

В качестве перспективной нормы УПК РБ мы выделяем положение ст. 224.1, закрепляющее порядок проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видео-конференц-связи в случаях: невозможности прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам; необходимости обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц; если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними. К

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Российская газета. 2007. 8 июня.

сожалению, пока в Российской Федерации данные следственные действия законно производить только в очном режиме, использование видео-конференц-связи допустимо только при осуществлении допроса в суде (ст. 278.1 УПК РФ). Поскольку прямого запрета в УПК РФ на применение видео-конференц-связи на досудебном производстве нет, а потребность в производстве следственных действий с ее применением существует, нередко следователи и дознаватели на свой страх и риск все же проводят в исключительных случаях допросы и очные ставки дистанционно. Можно привести пример проведения очной ставки с использованием видео-конференц-связи в Челябинской области (Следственном комитете по Свердловской области), а также в Главном следственном управлении ГУ МВД России по Челябинской области. Опасность таких действий состоит в том, что в случае заявления одной из сторон обоснованного ходатайства данные следственные действия могут быть признаны недопустимыми доказательствами. В отношении приведенных нами примеров ни прокурор, ни сторона защиты не заявляли о недопустимости полученного таким способом доказательства [5, с. 109]. Полагаем, что подобный пробел в УПК РФ требует скорейшего устранения.

В уголовно-процессуальном кодексе двух анализируемых стран с разного времени (в УПК РФ – с 2009 г., в УПК РБ – с 2015 г.) предусмотрен институт досудебного соглашения о сотрудничестве как механизм стимуляции лиц, совершивших противоправное деяние, к оказанию содействия в раскрытии и расследовании преступлений. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П¹ органам законодательной власти предписывалось необходимость внесения в УПК РФ изменений, касающихся участия обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в судебном разбира-

тельстве по основному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним.

Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ² внесены соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Так, УПК РФ дополнен статьей 56.1, определяющей статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном деле в отношении соучастников преступления, а также статьей 281.1, устанавливающей порядок его допроса и оглашения показаний в ходе судебного разбирательства. Мы уверены, что подобная норма в перспективе найдет свое отражение в УПК Республики Беларусь.

Обсуждение и заключения

На основании изложенного резюмируем, что в Российской Федерации и Республике Беларусь соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются приоритетными направлениями деятельности государственных органов. Сравнительно-правовой анализ отдельных положений уголовно-процессуальных кодексов РФ и РБ дает основания утверждать, что в каждом уголовно-процессуальном законе есть отличные положения, закрепляющие нормы, характерные для конкретной страны, которые представляют научный интерес и в перспективе могут быть отражены в национальном законодательстве. Для Российской Федерации ценен опыт уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь в отношении порядка регламентации главы, посвященной мерам обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и других лиц, а также норм, регулирующих порядок проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием системы видео-конференц-связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин В.С. Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства республики Беларусь и Российской Федерации. URL: <https://ardir/miscellany/U18S777E53154> (дата обращения: 28.05.2021).
2. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: анализ УПК Беларуси, России и Украины. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/43562-obespechenie-bezopasnosti-uchastnikov-ugolovno-go-processa-analiz-belorussii> (дата обращения: 28.05.2021).

¹ По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П. URL: // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20072016-p> (дата обращения: 28.05.2021).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05.2021).

3. Маликова Н.В., Афанасьева А.А. Особенности законодательства России, Республик Кыргызстан и Белоруссии о государственной защите лиц в уголовном судопроизводстве // сборник материалов 2-ой Международной научно-практической конференции: «Современные проблемы уголовного процесса: пути решения» Уфа, 8 апреля 2021 года / под общ. ред. А.Ю. Терехова. Электрон. текстовые дан. (2 МБ). Уфа: Уфимский ЮИМВД России, 2021. С. 167-173.
4. Латыпов В.С. Отдельные вопросы обеспечения уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия (на примере производства опознания лица без визуального наблюдения) // Актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите: материалы всероссийской научно-практической конференции (17 сентября 2020 г., г. Уфа). 2020. С. 72–77.
5. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень: ТИПК МВД России, 2019. № 1(47). С. 108-116.

REFERENCES

1. Sorokin V.S. Sravnitel'nyj analiz ugolovno-processual'nogo zakonoda-tel'stva respublik Belarus' i Rossijskoj Federacii. URL: [https://ardir/miscellany/U18S777E53154\(data obrashcheniya: 28.05.2021\)](https://ardir/miscellany/U18S777E53154(data obrashcheniya: 28.05.2021)).
2. Brusnicyn L.V. Obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugolovno-go processa: analiz UPK Belarusii, Rossii i Ukrainy. URL: [https://wiselawyer.ru/poleznoe/43562-obespechenie-bezopasnosti-uchastnikov-ugolovno-go-processa-analiz-belorussii\(data obrashcheniya: 28.05.2021\)](https://wiselawyer.ru/poleznoe/43562-obespechenie-bezopasnosti-uchastnikov-ugolovno-go-processa-analiz-belorussii(data obrashcheniya: 28.05.2021)).
3. Malikova N.V., Afanas'eva A.A. Osobennosti zakonodatel'stva Rossii, Respublik Kyrgyzstan i Belorussii o gosudarstvennoj zashchite lic v ugolov-nom sudoproizvodstve// sbornik materialov 2-oy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: «Sovremennye problemy ugolovno-go processa: puti resheniya» Ufa, 8 aprelya 2021 goda / pod obshch. red. A. YU. Terekhova. Elektron. tekstovye dan. (2 MB). Ufa : Ufimskij YUIMVD Rossii, 2021. S. 167–173.
4. Latypov V.S. Otdel'nye voprosy obespecheniya ugolovno-processual'nyh mer bezopasnosti v otnoshenii lic, okazyvayushchih sodejstvie otpravleniyu pravosudiya (na primere proizvodstva opoznaniya lica bez vizual'nogo nablyu-deniya) // Aktual'nye problemy deyatel'nosti organov vnutren-nih del po obespecheniyu bezopasnosti lic, podlezhashchih gosudarstvennoj za-shchite: materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (17 sentyabrya 2020 g., g. Ufa). 2020. S. 72–77.
5. Ovchinnikova O.V. Distancionnye sledstvennye dejstviya: sovremennoe so-stoyanie i perspektivy // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. Tyumen': TIPK MVD Rossii, 2019. № 1(47). S. 108–116.

Сведения об авторе:

Маликова Наталия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
e-mail: Natali-malikova@yandex.ru

© Маликова Н.В., 2021

About the author:

Malikova Natalia V., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor of the Criminal Procedure Department of the Ufa Law Institute of MIA of Russia
e-mail: Natali-malikova@yandex.ru

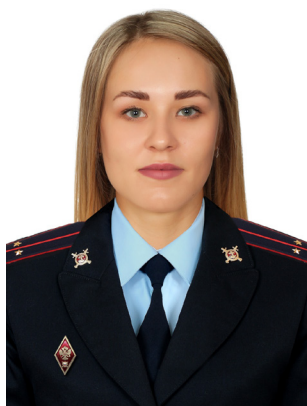
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 31.05.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК 34.096

DOI: 10.37973/KUI.2021.54.12.020

А.В. Хвостова

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ
С КАТЕГОРИЯМИ СПРАВЕДЛИВОСТИ,
ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И ПРАВОМЕРНОСТИ
В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP
OF LEGALITY, JUSTICE, EXPEDIENCY AND LEGITIMACY
IN LAW ENFORCEMENT**

Введение: в статье проведен анализ фундаментальной для юридической науки и практики категории «законность», а также осуществлено ее сравнение с такими смежными категориями, как «справедливость», «целесообразность» и «правомерность».

Материалы и методы: теоретическую основу исследования составили работы отечественных ученых. В ходе исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить собранные автором материалы из различных источников, относящиеся к предмету исследования.

Результаты исследования: в статье раскрывается содержание законности, целесообразности, справедливости и правомерности и особенности их соотношения. Автором затрагиваются вопросы сопоставления данных категорий и их роли в правоприменительной деятельности.

Обсуждение и заключения: автором сформулированы соответствующие выводы по результатам исследования и выдвинуты предложения, имеющие значение для повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: правомерность, законность, целесообразность, справедливость, правоприменительная деятельность.

Для цитирования: Хвостова А.В. Проблема соотношения законности с категориями справедливости, целесообразности и правомерности в правоприменительной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 408-414. DOI: 10.37973/KUI.2021.54.12.020

Introduction: the author analyses the fundamental for judicial science and practice category "legitimacy" and compares it with such related categories as "fairness", "purposiveness" and "appropriateness".

Materials and Methods: the theoretical basis of the study was the work of domestic scientists. In the course of the study, general scientific and specific scientific research methods were used, which made it possible to analyze and generalize the materials collected by the author from various sources related to the subject of the study.

Results: the article reveals the content of "legitimacy", "fairness", "purposiveness" and "appropriateness", and the peculiarities of their correlation. The author touches upon the issues of comparing these categories and their role in law enforcement.

Discussion and Conclusions: the author made the appropriate conclusions based on the results of the study and put forward proposals that are important for increasing the efficiency of law enforcement.

Keywords: legitimacy, legality, justice, expediency, law enforcement

For citation: Hvostova A. V. The Problem of the Relationship of Legality, Justice, Expediency And Legitimacy in Law Enforcement // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 408-414. DOI: 10.37973/KUI.2021.54.12.020

Введение

Законность представляет собой один из основополагающих принципов деятельности всех органов государственной власти, в том числе и правоприменительных. Говоря о законности как об оценочной

категории, необходимо решить вопросы о соотношении законности и целесообразности, законности и справедливости, а также провести сравнительно-правовой анализ законности и правомерности. Вопрос о соотношении законности и иных смежных

категорий требует подробного исследования их сущности с целью определения их места и роли в правоприменительной деятельности.

Обзор литературы

К вопросу об определении понятия и сущности таких понятий, как «законность», «справедливость», «целесообразность» и «правомерность», а также определении их роли в правоприменительной деятельности органов внутренних дел обращались О.К. Биктасов, Д.В. Бойко, И.М. Кондратьев, И.А. Краснов, О.В. Кудряшов, А.Н. Кунев, Е.С. Нестерук, С.А. Пушкарев, Н.А. Рязанова, О.П. Сауляк, Д.В. Теткин, А.Г. Фастов и др.

В научных периодических изданиях опубликованы статьи, посвященные вопросам определения понятия и сущности законности в правоприменительной деятельности и деятельности органов внутренних дел, а также соотношения «законности» с различными категориями, такими как «целесообразность», «справедливость», «правомерность», «обоснованность», «правопорядок», «демократия», «нравственность», «гуманизм» и др.

Материалы и методы

При написании статьи автором были использованы различные методы, такие как формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, исторический, логический. Основным методом исследования стал метод сравнительного и системного анализа, который позволил проанализировать роль и место таких категорий, как «законность», «справедливость», «целесообразность» и «правомерность» в совокупности юридических категорий, а также выявить их роль в правоприменительной деятельности.

Большое внимание при работе над статьей было уделено исследованиям отечественных ученых, среди которых С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, А.Ф. Ефремов, Е.С. Нестерук и др. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о недостаточной разработанности отдельных аспектов обеспечения законности в правоприменительной деятельности. Это связано с тем, что неполно изучено содержание таких категорий, как «законность», «справедливость», «правомерность» и «целесообразность» в контексте правоприменительной деятельности, а также не определено их соотношение.

В качестве эмпирической основы исследования были использованы нормативные правовые акты, среди которых Федеральный закон «О полиции», Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 и др.

Результаты исследования

Законность выступает в качестве фундаментальной категории всей юридической науки и практики, а ее уровень и состояние служат главными критериями оценки правовой жизни общества и его граждан. Законность – одно из центральных и, пожалуй, наиболее сложных понятий правоведения.

В юридической литературе существуют различные точки зрения относительно понятия и содержания законности.

При определении сущности законности авторы акцентируют внимание на различных ее сторонах. В научной литературе законность рассматривается как «принцип» деятельности органов государства, общественных организаций, должностных лиц и граждан (М.С. Строгович) [1, с. 37]; «принцип права» (С.С. Алексеев; А.Ф. Ефремов) [2, с. 113; 3, с. 12]; «правовой режим» (Н.Г. Александров, И.С. Самощенко) [4, с. 68; 5, с. 43]; «конституционная обязанность» правомерного поведения (Ю.П. Еременко) [6, с. 28]; «идея, требование и режим» реального выражения права в законах государства (Н.В. Витрук) [7, с. 158] и т. д.

А.В. Демидов рассматривает законность гораздо шире, включая в нее три элемента: принцип, метод и режим строго неуклонного соблюдения, исполнения норм права всеми участниками общественных отношений [8, с. 213].

Достаточно интересной позиции придерживаются С.Г. Дробязко и В.С. Козлов, согласно которой законность представляет собой «такое состояние взаимоотношений в государстве и обществе, при котором предпринимается всё возможное, чтобы закон никем не нарушался, а в случае нарушения делалось всё возможное для восстановления нарушенных прав и наказания виновных без промедления» [9]. Данная позиция является справедливой. Ведь нарушение закона не обязательно влечет нарушение законности. Применительно к теме исследования законность означает соответствием предписаниям и требованиям правовых норм действий должных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность. Нарушением законности в данном случае будет вынесение решения, противоречащего нормам действующего законодательства и повлекшего ограничение или нарушение прав граждан.

Целесообразность выступает в качестве одного из принципов законности, который основывается на необходимости принятия «соответствующих» правовых законов и выбора лучших, наиболее эффективных путей и средств для их реализации, что предполагает полное соблюдение законов общественного развития [10]. В деятельности правоприменительных органов целесообразность имеет

место при принятии решений, которое заключается в свободе выбора в рамках законодательства. Законность же предполагает выполнение органами и должностными лицами полномочий при неукоснительном соблюдении правовых норм. Причем принятие определенного решения в первую очередь обусловлено материальным и процессуальным законодательством.

Целесообразность по отношению к законности должна быть производным принципом деятельности. Руководствоваться целесообразностью уместно только в ситуации, когда закон позволяет избрать альтернативную форму поведения. Критерием выбора целесообразной формы деятельности правоприменительных органов в условиях отсутствия прямого указания закона должно быть системное толкование законодательных положений. Таким образом, нельзя признать действие сотрудника целесообразным, если оно противоречит законодательству.

Например, в ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлен исчерпывающий перечень оснований отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела. Тем не менее на практике часто встречаются случаи, когда должностные лица «заминают дело». Так, в Энгельсе осужден сотрудник полиции за получение взятки за обещание способствовать приостановлению предварительного следствия по уголовному делу (ч. 4 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации) в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, тем самым создавая условия для последующего прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. В данной ситуации, несмотря на то, что закон предоставляет должностному лицу варианты поведения, он посчитал целесообразным иной вариант поведения – противозаконный. Поэтому действия уполномоченного лица нельзя признать ни законными, ни целесообразными.

Отличие целесообразности от законности также состоит в том, что целесообразность не закреплена в законодательстве как один из принципов деятельности органов государственной власти. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ обязывает сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей действовать в точном соответствии с законом (ч. 1 ст. 6).

Таким образом, категории «законность» и «целесообразность» не являются тождественными. Целесообразность предполагает выбор наиболее «правильного» и оптимального» варианта поведения

субъектов правоприменительной деятельности, а «законность» обязывает их действовать в рамках предписаний правовых норм. Следовательно, о целесообразности в контексте правоприменительной деятельности можно говорить только в случае наличия в законе нескольких вариантов поведения или отсутствия правового регулирования в каком-либо вопросе.

Проблема соотношения законности и справедливости является актуальной в современном обществе, ориентированном на идеи правового государства. Нередко встречаются ситуации, при которых деятельность субъектов является формально законной, но несправедливой по своей сути [11]. В связи с этим вопрос о соотношении законности и справедливости является особо актуальным. Несмотря на важность понятия «справедливость» для российского права, соотношение его с «законностью» остается спорным. Ведь норма права – это не законность, а предпосылка, условие ее существования.

Справедливость в деятельности правоприменительных органов предполагает понимание и признание должностными лицами сущности человека, его неотъемлемых прав, равенства между людьми и необходимости соответствия воздаяния за справедливость и несправедливость, правду и ложь. Деятельность современного законодателя направлена на то, чтобы обеспечить справедливость в обществе, его задача – поддерживать такое состояние, при котором для несправедливости не осталось бы местаниводной из сфер общественных отношений.

Е.С. Нестерук замечает, что «справедливость выступает своеобразным ценностным ориентиром, посредством которого сопоставляются произошедшие явления с представлениями о нравственном идеале» [12, с. 9].

Нельзя не согласиться с мнением, согласно которому принцип справедливости, если он оптимально реализуется в законодательстве, увеличивает ответственность и регулирующую силу законов, в значительной мере обеспечивает их понимание, полезность и необходимость исполнения [13, с. 144].

Как справедливо отмечают А.А. Юнусов и С.А. Юнусов, законность представляет собой явление, качественно отличное от норм права, явление общественной жизни, сущность которого в общих чертах заключается в требовании, обращенном ко всем субъектам общественных отношений, согласовывать свою деятельность с существующими нормами права [14]. Установление в государстве подлинной законности предполагает наличие свода писанных законов, охраняемых органами государственной власти, тогда как справедливость закрепля-

¹ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Российская газета. 2011. 10 февраля. № 28.

ется в неписанных нормах поведения, принципах, которые охраняются обществом.

На основании изложенного заключим, что справедливость и законность понятия не тождественные, поскольку справедливость следует отнести к нравственно-правовой оценочной категории, которая охватывает сферу общественных отношений и заключается в требовании соответствия деяния и воздаяния.

Сегодня справедливость выступает в качестве субъективной и постоянно изменяющейся категории, а законность тем и отличается от справедливости – она закреплена в нормативных правовых актах, едина для всех и независимо от мнений граждан. Ввиду того, что отсутствует единое для всех граждан представление о справедливости, данный принцип нецелесообразно рассматривать в качестве одного из основных и единых для всей системы государственных органов. Полагаем, что необходимо закрепить принцип справедливости в отраслевом законодательстве с раскрытием его содержания применительно к каждой отрасли права. Так, в уголовном законодательстве закреплён принцип справедливости, который предполагает назначение справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6 УК РФ¹). Справедливость, как основополагающий нравственный принцип права, раскрывается в данном случае как соразмерность между противоправным деянием и наказанием с учетом целей наказания, общественной опасности деяния, личности преступника и других значимых обстоятельств. Проблема заключается в том, что в каждом конкретном случае может быть предусмотрено множество возможных законных решений, но будет ли окончательное решение справедливым?

В контексте соблюдения принципа справедливости, предполагающего осуществление полномочий правильно и беспристрастно, заслуживает отдельного внимания деятельность инспекций по личному составу и отделов собственной безопасности при территориальных органах внутренних дел. Выполнение указанными подразделениями рабочих задач формирует среду их «исключительности» и нередко приводит к возможности сокрытия отдельных фактов. На основании этого предлагаем исключить из круга обязанностей данных подразделений проведение служебных проверок по фактам нарушения законности и дисциплины в отношении сотрудников этих же подразделений.

Особо актуальным представляется вопрос о соотношении понятий «законность» и «правомерность», поскольку правомерность деятельности сотрудников органов внутренних дел часто отождествляют с ее законностью. Законность признается основой нормальной деятельности [15], однако она не может рассматриваться в качестве единственного ее условия.

Полагаем, что правоприменительная деятельность окажется эффективной, если она будет осуществляться в рамках закона и соответствовать общепринятым ценностям. Нельзя не согласиться с мнением о том, что правомерность и законность выступают в качестве самостоятельных требований, не могут быть отождествлены и отличаются по природе, объекту, содержанию и по роли в обеспечении эффективности правоприменительной деятельности [16, с. 19].

Правомерность как самостоятельная категория представляет собой соответствие поведения сотрудников органов внутренних дел нравственно-правовым ожиданиям и требованиям, предъявляемым обществом, не совпадает с законностью и ею не исчерпывается [17].

В контексте рассмотрения правомерности правоприменительной деятельности необходимо определить отличие ее от правомерного поведения, которое соответствует предписаниям правовых норм. Правомерность – понятие более широкое, поскольку оно предполагает, помимо соблюдения правовых норм, соблюдение иных социальных норм, установленных в обществе. Следовательно, можно утверждать, что соблюдение закона (законности) является неотъемлемым признаком правомерности любой деятельности. Справедливость как нравственная, юридическая и философская категория также выступает в качестве одного из элементов правомерности правоприменительной деятельности. Справедливым следует признать действие (бездействие) должностного лица, основанное на учете прав и свобод граждан, на разумном компромиссе и равноправии участников общественных отношений [18, с. 48].

Поскольку целесообразность реализуется на основании и во исполнение закона, ее соблюдение также может рассматриваться в качестве одного из элементов правомерности. Выбор оптимального пути решения конкретной проблемы в любом случае должен отвечать предписаниям правовых норм.

В связи с этим Б.А. Осипян верно замечает, что «правомерность предполагает не только рациональный подход к решению ежедневно возникаю-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2021. 5 апреля.

щих правовых проблем, но и определенной духовной и нравственной зрелости, добросовестности и пережитого положительного законодательного и правоприменительного опыта» [19, с. 78].

Приходим к выводу, что понятие «правомерность» не совпадает с понятием «законность». Правомерность как характеристику правоприменительной деятельности необходимо рассматривать гораздо шире. Соблюдение правомерности в правоприменительной деятельности означает не только соблюдение предписаний правовых норм, но и следование требованиям целесообразности и справедливости.

Среди нравственных принципов Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации от 24 декабря 2008 г. (утративший силу) называет: гуманизм, законность, объективность, справедливость, коллективизм и товарищество, лояльность, нейтральность по отношению к политическим партиям и движениям и толерантность. Примечательно, что Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460, не закрепляет нравственные принципы службы в органах внутренних дел. Считаем, что юридическое закрепление в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел РФ 2020 года нравственных принципов правоприменительной деятельности правоохранительных органов необходимо с целью их неукоснительного соблюдения всеми должностными лицами. Предлагаем в действующую редакцию Кодекса этики и служебного поведения внести отдельный раздел под названием «Нравственные принципы службы в органах внутренних дел», определив в качестве таковых: гуманизм, справедливость, коллективизм, патриотизм, толерантность, целесообразность. Законность, на наш взгляд, нельзя относить к нравственным принципам службы, потому как он выступает в качестве общеправового принципа, содержание которого не совпадает с моралью.

Обсуждение и заключения

Понятия «законность», «целесообразность», «справедливость» и «правомерность» не являются

тождественными. Целесообразность, справедливость и правомерность являются нравственно-правовыми оценочными категориями, а законность – юридической категорией, которая выступает в качестве обязательного и необходимого требования правоприменительной деятельности.

Первоочередным, основополагающим требованием, предъявляемым к правоприменительной деятельности, признается требование законности. Помимо этого, важными требованиями, реализация которых способствует обеспечению ее эффективности, выступают требования целесообразности, справедливости и правомерности. Юридическими требованиями целесообразность, справедливость и правомерность станут лишь в силу официального закрепления в нормативных правовых актах. Полагаем, что необходимо в действующем Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации закрепить перечень нравственных принципов службы в органах внутренних дел, среди которых будет справедливость и целесообразность.

Автор приходит к выводу, что категория «правомерность» в контексте правоприменительной деятельности должна рассматриваться гораздо шире. Правомерная деятельность уполномоченных органов должна соответствовать не только предписаниям правовых норм, но и иных социальных норм.

Приходится констатировать, что правоприменительная деятельность правоохранительных органов будет эффективной только тогда, когда она будет соответствовать не только законности (предписаниям нормативных правовых актов), но и таким нравственно-правовым требованиям, как справедливость и целесообразность. В случае соответствия всем предъявленным требованиям деятельность компетентных органов можно признать правомерной. С целью повышения эффективности и обеспечения рассмотренных принципов в деятельности правоохранительных органов предлагаем установить усиленный контроль за соблюдение законодательства со стороны как руководителей территориальных органов внутренних дел, так и подразделений собственной безопасности и инспекций по личному составу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. 64 с.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
3. Ефремов А.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации принципов законности в Российском государстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2001. 51 с.
4. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1955. 271 с.
5. Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960. 198 с.

6. Демидов А.В. Законность и правопорядок как теоретико-правовая категория // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 3-2(69). С. 213-215.
7. Еременко Ю.П. Советская конституция и законность. Саратов, 1982. 164 с.
8. Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение. Конституционная законность и конституционное правосудие // Общая теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2007. С. 184-211.
9. Дробязко С.Г., Козлов В.С. Общая теория права. Минск, 2005. 464 с.
10. Кагерманов А.С.С. Законность как оценочная категория // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 162-164.
11. Данилова И.Ю. Законность и справедливость: единство и противоречия // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. 2016. С. 76-78.
12. Нестерук Е.С. Справедливость в современном российском правосознании: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Н. Новгород, 2008. 28 с.
13. Гуляев А.П. Справедливость, закон и законность в праве и правоприменительной деятельности // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. 2016. С. 142-147.
14. Юнусов А.А., Юнусов С.А. Законность и справедливость как основное условие осуществления правоприменительной практики правоохранительными органами России // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 117-120.
15. Кудряшов О.В. Социально-экономические и юридические гарантии обеспечения законности в правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2007. 191 с.
16. Крамской И.С., Богмацера Э.В., Лысенко В.А., Рязанова Н.А. Соотношение правомерности и законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1(32). С. 14-19.
17. Рязанова Н.А. Правомерность как характеристика деятельности сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2012. 158 с.
18. Тарасова Л.Н. Правомерность как правовой принцип, метод правового регулирования и правовой режим // Вестник МФЮА. 2012. № 4. С. 42-51.
19. Осипян Б.А. Корень понятия «правомерность» // Современное право. 2008. № 1. С. 69-78.

REFERENCES

1. Strogovich M.S. Osnovnye voprosy sovetskoj socialisticheskoj zakonnosti. M., 1966. 64 с.
2. Alekseev S.S. Problemy teorii prava. Sverdlovsk, 1972. T. 1. 396 s.
3. Efremov A.F. Teoreticheskie i prakticheskie problemy realizacii principov zakonnosti v Rossijskom gosudarstve: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01. Saratov, 2001. 51 s.
4. Aleksandrov N.G. Pravo i zakonnost' v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma. M., 1955. 271 s.
5. Samoshchenko I.S. Ohrana rezhima zakonnosti Sovetskim gosudarstvom. M., 1960. 198 s.
6. Demidov A.V. Zakonnost' i pravoporyadok kak teoretiko-pravovaya kategoriya // Novaya nauka: teoreticheskij i prakticheskij vzglyad. 2016. № 3-2(69). S. 213-215.
7. Eremenko YU.P. Sovetskaya konstituciya i zakonnost'. Saratov, 1982. 164 s.
8. Vitruk N.V. Zakonnost': ponyatie, zashchita i obespechenie. Konstitucionnaya zakonnost' i konstitucionnoe pravosudie // Obshchaya teoriya gosudarstva i prava / pod red. M.N. Marchenko. M., 2007. S. 184-211.
9. Drobyazko S.G., Kozlov V.S. Obshchaya teoriya prava. Minsk, 2005. 464 с.
10. Kagermanov A.S.S. Zakonnost' kak ocenoch'naya kategoriya // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 8. S. 162-164.
11. Danilova I.YU. Zakonnost' i spravedlivost': edinstvo i protivorechiya // Uголовно-исполнител'naya politika i voprosy ispolneniya uголовnyh nakazaniy: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah. 2016. S. 76-78.
12. Nesteruk E.S. Spravedlivost' v sovremennom rossijskom pravosoznanii: avtoref. dis. ... kand. filос. nauk: 09.00.11. N. Novgorod, 2008. 28 s.
13. Gulyaev A.P. Spravedlivost', zakon i zakonnost' v prave i pravoprimeritel'noj deyatel'nosti // Sovremennoe uголовно-processual'noe pravo Rossii: uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii k 60-letiyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF V.V. Nikolyuka. 2016. S. 142-147.

14. YUnusov A.A., YUnusov S.A. Zakonnost' i spravedlivost' kak osnovnoe uslovie osushchestvleniya pravoprimeritel'noj praktiki pravoohranitel'nymi organami Rossii // СHеловек: prestuplenie i nakazanie. 2011. № 1 (72). S. 117-120.
15. Kudryashov O.V. Social'no-ekonomicheskie i yuridicheskie garantii obespecheniya zakonnosti v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. M., 2007. 191 s.
16. Kramskoj I.S., Bogmacera E.V., Lysenko V.A., Ryazanova N.A. Sootnoshenie pravomernosti i zakonnosti v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del// Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 1(32). S. 14-19.
17. Ryazanova N.A. Pravomernost' kak harakteristika deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. M., 2012. 158 s.
18. Tarasova L.N. Pravomernost' kak pravovoj princip, metod pravovogo regulirovaniya i pravovoj rezhim // Vestnik MFYUA. 2012. № 4. S. 42-51.
19. Osipyanyan B.A. koren' ponyatiya "pravomernost'"// Sovremennoe pravo. 2008. № 1. S. 69-78.

Сведения об авторе:

Хвостова Анастасия Вячеславовна, научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
e-mail: anastasiya_hvostova97@mail.ru

© Хвостова А.В., 2021

About the author:

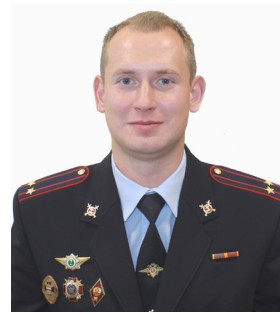
Hvostova Anastasia V., Researcher of the Department of Organization of Scientific Research Work of the Research Department of the Belgorod Law Institute of MIA of Russia named after I.D. Putilin
e-mail: anastasiya_hvostova97@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 26.05.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

Э.Д. Шайдуллина

Е.А. Семёнов

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

LAW ENFORCEMENT OF A CIVIL CLAIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

Введение: вопрос возмещения вреда (ущерба), причиненного преступлением, остается актуальным до настоящего времени как в теории уголовного судопроизводства, так и в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и суда. В статье проведен анализ правовой сущности гражданского иска, практики его применения, сделаны авторские выводы по рассматриваемой проблематике.

Материалы и методы: в статье использованы положения действующего законодательства, статистические данные, мнения ученых-процессуалистов по рассматриваемой теме, а также материалы судебной практики. На основе диалектического метода познания, а также методов анализа и синтеза, сравнительно-правового, статистического и формально-логического методов сделаны обобщающие выводы и сформулированы предложения.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило выделить проблемные аспекты соотношения норм гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства в части реализации гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. Были предложены два пути разрешения сложившейся ситуации: каждый из них связан с необходимостью внесения изменений законодателем. При разрешении вопросов регрессных и иных смежных исков в рамках уголовного судопроизводства не следует смешивать сферы уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства, а потому не нужно расширять нормы, связанные с регулированием института гражданского иска.

Обсуждение и заключения: на основании проведенного исследования сделаны обобщающие выводы и предложены пути решения выявленных проблемных вопросов.

Ключевые слова: преступление, гражданский иск, возмещение вреда, гражданский истец, гражданский ответчик, возмещение вреда.

Для цитирования: Шайдуллина Э.Д., Семёнов Е.А. Вопросы правоприменения гражданского иска в уголовном судопроизводстве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 2 (44). С. 415-421. DOI: 10.37973/KUI.2021.68.71.021

Introduction: the issue of compensation for harm (damage) caused by a crime remains relevant to the present time both in the theory of criminal proceedings and in the law enforcement activities of the preliminary investigation and court bodies. In this article, the analysis of the legal essence of a civil claim, the practice of its application is carried out, the author's conclusions on the problem under consideration are made.

Materials and Methods: the article uses the provisions of the current legislation, statistical data, and opinions of procedural scientists on the topic under consideration, as well as materials of judicial practice. On the basis of the dialectical method of cognition, as well as methods of analysis and synthesis, comparative and legal, statistical and logical, generalizing conclusions were made and proposals were formulated.

Results: the conducted research allowed us identify areas of concern in the correlation of the norms of civil procedure and criminal procedure legislation in terms of the implementation of a civil claim in the framework of criminal proceedings. Two ways of resolving the current situation were proposed: each of them is associated with the need for changes by the legislator. When resolving issues of recourse and other related claims in the framework

of criminal proceedings, it is not necessary to mix the areas of criminal procedure and civil procedure legislation, and therefore it is not necessary to expand the norms related to the regulation of the institution of civil action.

Discussion and Conclusions: on the basis of the conducted research, generalizing conclusions are made and ways of solving the identified problematic issues are proposed.

Keywords: crime, civil claim, compensation for harm, civil plaintiff, civil defendant, compensation for harm.

For citation: E.D. Shaydullina, E.A. Semyonov Law Enforcement of a Civil Claim in Criminal Proceedings of Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 2 (44). P. 415-421. DOI: 10.37973/KUI.2021.68.71.021

Введение

Проблема возмещения ущерба остается предметом пристального внимания на координационных, межведомственных, а также внутриведомственных совещаниях, в ходе которых правоохранительные органы ориентируют на обязательное установление местонахождения похищенного имущества, а также на принятие обеспечительных мер, направленных на реализацию назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)) в части обеспечения прав лиц, потерпевших от преступлений.

Вместе с тем в правоприменительной практике данный вопрос недостаточно проработан, т.к. причиненный в результате противоправных действий вред и вред возмещенный не соответствуют друг другу, о чем наглядно свидетельствуют статистические данные. Так, по сведениям ГИАЦ МВД России, в 2020 г. было зарегистрировано 1 220 806 преступлений, совершенных против собственности (55,3% от общего числа): кражи – 751,2 тыс., мошенничества – 335,6 тыс., грабежи – 38,4 тыс., разбой – 5,3 тыс. Размер причиненного ими вреда по оконченным и приостановленным уголовным делам равнялся около 300 млрд рублей. При этом в результате усилий, предпринятых правоохранительными органами, было возмещено не более 15% от указанной суммы¹.

Следует отметить, что незначительный показатель возмещения ущерба по обозначенной категории дел, подследственных МВД России, во многом обусловлен объективными причинами. К примеру, сумма ущерба, причиненного в результате нанесения телесных повреждений, как правило, становится известна уже после окончания лечения потерпевшего, когда такие расходы документально подтверждены, а предварительное следствие уже завершено. В этом случае разрешение гражданского иска осу-

ществляется за рамками уголовного судопроизводства. Кроме того, деление ущерба на причиненный преступлением против личности и против собственности по данным делам является весьма условным, так как многие преступные посягательства на личность сопровождаются и преступлениями против собственности.

Отдельным направлением совершенствования являются вопросы возмещения вреда по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, число которых в 2020 году возросло на 73,4%, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3%, при помощи средств мобильной связи – на 88,3%².

Таким образом, невысокий уровень достигнутых результатов является показателем недостаточной работы по обозначенному направлению, что в первую очередь связано со сформировавшимся отношением к возмещению ущерба как к второстепенной, менее важной задаче.

Обзор литературы

Следует отметить, что вопросы возмещения причиненного преступлением вреда широко обсуждаются в научной литературе [1, 4], а также являются предметом рассмотрения в деятельности Верховного и Конституционного Судов Российской Федерации³. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации 13 октября 2020 года в своем постановлении конкретизировал порядок рассмотрения гражданского иска по уголовному делу, установленного в качестве правового механизма эффективной судебной защиты прав потерпевшего [2], еще более актуализировав обозначенное направление работы правоохранительных органов.

В то же время остаются весьма спорными теоретические и правоприменительные вопросы, касающиеся гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Это относится к понятию гражданского иска в уголовном процессе, субъектам, выступа-

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения 25.06.2021).

² Там же.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьей 15, пунктом 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, частями первой и второй статьи 44, частью первой статьи 54 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 г. № 1385-О. «СПС КонсультантПлюс» (дата обращения 25.01.2021); Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019). «СПС КонсультантПлюс» (дата обращения 25.06.2021).

ющим в статусе гражданского ответчика, а также некоторым процессуальным особенностям рассмотрения гражданских исков. В своем исследовании авторы рассмотрели некоторые, наиболее актуальные из них.

В частности, обоснованное и аргументированное определение, на наш взгляд, разработали А.И. Бастрыкин и А.А. Усачев, которые под гражданским иском понимают заявленное через органы, осуществляющие производство по уголовному делу, обращенное к суду требование заинтересованного лица о возмещении виновным имущественного вреда или имущественной компенсации морального вреда, причиненного непосредственно преступлением, рассматриваемое и решаемое в рамках производства по уголовному делу [3]. Вместе с тем, учитывая позицию законодателя в ч. 2 ст. 44 УПК РФ, а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», следует уточнить указанную трактовку «гражданского иска» как требование, адресованное не только суду, но и лицам, ведущим производство по уголовному делу на досудебных стадиях уголовного процесса.

Основными субъектами, участвующими в предъявлении гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства, являются гражданский истец и его представитель. Особенности их правового статуса находят свое отражение в статьях 44 – 45 УПК РФ. При этом, как верно отмечает А.В. Гришин, статус гражданского лица является процессуальным – это значит, прежде всего, то, что таковым лицо становится лишь после вынесения должным лицом, ведущим производство по уголовному делу, документа, закрепляющего данный статус [4, с. 115]. Иными словами, лицо, которому преступлением был причинен имущественный или моральный ущерб, приобретает статус гражданского истца лишь после того, как уполномоченный субъект признает его таковым. Исходя из ч. 1 ст. 44 УПК РФ данная деятельность осуществляется судом, дознавателем или следователем.

В свою очередь, Н.С. Пономарева выделяет два обязательных условия, необходимых для подачи гражданского иска в уголовном судопроизводстве [5, с. 111]:

- наличие правосубъектности лица, подающего гражданский иск;
- соответствие подсудности.

В.Г. Глебов, Е.А. Зайцева вполне обоснованно считают, что при определении подсудности следует включать также отсутствие фактов [6, с. 201]:

- возмещения вреда до подачи иска;
- отказа в удовлетворении иска по тому же предмету в рамках гражданского судопроизводства.

Достаточно спорным в настоящее время является вопрос о распределении бремени доказывания при предъявлении гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. Исходя из части 2 статьи 14 УПК РФ, бремя доказывания обвинения и опровержения доводов обвиняемого лежит на стороне обвинения. Иных указаний по рассматриваемой тематике уголовно-процессуальный закон не дает. В связи с этим возникает логичный вопрос: является ли гражданский иск частью обвинения, и если да, то на каких участниках этой стороны лежит само бремя?

Е.Ф. Хегай указывает, что, исходя из уголовно-процессуальных норм о предмете и пределах доказывания, данная обязанность, по общему правилу, лежит на государственном обвинении, то есть на органах предварительного расследования и прокуроре. Вытекает это из пункта 4 части 1 статьи 73 УПК РФ, которая закрепляет причиненный преступлением ущерб как часть предмета доказывания по уголовному делу [7, с. 650 – 652]. При этом автор отмечает, что в случаях, когда в рамках гражданского иска в качестве вреда заявляется упущенная выгода, бремя доказывания ложится на истца, поскольку указанная позиция уже выходит за пределы доказывания.

Считаем, что гражданский истец не только должен представлять имеющиеся в его распоряжении документы и иные объекты, которые могут выступить в качестве доказательств, но и быть готовым обосновать происхождение каждого предоставленного доказательства и дать по этому поводу комментарии, если речь идет о стадии судебного разбирательства. В свою очередь, гражданскому ответчику, несмотря на закрепленный законом принцип презумпции невиновности, все же следует обосновывать предъявляемые им доказательства своей невиновности или возможности смягчения ответственности.

Обращаясь же к процессуальному положению гражданского ответчика, отдельные авторы отмечают следующее: если в деле участвуют несколько обвиняемых, то вопрос о распределении ответственности по гражданскому иску определяется в соответствии с установленной ролью каждого лица [8, с. 58]. Иными словами, на основании положений статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) пособники, исполнители, организаторы и подстрекатели несут субсидиарную ответственность, а при совершении преступления в группе вред возмещается в зависимости от факта участия лица в конкретном эпизоде.

Следует отметить, что разрешение гражданского иска в уголовном судопроизводстве осуществляется в большей степени в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) при применении аналогии закона. Здесь следует отметить норму статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), которая закрепляет случаи возможного сокращения размера вреда, подлежащего возмещению. Необходимо упомянуть о следующих правилах:

- при грубом и неосторожном поведении самого потерпевшего суд может снизить размер возмещаемого ущерба. Так, например, был уменьшен размер возмещаемого вреда осужденного Д., поскольку в ходе заседания было установлено, что потерпевший небрежно хранил легко воспламеняющиеся вещества в своем гараже, из-за чего создал возможность случайного воздействия на них обвиняемого, в результате чего был уничтожен сам гараж в процессе возгорания¹.

- размер возмещаемого вреда может быть уменьшен с учетом материального положения ответчика, а также его неосторожного отношения к причиненному ущербу;

- не подлежит возмещению ущерб, который был причинен по умыслу потерпевшего. Так, например, гражданский ответчик М. был освобожден от возмещения вреда, причиненного истцу уничтожением телевизора «Самсунг», который сам истец столкнул с подставки, чтобы преградить дорогу М².

Следует отметить, что указанный список оснований отказа в удовлетворении гражданского иска или уменьшения возмещаемого ущерба, не является исчерпывающим. Суд может сделать это и в иных случаях.

Гражданский иск может быть удовлетворён лишь в случаях, когда в отношении обвиняемого выносится обвинительный приговор. На основании статьи 309 УПК РФ решение об удовлетворении или отказе в удовлетворении гражданского иска приводится в резолютивной части приговора по уголовному делу. При этом если в связи с предъявленным иском необходимо проведение дополнительных расчётов, суд может удовлетворить иск и передать его для разрешения в гражданском судопроизводстве. Так, например, суд постановил удовлетворить гражданский иск истца К. Однако в связи с тем, что в ходе судебного заседания не удалось установить полный размер ущерба по ряду

позиций, было принято решение передать гражданский иск на рассмотрение в рамках гражданского судопроизводства³.

Материалы и методы

При подготовке настоящей статьи авторами использовано действующее законодательство, статистические данные ГИАЦ МВД России, результаты исследования уголовных дел в архивах районных судов города Казани и города Орла за период с 2019 по 2020 г., а также теоретические аспекты рассмотрения обозначенной проблематики. Основным методом исследования выступил диалектический метод познания объективной действительности; частными научными методами явились методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы.

Результаты исследования

Несмотря на всю социально-правовую значимость института гражданского иска в уголовном судопроизводстве, обозначенную нами ранее, он имеет ряд проблемных аспектов в реализации. При этом, как отмечают исследователи, данные недостатки существуют достаточно давно и законодательно пора обратить на них внимание. Это позволит, прежде всего, повысить степень защиты прав лиц, потерпевших от преступлений, и увеличить эффективность реализации рассматриваемого института.

Основная проблема в исследуемой области, на наш взгляд, состоит в неопределенности многих вопросов, касающихся порядка предъявления и разрешения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. Как отмечают авторы монографии, в уголовном процессе допустима аналогия права. Однако это возможно лишь при соблюдении трех условий [8, с. 101]:

- схожесть применяемого закона с уголовно-процессуальным;

- не влечет ограничения прав участников или необходимости выполнения ими действий, которые не предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством;

- не требует совершения действий, вообще не предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

В связи с этим авторы рассматривают возможность применения при разрешении вопросов, связанных с реализацией института гражданских исков в уголовном судопроизводстве, норм ГК РФ и ГПК РФ в части, не урегулированной статьями УПК РФ. Это кажется логичным, поскольку ука-

¹ Приговор № 2-12/2020 от 8 октября 2020 г. по делу № 2-12/2020 Псковского областного суда / URL: <https://sudact.ru>. Режим доступа: свободный.

² Приговор № 1-62/2020 от 28 сентября 2020 г. по делу № 1-62/2020 Переволоцкого районного суда Оренбургской области / URL: <https://sudact.ru>. Режим доступа: свободный.

³ Приговор № 1-73/2020 от 29 сентября 2020 г. по делу № 1-73/2020 Осташковского городского суда Тверской области / URL: <https://sudact.ru>. Режим доступа: свободный.

занный институт, как никакой иной, близок к сфере цивилистики. Однако мы считаем, что это нарушает рассмотренные ранее правила. Чтобы проиллюстрировать свою позицию, рассмотрим пример с применением статьи 1083 ГК РФ при рассмотрении вопроса об уменьшении вины гражданского ответчика. Фактически они закрепляют необходимость выполнения тех действий, которые прямо не закреплены в УПК РФ, поскольку в нем нет положений об уменьшении ответственности в рамках гражданского иска.

В целях разрешения данной ситуации считаем возможным дополнить ст. 1 УПК РФ частью 4 следующего содержания: «В тех случаях, когда вопросы, связанные с предъявлением, обеспечением и разрешением гражданского иска в уголовном судопроизводстве, не рассмотрены настоящим Кодексом, следует обращаться к нормам гражданского и гражданско-процессуального законодательства России».

Еще одна проблема в рассматриваемой сфере связана с неоднозначностью взглядов ученых на возможность предъявления регрессных гражданских исков в уголовном судопроизводстве. Речь идет о моментах, когда третьей стороне ввиду различных причин приходится возмещать вред, причиненный гражданским ответчиком истцу. Это могут быть медицинские организации, страховые организации, работодатели, на которых возлагается обязанность возмещения вреда. Современное законодательство не дает никакого разъяснения по этому поводу, а у ученых нет единого мнения. Е.Ф. Хегай считает, что разрешение регрессных исков в рамках уголовного судопроизводства возможно в связи с той же аналогией права, поскольку гражданско-процессуальное законодательство освещает указанный институт и порядок его реализации [7, с. 650]. В связи с этим возможно применение вышеуказанных норм, поскольку они имеют прямое отношение к преступлению, по поводу которого возбуждено уголовное дело.

В свою очередь, Н.С. Пономарева не считает такую позицию обоснованной. Изучив разъяснения Верховного и Конституционного судов Российской Федерации, автор приходит к выводу, что главным требованием для предъявляемого гражданского иска является его прямая причинно-следственная связь с самим преступлением [5, с. 110]. Регрессные

требования, как утверждает исследователь, теряют такой признак, поскольку фактически третье лицо не имеет никакого отношения к самому преступлению и вреду, которое им причинено. Как уже было установлено, институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве создан именно для защиты прав лиц, которым был причинен вред непосредственно преступлением.

Мы считаем, что целесообразно согласиться с позицией Н.С. Пономаревой. Существующий институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве крайне широк и разнообразен. Однако не следует забывать о его прямом назначении. Он функционирует и связан с преступлениями и его последствиями в виде причинения вреда потерпевшему. Регрессные права, а также иные смежные уходят далеко от области регулирования уголовно-процессуального законодательства, а потому не следует смешивать ее с гражданско-процессуальными аспектами.

В связи с этим считаем необходимым дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» новым пунктом следующего содержания: «Судам следует учитывать, что в случае возникновения регрессных, а также иных смежных требований при рассмотрении и разрешении гражданского иска в ходе судебного заседания по уголовному делу, их следует направить по подсудности для рассмотрения в рамках гражданского судопроизводства».

Обсуждение и заключения

Таким образом, институт гражданского иска в уголовном процессе остаётся весьма дискуссионным как в теории уголовного судопроизводства, так и в правоприменительной практике. Полагаем, что предлагаемая нами регламентация в нормах УПК РФ возможности применения аналогии гражданского и гражданско-процессуального законодательства России уполномоченными государственными органами и должностными лицами при возникновении такой необходимости, во многом снимет ряд «острых» правоприменительных проблем. В то же время, по нашему мнению, не следует смешивать сферы уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства за пределами регулирования института гражданского иска по уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яни П.С. Соотношение размера хищения и суммы гражданского иска по уголовному делу // Законность. 2020. № 7. С. 32 – 36.
2. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 // Российская газета. 2020.
3. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. М.: Юрайт, 2018. 415 с.
4. Гришин А.В., Ветрова О.А., Семенов Е.А. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе: монография. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. 315 с.
5. Уголовно-процессуальное право: учебное пособие / Н. С. Пономарева и др. Воронеж: ВИ МВД России, 2016. 211 с.
6. Уголовный процесс: учебник. В 3 ч. Ч. 1. Общие положения уголовного судопроизводства / ред.: В.Г. Глебов, Е.А. Зайцева. 5-е изд., перераб. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 401 с.
7. Хегай Е.Ф. Гражданский иск в уголовном процессе: проблемы исполнения // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 650 – 652.
8. Гришин А.В., Мельник С.В. Возмещение (компенсация) вреда в уголовном судопроизводстве. Гражданский иск в уголовном процессе: монография. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 158 с.

REFERENCES

1. YAni P.S. Sootnoshenie razmera hishcheniya i summy grazhdanskogo iska po ugovolnomu delu // Zakonnost'. 2020. № 7. S. 32 – 36.
2. O praktike rassmotreniya sudami grazhdanskogo iska po ugovolnomu delu: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 13 oktyabrya 2020 g. № 23 // Rossijskaya gazeta. 2020.
3. Ugolovnyj process: uchebnik / pod red. A.I. Bastrykina, A.A. Usacheva. M.: YUrajt, 2018. 415 s.
4. Grishin A.V., Vetrova O.A., Semenov E.A. Nalozhenie aresta na imushchestvo v ugovolnom processe: monografiya. Orel: OrYUI MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova, 2017. 315 s.
5. Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnoe posobie / N. S. Ponomareva i dr. Voronezh: VI MVD Rossii, 2016. 211 s.
6. Ugolovnyj process: uchebnik. V 3 ch. CH. 1. Obshchie polozheniya ugovolnogo sudoproizvodstva / red.: V.G. Glebov, E.A. Zajceva. 5-e izd., pererab. i dop. Volgograd: VA MVD Rossii, 2017. 401 s.
7. Hegaj E.F. Grazhdanskij isk v ugovolnom processe: problemy ispolneniya // Molodoj uchenyj. 2016. № 12 (116). S. 650 – 652.
8. Grishin A.V., Mel'nik S.V. Vozmeshchenie (kompensaciya) vreda v ugovolnom sudoproizvodstve. Grazhdanskij isk v ugovolnom processe: monografiya. Orel: OrYUI MVD Rossii, 2012. 158 s.

Сведения об авторах:

Шайдуллина Эльвира Дамировна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
e-mail:elya-hi@bk.ru

Семенов Евгений Алексеевич, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова
e-mail: semen_evge@mail.ru

© Шайдуллина Э.Д., Семенов Е.А., 2021

About the authors:

Shaydullina Elvira D., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail:elya-hi@bk.ru

Semenov Evgeny A., Candidate in Law (Research doctorate), Professor of the Department of Criminal Procedure, Oryol Law Institute of MIA of Russia. named after V.V. Lukyanov
e-mail: semen_evge@mail.ru

Авторский вклад:

Шайдуллина Э.Д. – обзор литературы, материалы и методы, результаты исследования.

Семенов Е.А. – введение, обзор литературы, результаты исследования, обсуждение и заключение.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 25.02.2021.

Статья принята к публикации: 24.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

УДК 34.09.

DOI: 10.37973/KUI.2021.36.88.022

Е.В. Кушнарёва

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ИНСТИТУТА ОПЕРАТИВНЫХ СОВЕЩАНИЙ
В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ**

**IMPROVING THE LEGAL FRAMEWORK REGULATION
OF BRIEF MEETINGS
IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Введение: статья посвящена исследованию особенностей правовой регламентации института оперативных совещаний в системе МВД России.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормативные правовые акты, научные труды К.С. Бельского, Б.Н. Волгина, И.И. Грядового, Ю.Н. Демидова, В.Я. Кикотя, М.В. Костенникова, А.В. Куракина, С.С. Маиляна, А.Г. Маркушина, Е.Ю. Пирогова, А.Д. Ульянова. В качестве методов выступили общенаучные методы, представленные контент-анализом и теоретико-правовым моделированием.

Результаты исследования: акцентировано внимание на необходимости правовой регламентации термина «оперативное совещание», который следует привести в соответствие с понятийным аппаратом, применяемым в существующих законодательных и иных нормативных правовых актах Российской Федерации и нормативных правовых актах МВД России, и сформировать единый подход к его пониманию и применению. Предложена теоретическая характеристика преимуществ такого вида совещаний. Сформулирован термин «оперативное совещание» применительно к системе МВД России.

Обсуждение и заключения: предлагается закрепить в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность системы МВД России, термин «оперативное совещание». Обоснована возможность повышения эффективности деятельности управленческого труда руководителя, а также оптимизации документооборота в повседневной оперативно-служебной деятельности подразделений полиции Российской Федерации в результате совершенствования правовой регламентации института оперативных совещаний в системе МВД России.

Ключевые слова: совещание, оперативное совещание, организация проведения совещаний, правовая регламентация, управленческая деятельность, управленческий труд руководителя, институт оперативного совещания, коллективные формы принятия управленческих решений.

Для цитирования: Кушнарёва Е.В. О совершенствовании правовой регламентации института оперативных совещаний в системе МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 422-428. DOI: 10.37973/KUI.2021.36.88.022

Introduction: the article is devoted to the study of the features of the legal regulation of brief meetings in the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Materials and Methods: the study was a regulatory act, as the results of the study, research papers of K.S. Belsky, B.N. Volgin, I. Ridges, Yu. N. Demidov, V.Y. Kikot, V.M. Kostennikov, A.V. Kurakin, S.S. Mailyana, A.G. Markushina, E.Y. Pirogov, A.D. Ulyanov.

Results: attention is focused on the need for legal regulation of the term "brief meetings", which needs to be brought into line with the conceptual apparatus used in existing legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation and regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and to form a unified approach to its understanding and application. A theoretical characteristic of the advantages of this type of meetings is proposed. The term "brief meetings" is formulated in relation to the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Discussion and Conclusions: the author suggests to fix the term "brief meetings" in regulatory acts regulating the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The possibility of increasing the efficiency of the managerial work of the head, as well as optimizing the document flow in the daily operational and official

activities of the police units of the Russian Federation by improving the legal regulation of the institute of operational meetings in the Ministry of Internal Affairs of Russia is substantiated.

Keywords: meeting, operational meeting, organization of meetings, legal regulation, managerial activity, managerial work of the head, institute of operational meeting, collective forms of managerial decision-making.

For citation: Kushnarjova E.V. Improving the Legal Framework Regulation of Brief Meetings in MIA of Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 422-428. DOI: 10.37973/KUI.2021.36.88.022

Введение

Совершенствование правовой регламентации института оперативных совещаний продиктовано необходимостью более широкого использования возможностей потенциала коллективных форм принятия управленческих решений, что является одним из важнейших видов деятельности каждого руководителя. Главная задача руководителя состоит в выработке оптимальных управленческих решений, выявлении реального положения дел в подчиненном подразделении, раскрытии потенциальных возможностей коллектива [1, с. 58]. От того, насколько качественно проведена подготовка к коллегиальному обсуждению вопросов на оперативном совещании, зависит эффективность принятых управленческих решений.

Совещание – это форма организации деловой коммуникации коллектива с целью обмена информацией и принятия совместных решений по наиболее важным для служебного коллектива проблемам [2, с. 12].

Приведенное в настоящей статье исследование доказывает необходимость совершенствования правовой регламентации института оперативных совещаний в системе МВД России.

Обзор литературы

Вопросы проведения совещаний отдельно рассматривались в работах К.С. Бельского, Б.Н. Волгина, И.В. Грошева, И.И. Грядового, Ю.Н. Демидова, В.Я. Кикотя, М.В. Костенникова, А.В. Куракина, В.К. Лозенко, С.С. Маиляна, А.Г. Маркушина, Е.Ю. Пирогова, А.Д. Ульянова.

Материалы и методы

Основу статьи составляет метод экспресс-опроса, а также общенаучные методы исследования, которые представлены контент-анализом и теоретико-правовым моделированием. Эмпирической основой исследования выступила норма-

тивно-правовая база территориальных органов МВД России по субъектам, а также специальная литература.

Позиции автора сформированы в соответствии с проведенным исследованием, а также опытом практической деятельности.

Результаты исследования

Представленный в статье материал затрагивает вопросы необходимости правовой регламентации оперативного совещания, действующего в подразделениях системы МВД России. Так, одним из ключевых аспектов деятельности руководителя является проведение совещаний как одной из коллективных форм принятия управленческих решений при выполнении правоохранительных задач [3, с. 445].

Министерство внутренних дел Российской Федерации¹ реализует различные полномочия, а грамотные управленческие решения, принимаемые в ходе совещаний, играют важную роль для повышения эффективности осуществления функций, отнесенных к компетенции полиции [4, с. 22].

Сложившаяся практика проведения совещаний свидетельствует, что «оперативное совещание» – это совещание, проводимое в соответствии с графиком, то есть плановое. Однако при изучении руководящих документов системы МВД России, начиная с указа Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699², отмечается отсутствие правовой регламентации термина «оперативное совещание». Проведенный анализ положений территориальных органов (далее – «ТО» или «тероганы») МВД субъектов РФ дает основания утверждать, что главные управления вправе образовывать координационные, консультативные, экспертные и совещательные органы (советы, комиссии), в том числе межведомственные, в сфере внутренних дел³. Вместе с тем в территориальных органах МВД России на региональ-

¹ Далее – «МВД».

² Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации.

³ Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Москве: приказ МВД России от 27.07.2017 № 551, Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Волгоградской области: приказ МВД России от 25 июля 2017 года № 530, приказ МВД России от 25.07.2017 № 527 «Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Краснодарскому краю» и др.

ном уровне проводятся оперативные совещания при начальниках¹.

Однако при анализе понятийного аппарата, используемого в вышеприведенных нормативных правовых актах, установлено, что термин «оперативное совещание» интерпретируется по-разному. Так, в ГУ МВД России по Волгоградской области: «Оперативное совещание при начальнике Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Волгоградской области является одной из форм коллегиального рассмотрения текущих вопросов деятельности подразделений Главного управления и органов внутренних дел Волгоградской области»². Аналогичная формулировка используется в ГУ МВД России по г. Москве³. Проведение оперативных совещаний проводится на основе планирования. То есть «оперативное совещание» в данных подразделениях – это совещание, проводимое в соответствии с графиком.

При этом в ГУ МВД России по Краснодарскому краю правовой акт предусматривает, что «совещание при начальнике Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Краснодарскому краю является одной из форм коллективного рассмотрения вопросов деятельности подразделений системы ГУ МВД России по краю, требующих оперативного решения», а также «плановые и внеочередные оперативные совещания могут проводиться с выездом в территориальные ОВД края»⁴. Следовательно, в данном Управлении термины «совещание» и «оперативное совещание» являются тождественными.

Детальное изучение имеющейся ведомственной нормативно-правовой базы дает основания

утверждать, что в данном контексте термин «оперативное совещание» встречается в пункте 17 Типового положения о территориальном органе МВД России на районном уровне⁵.

Так, «оперативное совещание» в ТО МВД России на региональном уровне находит свое отражение в Регламенте Министерства внутренних дел Российской Федерации⁶ таким образом [5, с. 463]: «По решению руководителя (начальника) территориального органа МВД России проводятся оперативные совещания, на которых рассматриваются вопросы деятельности территориального органа МВД России. Поручения руководителя (начальника) территориального органа МВД России по результатам рассмотрения вопросов на оперативном совещании оформляются протоколом»⁷.

Проводя дальнейший мониторинг нормативной правовой базы Министерства внутренних дел РФ, следует отметить, что термин «оперативное совещание» используется в Центральном аппарате МВД России. Например, оперативное совещание создается при начальнике Академии управления МВД России и является одной из форм коллегиального рассмотрения текущих вопросов функционирования Академии и ее структурных подразделений⁸. Также подобное совещание создается при руководителе Департамента государственной службы и кадров Министерства внутренних дел Российской Федерации: «Действует оперативное совещание, порядок проведения и состав которого определяются начальником Департамента»⁹, как и при начальнике Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Рос-

¹ Об утверждении Положения о коллегии ГУ МВД России по Волгоградской области, регламентов ГУ МВД России по Волгоградской области, совещания при начальнике ГУ МВД России по Волгоградской области и совещания при заместителе начальника ГУ МВД России по Волгоградской области: приказ ГУ МВД России по Волгоградской области от 17.01.2013 № 17, О коллегии ГУ МВД России по г. Москве и оперативном совещании при начальнике ГУ МВД России по г. Москве: приказ ГУ МВД России по г. Москве от 26.12.2016 № 537, О коллегии ГУ МВД России по Краснодарскому краю и оперативном совещании при начальнике ГУ МВД России по Краснодарскому краю: приказ ГУ МВД России по Краснодарскому краю от 19.05.2012 № 671.

² Об утверждении Положения о коллегии ГУ МВД России по Волгоградской области, регламентов ГУ МВД России по Волгоградской области, совещания при начальнике ГУ МВД России по Волгоградской области и совещания при заместителе начальника ГУ МВД России по Волгоградской области: пункт 1 приложения № 3 приказа от 17.01.2013 № 17 ГУ МВД России по Волгоградской области.

³ О коллегии ГУ МВД России по г. Москве и оперативном совещании при начальнике ГУ МВД России по г. Москве: приказ ГУ МВД России по г. Москве от 30.06.2021 № 244.

⁴ О коллегии ГУ МВД России по Краснодарскому краю и оперативном совещании при начальнике ГУ МВД России по Краснодарскому краю: п. 1, 7 приложения № 3 к приказу от 19.05.2012 № 671 ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

⁵ Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 05.06.2017 № 355.

⁶ Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации: пункт 148 приказа МВД России от 17.10.2013 № 850.

⁷ Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации.

⁸ Об утверждении Положения об оперативном совещании при начальнике Академии управления МВД России: пункт 1 приказа Академии управления МВД России от 30.03.2017 № 126.

⁹ Об утверждении Положения о Департаменте государственной службы и кадров Министерства внутренних дел Российской Федерации: пункт 15 приказа МВД России от 16.06.2011 № 660.

сийской Федерации¹. И этот перечень не является исчерпывающим.

При изучении нормативных источников других министерств и ведомств установлено, что организация и проведение оперативных совещаний в указанных структурах нормативно закреплены в соответствующих положениях [6, с. 392]. Так, Регламентом Генеральной прокуратуры Российской Федерации установлено, что «вопросы организации и осуществления прокурорской деятельности, не требующие обсуждения на заседании коллегии, рассматриваются на оперативных или межведомственных совещаниях при Генеральном прокуроре РФ, его заместителях, а также при начальниках подразделений Совещания проводятся по мере необходимости. Порядок и сроки их проведения, круг участников определяются в каждом конкретном случае руководителем, который проводит совещание»². В Следственном комитете Российской Федерации: «Для коллегиального обсуждения вопросов, отнесенных к компетенции Следственного комитета (кроме вопросов, подлежащих обсуждению на заседании коллегии Следственного комитета), Председатель Следственного комитета проводит совещания, в том числе оперативные и межведомственные»³.

В ходе исследования Положения о Совете Безопасности Российской Федерации⁴ установлено, что «в целях обсуждения текущих вопросов обеспечения национальной безопасности, требующих принятия управленческих решений, Председатель Совета Безопасности проводит с постоянными членами Совета Безопасности оперативные совещания, как правило, один раз в неделю. Оперативные совещания Совета Безопасности проводятся в соответствии с планами, утверждаемыми ее Председателем. Повестка дня оперативных совещаний Совета Безопасности и состав участников определяются Председателем Совета Безопасности по представлению Секретаря Совета Безопасности. Организацию подготовки оперативных совещаний

Совета Безопасности и проектов его решений осуществляет Секретарь Совета Безопасности»⁵.

Согласно данным специальной литературы, под оперативным совещанием понимается «деловое совещание с целью получения руководством информации о текущем состоянии дел в организации, выработки решений оперативного характера и постановки соответствующих задач перед исполнителями»⁶.

Вместе с тем существующая нормативно-правовая база в системе МВД России не дает определения понятию «оперативное совещание», в результате отсутствует единое понимание требований к его организации и проведению. Так, в соответствии с Регламентом (далее – «Регламент») совещания у Министра внутренних дел Российской Федерации, совещание является одной из форм коллегиального рассмотрения текущих вопросов деятельности подразделений МВД России⁷. При этом указанный Регламент определяет плановую основу и требования к периодичности, продолжительности и организации проведения совещаний. Ведомственными нормативными актами также установлено, что в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации для рассмотрения текущих вопросов деятельности действует оперативное совещание при начальнике территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации.⁸ Вместе с тем отсутствуют как определение понятия таких совещаний, так и какая-либо правовая регламентация требований к их проведению, что, в свою очередь, приводит к отсутствию единого понимания и, как следствие, различного подхода к организации совещательного процесса в различных территориальных органах системы МВД России.

Результаты проведенных Штабом ГУ МВД России по г. Москве проверок свидетельствуют, что в ряде подразделений системы ГУ МВД России по г. Москве есть факты проведения значительного количества совещаний, число которых не

¹ Об утверждении Положения о Департаменте по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Российской Федерации: пункт 15 приказа МВД России от 24.06.2011 № 722.

² Об утверждении регламента Генеральной Прокуратуры Российской Федерации: пункт 5.19 приказа Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 11.05.2016 № 276.

³ О Регламенте Следственного комитета Российской Федерации: пункт 7 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 30.09.2011 № 137.

⁴ О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 № 175.

⁵ Пункт 14 «Положения о Совете Безопасности».

⁶ Сводный словарь терминов, понятий и определений по экономике, финансам и бизнесу. URL: <http://termin.bposd.ru/publ/16-1-0-12389/>

⁷ О коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, совещании у Министра внутренних дел Российской Федерации и совещании у заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации: пункт 1 приложения № 3 к приказу МВД России от 15.08.2011 № 948.

⁸ О внесении изменений в приказ МВД России от 15 августа 2011 г. № 948: пункт 2 приказа МВД России от 24.03.2014 № 172.

соответствует необходимости. При этом количество вопросов, рассматриваемых в рамках одного совещания, не соответствует существующим проблемным аспектам оперативно-служебной деятельности. Это приводит к излишней заорганизованности совещательного процесса и снижает эффективность их проведения.

Основываясь на практическом опыте организации и проведения совещаний, можно отметить, что существует ряд реальных проблем, выявляемых, в том числе, при изучении и оценке состояния управленческой деятельности в ходе инспектирования территориальных органов МВД России.

Прежде всего, это касается периодичности и продолжительности проведения совещаний, актуальности рассматриваемых вопросов, выработки управленческих решений, ориентированных на максимальный «валовый» показатель и повышение места в различного рода рейтинговых позиций, а основной целью остается достижение положительной ведомственной оценки, а не выработка мер, направленных на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также шаблонные решения совещаний, предусматривающие предупреждение руководителей и конкретных сотрудников о привлечении к дисциплинарной ответственности «за низкие показатели» работы, либо попросту копирование решений из совещания в совещания, носящих декларативный характер и дублирующих требования уже существующих нормативных правовых актов, либо ранее принятых управленческих решений. Кроме того, зачастую, такие решения имеют размытые формулировки, не адресованы конкретным исполнителям и не имеют сроков реализации. В первую очередь, такое положение дел обусловлено различными требованиями руководителей территориальных органов МВД России.

Так, например, результаты проведенного экспресс-опроса демонстрируют, что оптимальная продолжительность проведения оперативного совещания не должна превышать 40 – 60 минут¹. Вместе с тем есть случаи, когда в подразделениях системы МВД России рассмотрение одного запланированного на оперативном совещании вопроса занимает более двух часов. Это влияет на количество и качество принимаемых управленческих решений и, следовательно, на эффективность, достигнутую в ходе их реализации.

Иными словами, отсутствие правовой регламентации термина «оперативное совещание» влечет неоднозначность его понимания, в том числе требо-

ваний к организации его подготовки и проведению и требует научной проработки, создания единого подхода к понятийному аппарату в коллективном решении актуальных проблем в системе МВД России.

Изученная эмпирическая база, используемая для настоящего научного исследования, свидетельствует, что основной формой является плановое совещание, то есть проводимое в соответствии графиком [7, с. 13].

При том, что основной функцией управления является планирование, которое реализуется для целедостижения посредством определения порядка, а также временных отрезков и сроков реализации поставленных задач, соблюдения рациональности и равномерности использования кадрового, финансового, материально-технического потенциала, в том числе и совещаний, при спланированном обсуждении отдельных направлений оперативно-служебной деятельности эффективность принятия управленческих решений гораздо выше, чем при проведении совещания, проводимого без элементов планирования в сжатые сроки подготовки.

Проведенный экспресс-опрос среди руководящего состава гарнизона московской полиции, в том числе на районном уровне, свидетельствует, что 70% опрошенных респондентов считают проведение плановых совещаний наиболее эффективной формой принятия оперативных «менеджерских маневров».

При этом эффективность принятия управленческих решений представляется одним из наиболее значимых элементов деятельности любого руководителя². Вследствие этого появляется проблемный вопрос повышения эффективности подготовки и принятия решений [3, 453]. Именно поэтому на основе приведенного исследования существует необходимость нормативного закрепления термина «оперативное совещание» для четкого понимания у руководителей всех уровней роли и места такого совещания в организации деятельности подчиненных подразделений.

В результате исследования можно дать следующее определение термину «оперативное» совещание. «*Оперативное совещание* – одна из форм коллегиального рассмотрения текущих вопросов деятельности подразделений системы МВД России, требующих безотлагательного рассмотрения с целью выработки решений оперативного характера, проводимого, как правило, в соответствии с

¹ В экспресс-опросе приняли участие более 1000 (1044) руководителей системы ГУ МВД России по г. Москве. Далее – «Экспресс-опрос».

² Сводный словарь терминов, понятий и определений по экономике, финансам и бизнесу. URL: <http://termin.bposd.ru/publ/16-1-0-12389> (дата обращения: 23.07.2021).

графиком, состав участников и организационные аспекты которого установлены соответствующим нормативно-правовым актом с обязательным документальным оформлением принятых управленческих решений».

Остановимся на особенностях оперативного совещания: неотложность, актуальность возникшей проблемы (ситуации) и необходимость ее скорейшего анализа, выработки решений оперативного характера, функционирования с целью глубокого и всестороннего рассмотрения отдельных направлений оперативно-служебной деятельности; проводятся в соответствии с графиком; нормативно утвержденным Регламентом, предусматривающим состав участников совещания, его организационное и техническое обеспечение, время и место проведения, распределение обязанностей между подчиненными подразделениями по подготовке и организации документационного обеспечения совещания; обязательное документальное оформление управленческих решений председательствующего, учитывая не только протокольную форму, но и подготовку поручений. Именно в этом заложена особая роль оперативного совещания.

На наш взгляд, нормативное закрепление термина «оперативное совещание», безусловно, необходимо, поскольку отсутствие нормативного определения и фактическое его использование при выстраивании управленческой деятельности руководителей всех уровней ведет к отсутствию единой целостной системы института совещаний в системе МВД России, а также излишнему документообороту.

Следует предположить, что положительный пример регламентации термина «оперативное совещание» станет продолжением реализации поручений, данных Министром внутренних дел России В.А. Колокольниковым на расширенном заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 года по оптимизации документооборота¹.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование свидетельствует, что организационные основы деятельности руково-

дителя любого уровня системы МВД России невозможны без проведения совещаний. Для эффективного выстраивания управленческой деятельности необходимо создание единого подхода к коллективным формам обсуждения проблем оперативно-служебной деятельности.

Анализ действующей нормативно-правовой базы системы МВД России демонстрирует, что наряду с термином «совещание» встречается упоминание «оперативное совещание», которые трактуются как синонимы. Однако термины не являются тождественными, следовательно, требуют нормативной трактовки и обладают следующими отличиями: 1. Неотложностью. 2. Актуальностью возникшей проблемы (ситуации) и необходимостью ее скорейшего анализа и выбора оптимального решения. 3. Функционированием с целью глубокого и всестороннего рассмотрения отдельных направлений оперативно-служебной деятельности. 4. Плановой основой проведения. 5. Нормативным закреплением Регламента оперативного совещания. 6. Выработкой решений оперативного характера. 7. Обязательным документальным оформлением управленческих решений председательствующего.

Именно поэтому в целях создания такого подхода к проведению совещаний необходима правовая регламентация термина «оперативное совещание» в Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типовом положении о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации и приведение в соответствие положений о территориальных органах МВД России по субъектам РФ, а также иных нормативных правовых актов.

Закрепление термина «оперативное совещание» позволит выстроить единую систему проведения оперативных совещаний (по сути, много лет существующих) и сформировать институт проведения оперативных совещаний, который позволит продолжить проведение оптимизации документооборота в деятельности системы МВД России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ульянов А.Д., Ененков А.В. Организация и проведение служебных совещаний в системе МВД России: учебно-методическое пособие. М.: Академия управления МВД России 2016. 77 с.
2. Стойко Н.Г., Кириллова Н.П., Лодыженская И.И. Правоохранительные органы: учебник для академического бакалавриата. 4 изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 518 с.

¹ Докладная записка «Об исполнении поручения» на имя Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева за подписью заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника полиции А.А. Гостева.

3. Кикоть В.Я., Маилян С.С., Грядовой Д.И. Наука управления. Организации и управления в правоохранительной деятельности: науч. издание / М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 751 с.
4. Черников В.В. Органы охраны правопорядка: учебник. 4 изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 736 с.
5. Ульянов А.Д., Кушнарева Е.В., Воронежский С.С. Потенциал коллективных форм решения вопросов оперативно-служебной деятельности в территориальных органах МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 56-63.
6. Гурулев Д.В. Правовые и организационные основы использования прокурорами информационных технологий при осуществлении основных видов деятельности прокуратуры // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. 2013. № 8 (124). С. 391-394.
7. Кузнецова Л.В., Миронов Е.В. Организация подготовки и проведения заседаний коллегиальных органов в территориальных органах МВД России на региональном и районном уровнях: учебно-методическое пособие / Барнаул: Барнаульский институт МВД России, 2014. 64 с.

REFERENCES

1. Ul'yanov A.D., Enenkov A.V. Organizaciya i provedenie sluzhebnyh soveshchanij v sisteme MVD Rossii: uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii 2016. 77 s.
2. Stojko N.G., Kirillova N.P., Lodyzhenskaya I.I. Pravoohranitel'nye organy: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. 4 izd. pererab. i dop. M.: YUrajt, 2019. 518 s.
3. Kikot' V.YA., Mailyan S.S., Gryadovoj D.I. Nauka upravleniya. Organizacii i upravleniya v pravoohranitel'noj deyatel'nosti: nauch. izdanie / M.: YUNITI-DANA, 2010. 751 s.
4. Chernikov V.V. Organy ohrany pravoporyadka: uchebnik. 4 izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2018. 736 s.
5. Ul'yanov A.D., Kushnareva E.V., Voronezhskij S.S. Potencial kollektivnyh form resheniya voprosov operativno-sluzhebnoj deyatel'nosti v territorial'nyh organah MVD Rossii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 1 (53). S.56-63.
6. Gurulev D.V. Pravovye i organizacionnye osnovy ispol'zovaniya prokurorami informacionnyh tekhnologij pri osushchestvlenii osnovnyh vidov deyatel'nosti prokuratury // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G.R. Derzhavina. 2013. № 8 (124). S. 391-394.
7. Kuznecova L.V., Mironov E.V. Organizaciya podgotovki i provedeniya zasedanij kollegial'nyh organov v territorial'nyh organah MVD Rossii na regional'nom i rajonnom urovnyah: uchebno-metodicheskoe posobie / Mironov. Barnaul: Barnaul'skij institut MVD Rossii, 2014. 64 s.

Сведения об авторе:

Кушнарёва Елена Владимировна, заместитель начальника 1-го отдела Управления анализа, планирования и контроля Штаба Главного управления МВД России по г. Москве – начальник организационного отделения
e-mail: Kushnaryova82@mail.ru

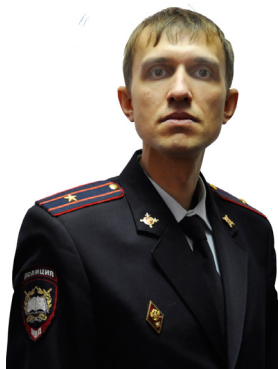
© Кушнарева Е.В., 2021

About the author:

Kushnarjova Elena V., Deputy Head of the 1st Division of the Analysis, Planning and Control Department of the Headquarters of MIA of Russia in Moscow
e-mail: Kushnaryova82@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 24.06.2021.
Статья принята к публикации: 24.09.2021.
Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

Д.В. Кузнецов

А.М. Айгозина

**СПОСОБЫ ТЕХНИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ
БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ МВД РОССИИ**

**METHODS OF TECHNICAL CONTROL OF CORRUPTION
IN INTERNAL AFFAIRS OF STAFF STATE ROAD SAFETY INSPECTORATE
OF MIA OF RUSSIA**

Введение: в статье рассматривается проблема коррупции в рядах сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России (далее – ГИБДД), которые несут свою службу на постах. Изучены позиции ученых в отношении исследуемой проблемы, особенности технического оснащения экипажей ГИБДД и самих сотрудников. Предложены алгоритмы, ведущие к минимизации коррупции в рассматриваемой среде.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись диалектический метод познания, анализ, синтез. Также применялись статистический и эмпирический методы. Материалами исследования явились решения судов первой и второй инстанций различных регионов Российской Федерации по коррупционным преступлениям в отношении сотрудников ГИБДД.

Результаты исследования: в ходе исследования были разработаны и предложены алгоритмы дистанционного контроля процесса видеофиксации работы сотрудников ГИБДД.

Обсуждение и заключения: итогом работы стало предложение о внедрении дистанционного контроля за работой переносных видеорегистраторов. Предложенные авторами статьи алгоритмы дистанционного контроля призваны способствовать минимизации коррупционных правонарушений со стороны сотрудников ГИБДД.

Ключевые слова: видеофиксация, коррупция, взятка, безопасность дорожного движения, носимый видеорегистратор, укрепление дисциплины.

Для цитирования: Кузнецов Д.В., Айгозина А.М. Способы технического контроля коррупционных проявлений в деятельности сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 429-435. DOI: 10.37973/KUI.2021.22.88.023

Introduction: the article examines corruption in officers of the State Inspectorate for Road Traffic Safety who carry out their service at posts in their respective functions. Viewpoints of various authors on the problem under study, as well as the features of the technical equipment of the traffic police crews and the employees themselves, have been studied. Algorithms leading to the minimization of corruption in the considered environment are proposed. The authors provide strategies to reduce the corruption.

Materials and Methods: in the course of the work, the dialectical method of cognition, analysis, synthesis were used. The statistical method and the empirical method were also used. Materials of the study were decisions of the first and second instance courts of the regions of the Russian Federation on corruption towards state road safety inspectorate of MIA of Russia.

Results: in the course of the study, algorithms for remote control of video recording in the work of traffic police officers were developed.

Discussion and Conclusions: the result of the work was the proposal for the implementation of remote controlling portable body cameras. The authors also suggested the algorithms for remote control aimed at reduction of corruption in State Road Safety Inspectorate of MIA of Russia.

Key words: video recording, corruption, bribe, road safety, wearable video recorder, strengthening discipline.

For citation: Kuznetsov D.V., Aygozina A.M. Methods of Technical Control of Corruption in Internal Affairs of State Road Safety Inspectorate of MIA of Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, No. 3 (45). P. 429-435. DOI: 10.37973/KUI.2021.22.88.023

Введение

Коррупция была и есть одной из актуальных проблем в деятельности государства и общества. Проблема противодействия коррупции, в том числе в системе МВД России, уделяется значительное внимание как со стороны научных специалистов, так и практических работников.

Рассмотрим один пример, представляющий интерес в контексте заявленной нами темы исследования.

В 2018 году Верховным Судом Российской Федерации было рассмотрено административное дело по заявлению Р., включенное в дальнейшем в Бюллетень (2019 № 3). В указанном деле гражданин оспаривал положения Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденного приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № 664. В частности, им было указано в мотивировочной части своей жалобы следующее: «Предусмотренное основание для предъявления сотрудником требования об остановке водителем транспортного средства вне стационарных постов может привести к злоупотреблениям со стороны инспекторов Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, несет в себе существенную угрозу коррупционной составляющей в их действиях, так как какой-либо контроль за соблюдением ими законных оснований для остановки транспортных средств Административным регламентом не установлен»¹. При рассмотрении данного дела

истец лично не явился, а Верховный Суд Российской Федерации посчитал указанную им мотивировку не основанной на нормах права, приведя подробное обоснование законности оспариваемых истцом положений. Следует обратить внимание, что подобный пример говорит о попытке истца как гражданина России законными методами осуществить предупреждение коррупции в ГИБДД. Проблема коррупции в России повсеместно обсуждается во всех ветвях власти. Пресечение коррупционных проявлений сегодня реализуется в достаточно жесткой форме вне зависимости от того, кто именно совершил коррупционное нарушение. Из представленного примера следует, что проблема не решена, а граждан волнует не только наличие приговоров по уголовным делам в отношении коррупционеров, но и способы профилактики коррупционных проявлений в целом. Указанное демонстрирует актуальность затронутых вопросов.

Обзор литературы

Проблеме коррупционных проявлений сотрудников ГИБДД МВД России в научной литературе уделяется значительное внимание. Так, например, данной теме посвящены труды Ю.П. Гармаева, Э.А. Иванова, С.А. Маркунцова [1]. О.А. Строева и М.В. Бондаренко указывали на достаточно высокие показатели привлечения сотрудников МВД России к дисциплинарной (увольнение) и уголовной ответственности за рассматриваемый вид нарушений и немалое количество рассматриваемых обращений граждан о фактах коррупции в правоохранительной сфере – около 5000 в год. Исследователи отмечали эффективность метода премирования сотрудников ГИБДД, сообщивших о фактах склонения к взятке, который реализовывался в Брянской области [2]. Заместитель прокурора Хохольского района Воронежской области С.В. Верзилин, указывая в своей статье

¹ Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим в части подпункта 84.13 Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утв. приказом МВД России от 23.08.2017 № 664/ Решение Верховного Суда РФ от 12.02.2018 № АКПИ17-1115., Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3 //Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

на то, что наиболее продуктивными способами контроля уровня безопасности дорожного движения являются автоматизированные системы фиксации нарушений правил дорожного движения, обращал внимание на неэффективность работы самих сотрудников ГИБДД на постах из-за многих факторов, в том числе из-за высокого уровня коррупции в их рядах [3]. М.М. Поляков обратил внимание на проведенное в Нижегородской области социологическое исследование, согласно которому ГИБДД, с позиции респондентов опроса, занимает первое место в тройке государственных органов с максимальным уровнем коррупционных проявлений [4]. Об аналогичной статистике говорил и В.Н. Борков, рассматривая особенности квалификации мелкой взятки и приводя в примерах решения судов, вынесенные по уголовным делам в отношении сотрудников ГИБДД, совершивших такого рода преступления [5]. Следует отметить, что существуют различные точки зрения в отношении методов предупреждения коррупционных проявлений среди сотрудников ГИБДД. В.Н. Борков предлагал пересмотреть порядок реализации оперативного эксперимента и особенности квалификации совершенных коррупционерами деяний в целом [5, с. 85]. О.А. Строева и М.В. Бондаренко указывали на необходимость уделять большее внимание формированию уровня правосознания сотрудников полиции и ГИБДД в частности [2, с.34]. С.В. Верзилин предлагал совершенствовать нормативно-правовую базу деятельности ГИБДД и усилить контроль за работой технических систем фиксации нарушений [3, с. 54-55]. Полагаем, что меры подобного рода не содержат исчерпывающего решения существующей проблемы.

Материалы и методы

В качестве базового метода при проведении исследования использовался диалектический метод познания, а также анализ и синтез. При выявлении проблемы применялся статистический метод. Также в ходе изучения коррупционных преступлений, отраженных в исследуемых решениях судов, использовался эмпирический метод.

Результаты исследования

Изученные нами труды ученых дают основание утверждать, что решение проблемы коррупции в деятельности сотрудников ГИБДД на данный момент в полной мере не найдено. О.А. Строева и М.В. Бондаренко указывали, что уровень коррупции в ГИБДД напрямую зависит от состояния

дисциплины и законности в соответствующих подразделениях [2, с. 33]. М.М. Поляков указывал на продуктивность антикоррупционного мониторинга при изучении рассматриваемой проблемы, а также говорил о необходимости введения административной ответственности за непринятие мер по противодействию коррупции со стороны государственных служащих [4, с. 80].

В ходе проведенного исследования для поиска способов решения изучаемой проблемы нами был изучен паспорт федерального проекта «Безопасность дорожного движения». В соответствии с данным документом на период с 2019 по 2023 год запланировано выделение 55864,58 млн рублей на финансовое обеспечение проекта. Часть денежных средств к настоящему моменту уже освоена. Согласно положениям паспорта, «подразделения, осуществляющие контрольные и надзорные функции в области обеспечения безопасности дорожного движения, оснащены патрульными автомобилями, оборудованными техническими средствами фиксации обстановки внутри и снаружи автомобиля, радиостанцией, сигнальной громкоговорящей установкой, нанесенной цветографической окраской (не менее 19323 единиц)¹. При этом в программе также заложено совершенствование действующих систем автоматической фиксации правонарушений. Указанная программа, а также выделяемые государством денежные средства предоставляют немалые возможности для выработки систем противодействия коррупции в рядах ГИБДД в результате применения имеющихся технических средств. Проведенное нами изучение практики организации работы патрульных экипажей, непосредственно связанных с безопасностью дорожного движения, дает основания утверждать, что их деятельность осуществляется с применением средств видеofиксации работы данных сотрудников. Практически все моторизованные экипажи в крупных городах на данный момент оснащены встроенным в транспортное средство видеорегистратором. В то же время, в соответствии с п. 39 Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, фиксация работы экипажей может быть осуществлена и на носимые видеоре-

¹ Паспорт федерального проекта «Безопасность дорожного движения» (утв. протоколом заседания проектного комитета по национальному проекту «Безопасные и качественные автомобильные дороги» от 20.12.2018 № 4) //Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

гистраторы¹. Носимые видеорегистраторы появились в правоохранительной деятельности достаточно давно. О технических требованиях к ним писал еще в 2016 году С.В. Назаров [6, с. 19–20]. При этом постоянное использование данных средств среди сотрудников ГИБДД не всегда практикуется. Указанное, в том числе, связано с возможностью самостоятельно включать и выключать данный прибор. Необходимости данной функции противоречит отсутствие прямой потребности вести постоянную видеофиксацию всех действий сотрудника в ходе его работы на посту. Постоянная видеофиксация действий сотрудников ГИБДД может привести к нарушению отдельных личных прав этих сотрудников, в том числе права на неприкосновенность частной жизни. Современные технологии позволяют решить данную проблему, реализовав дистанционный контроль за видеозаписью на носимые видеорегистраторы. При синхронизации автомобильной системы видеонаблюдения с данными камерами появляется возможность решить поставленные проблемы. Так, в первом случае включать и выключать носимую камеру видеонаблюдения должен не сотрудник ГИБДД, находящийся на посту, а инспектор, занимающийся выдачей и учетом самих средств видеофиксации, либо любой иной сотрудник, специально уполномоченный на это. При этом видеозапись должна осуществляться не на карту памяти, встроенную в носимый видеорегистратор, а на серверный жесткий диск (магнитный либо твердотельный), находящийся в помещении, подконтрольном ГИБДД. При этом запись, видеозапись в таком случае должна включаться и выключаться указанным выше сотрудником, в том числе после передачи запроса по каналам видеосвязи о необходимости отключения носимого видеорегистратора с указанием конкретных причин приостановления записи. Второй из предложенных методов более сложен в технической реализации, однако более выгоден с экономической точки зрения. Данный метод основан на разработке программного обеспечения, которое может быть подготовлено в том числе за счет средств, выделенных на реализацию федерального проекта «Безопасность дорожного движения». Программное обеспечение должно синхронизировать процесс видеозаписи на автомобильном видео-фиксаторе с носимым

видео-регистратором сотрудника с момента предъявления требования об остановке транспортного средства до момента ручного направления сигнала с автомобиля экипажа об окончании проверки остановленного транспортного средства и его водителя. Запись может осуществляться в таком случае как на съемный носитель, доступ к которому у экипажа должен отсутствовать, так и на серверный жесткий диск, как это предлагалось в первом механизме. Подобный способ полностью лишит сотрудников ГИБДД возможности самостоятельно распоряжаться процессом видеофиксации организации их работы. В ходе подготовки статьи был изучен персональный видеорегистратор «Дозор 77»², который используется экипажами ГИБДД [7, с. 57]. В рамках исследования данный регистратор был сравнен с имеющимся на российском рынке персональным видеорегистратором ВС-G99 (Police VG-99)³ и используемой в полиции Соединенных Штатов Америки системой Axon⁴, включающей целый спектр различного оборудования, в том числе персональные видеорегистраторы Axon Body 3 и Axon Flex 2, которые используют технологию Axon Signal Vehicle⁵. Данная технология позволяет камерам Axon Body 3, Axon Body 2, Axon Flex 2 и Axon Fleet 2 обнаруживать близлежащие события и начинать запись. Signal Vehicle рассказывает об инцидентах от триггеров, активирующих камеру. При этом данные триггеры могут быть настроены по желанию заказчика. Ими может быть как вспышка от выстрела, отблеск сирены либо выход сотрудника из автомобиля. При этом камеры фиксируют события в режиме ожидания. Это позволяет сохранить в среднем две минуты видеозаписи до момента начала основной записи и понять, что стало причиной начала видеосъемки. Данные системы продуктивны в большей мере при нападении на полицейских. Однако они, так же как и более доступный в России видеорегистратор ВС-G99, используют технологию дистанционного просмотра видеосъемки за счет Wi-Fi, 3G, 4G. Следует отметить, что «Дозор 77» позволяет просматривать записи только через подключение по кабелю через usb-2.0. Кроме того, объем аккумуляторной батареи на «Дозор 77» составляет 2700 мАч, в то время как «ВС-G99» могут быть оснащены батареей 5000 мАч, что практически в два раза больше. Несмотря

¹ Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 (ред. от 21.12.2017)// Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Персональный видеорегистратор «Дозор 77». URL: <http://pro-spec.ru/catalog/portativnye-videoregistratory-dlya-politsii/personalnyj-videoregistrator-dozor-77> (дата обращения: 02.08.2021).

³ Полицейская камера ВС-G99. URL: <http://www.body-cam.ru/bc-g99/> (дата обращения: 02.08.2021).

⁴ Axon product catalog. URL: <https://www.axon.com/products> (дата обращения: 02.08.2021).

⁵ Axon Signal Vehicle. URL: <https://www.axon.com/products/axon-signal-vehicle> (дата обращения: 02.08.2021).

на то, что, в соответствии с руководством по эксплуатации, регистратор «Дозор 77» снабжен датчиком нападения, обнаружить, каким именно образом он работает и от каких триггеров включается, в ходе изучения инструкции не представилось возможным. При этом, согласно инструкции, перепрограммировать датчик без специальных познаний невозможно¹. Однако данная проблема может быть решена в результате прямого диалога с изготовителем оборудования. Таким образом, разрабатывать предлагаемую нами технологию в настоящее время самостоятельно уже нет необходимости. При этом полагаем, что регистраторы «Дозор 77», вероятно, могут быть перепрограммированы на автоматическую активацию при их настройке разработчиком оборудования. Отметим, что при покупке нового оборудования остается нерешенным вопрос о том, что делать с уже имеющимися видеорегистраторами. Например, их можно передать участковым уполномоченным полиции либо нарядам патрульно-постовой службы.

Полагаем, что использование видеозаписи в спорных ситуациях также может обезопасить и самих сотрудников от провокаций к взятке либо от покушений на данный вид преступления со стороны нарушителей. К примеру, еще в 2014 году по приговору Тимирязевского районного суда г. Москвы гр. М. был признан виновным в покушении на дачу взятки должностному лицу. По данному делу сотрудник ГИБДД, используя средства технической фиксации, записал процесс, как гр. М. передал ему в папку-скоросшиватель денежные средства в качестве взятки за содействие в прохождении гр. М. экзамена по практическому вождению транспортного средства². Однако в представленном примере средство фиксации было заранее подготовлено и включено. Однако сотрудникам ГИБДД не всегда удастся сделать указанное так же быстро при несении службы на посту. Обратимся к другому примеру, в ходе которого взятка

была снята на автомобильный видеорегистратор, – приговор мирового судьи судебного участка № 365 района Хамовники г. Москвы В. от 5 декабря 2016 года в отношении гр. П.³ Следует обратить внимание, что по данному делу в ходе апелляции осужденный обращал внимание на то, что сотрудники ГИБДД скрыли от него факт видеозаписи в машине. Показания не повлияли на решение суда, однако необходимо учесть, что у экипажа, исходя из дела, носимые видеорегистраторы отсутствовали. Наличие автоматических либо дистанционно контролируемых систем видеофиксации процесса несения службы сотрудниками в таком случае будет способствовать профилактике совершения коррупционных правонарушений сотрудниками ГИБДД. Положительным примером использования носимых видеорегистраторов является приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области в отношении Б., вынесенного 7 сентября 2020 г. По данному делу гражданин Б. лично передал сотруднику ППС МО МВД России «Бузулукский», выполнявшему функции сотрудника ГИБДД, взятку в размере 30 000 руб. в головном уборе, положив его на панель служебной машины. Весь процесс передачи денег был зафиксирован на средства видеофиксации, а запись с них стала одним из доказательств вины Б. в суде⁴.

Обсуждение и заключения

Подводя итог изложенному, следует выдвинуть следующий тезис: коррупция в ГИБДД является системной проблемой, связанной, в том числе, с отсутствием качественно разработанной методологии осуществления контроля за несением службы данной категорией правоохранителей. Полагаем, что коррупционные проявления в деятельности сотрудников ГИБДД могут быть минимизированы в случае реализации одного из предложенных алгоритмов по дистанционному контролю видеофиксации на носимые видеорегистраторы процесса несения службы сотрудниками.

¹ Персональный аудио-видео регистратор «ДОЗОР 77» БРУА.012345.001: руководство по эксплуатации. М., 2013. С.10, 21-22.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 12.11.2014 по делу № 10-14717/14 // Доступ СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное постановление Хамовнического районного суда г. Москвы по делу № 10-4/2017. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/cases/docs/content/2d5713df-a2a2-4d55-83aa-dea8beef04b6>

⁴ Приговор № 1[1]-243/2020 от 07.09.2020 по делу № 1[1]-243/2020 // Архив Бузулукского районного суда Оренбургской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Антикоруptionный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография // СПС «КонсультантПлюс». 2020. 330 с.
2. Строева О.А., Бондаренко М.В. Противодействие коррупции как важный фактор укрепления дисциплины и законности в подразделениях Госавтоинспекции // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 31–34.
3. Верзилин С.В. Актуальные проблемы совершенствования административного надзора в области обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 52–55.
4. Поляков М.М. Антикоруptionный мониторинг в государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 75–81.
5. Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации «мелких» взяточников // Современное право. 2017. № 1. С. 81–86.
6. Назаров С.В. Признание записей видеорегиcтраторов участников дорожного движения в процессе производства по делам об административных правонарушениях // Транспортное право. 2016. № 3. С. 16–20.
7. Куракин А.В., Саидов З.А., Любан В.Г., Молянов А.Ю. Административно-правовое регулирование получения визуальной информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 56–59.

REFERENCES

1. Garmaev YU.P., Ivanov E.A., Markuncov S.A. Antikorrupcionnyj komplajens v Rossijskoj Federacii: mezhdisciplinarnye aspekty: monografiya // SPS «Konsul'tantPlyus». 2020. 330 s.
2. Stroeve O.A., Bondarenko M.V. Protivodejstvie korrupcii kak vazhnyj faktor ukrepleniya discipliny i zakonnosti v podrazdeleniyah Gosavtoinspekicii // Administrativnoe pravo i process. 2020. № 8. S. 31–34.
3. Verzilin S.V. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya administrativnogo nadzora v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i process. 2020. № 9. S. 52–55.
4. Polyakov M.M. Antikorrupcionnyj monitoring v gosudarstvennom upravlenii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 3. S. 75–81.
5. Borkov V.N. Novyj sposob polucheniya vzyatki i rehabilitacii "melkih" vzyatochnikov // Sovremennoe pravo. 2017. № 1. S. 81–86.
6. Nazarov S.V. Priznanie zapisej videoregistratorov uchastnikov dorozhnogo dvizheniya v processe proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Transportnoe pravo. 2016. № 3. S. 16–20.
7. Kurakin A.V., Saidov Z.A., Lyuban V.G., Molyanov A.YU. Administrativno-pravovoe regulirovanie polucheniya vizual'noj informacii pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 10. S. 56–59.

Сведения об авторах:

Кузнецов Дмитрий Владимирович, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
e-mail: iaogsu@mail.ru

Айгозина Альфия Муратовна, старший преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России
e-mail: Amuratovna@mail.ru

© Кузнецов Д.В., Айгозина А.М., 2021

About the authors:

Kuznetsov Dmitrij V., Lecturer at the Department of Criminal Process, the Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: iaogsu@mail.ru

Ajgozina Alfiya M., Senior Lecturer of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs, the Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: Amuratovna@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Кузнецов Д.В. – постановка научной проблемы, выработка методологии, изучение технических решений поставленной проблемы, анализ научной литературы, подготовка заключительной части статьи, редактирование статьи.

Айгозина А.М. – изучение судебной практики, подготовка первоначального варианта статьи.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final version of the manuscript

Статья получена: 08.06.2021.

Статья принята к публикации: 14.09.2021.

Статья опубликована онлайн: 29.09.2021.

**Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал
«Вестник Казанского юридического института МВД России»**

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала: <http://www.vestnikkui.ru>.

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Зотиной Еленой Владимировной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес: vestnikkui@mail.ru).

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Заместитель главного редактора С.Н. Миронов

Корректоры Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова

Дизайн, верстка О.В. Добрыднева

Перевод Е.О. Смирнова

Редакционно-издательское отделение

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Дата выхода в свет 29.09.2021. Цена свободная.

Формат 60x84 1/8 Усл. печ. л. 17.7 Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Тираж 108 экз.